

№ 5 (305). МАЙ 2016

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

А.П. ЦЕСЕВИЧ.
СТАРЫЙ АНГЛИЙСКИЙ ДВОР.
ОТКРЫТКА 1976 ГОДА

1945–2016

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО
ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

Основан
Н.М. Карамзиным
в 1791 году.
Возобновлен
в 1991 году

Литературно-художественный, историко-краеведческий журнал

Главный редактор
Анна Филипповна Грушина

Редколлегия:

Митрополит Истринский
Арсений (Епифанов), Г.В. Аксенова,
А.А. Белай, С.Ю. Житенёв,
В.Ф. Козлов, В.В. Максименко

Художник-верстальщик:

Е.С. Сухорукова

Редактор-корректор:

О.В. Соловьева

Учредитель: ОАО «Редакция газеты
«Вечерняя Москва»». 2016

Выпуск осуществлен при финансовой поддержке Департамента средств массовой информации и рекламы города Москвы

Адрес редакции и издателя: 127015, Москва,
Бумажный проезд, д. 14, стр. 2
Телефон: (499) 557-04-27, доб. 414, 416
E-mail: mostag@mosjour.ru
Официальный сайт: www.mosjour.ru
Рекламная служба: (499) 557-04-03
E-mail: reklama@vm.ru

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство № ФС77-62785 от 18.08.2015 г.

Подписано к печати 15.04.2016.

Печать офсетная.

Объем 12 п. л. Формат 64 х 90/8.

Тираж 43 000 экз.

Цена договорная.

Заказ №

Отпечатано:

ОАО «Подольская фабрика офсетной печати»
142100, Московская обл., г. Подольск,
Революционный просп., д. 80/42

Материалы основных рубрик
рецензируются.

**К 71-Й ГОДОВЩИНЕ
ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ** 2 *Вера Леонидовна Кошелева*
Со сцены на фронт
*О погибших в годы
Великой Отечественной войны
театральном художнике
Анатолии Александровиче
Коломойцеве (1916–1942)
и артисте балета
Игоре Петровиче Васильеве (1920–1942)*

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ 6 *Людмила Сергеевна Рафиенко*
Мятлевы
*О представителях трех поколений
этой известной фамилии*

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ 14 *Наталья Александровна Филаткина*
«Какой талантливый человек!..»
*Василий Осипович Ключевский (1841–1911)
в воспоминаниях современников.
К 175-летию со дня рождения
выдающегося русского историка и педагога*

ТРУДЫ И ДНИ 24 *Александр Николаевич Потапов*
«Никакие укрытия не спасали...»
*О русском конструкторе
артиллерийского вооружения,
изобретателе миномета
Леониде Николаевиче Гобято (1875–1915)*

**ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЕ
КОММЕНТАРИИ** 35 *Надежда Игоревна Подунова*
«Даятель, а не отниматель»
*К портрету русской поэтессы,
писательницы, художницы
Елены Генриховны Гуро (1877–1913)*

**ИЗ ЛЕТОПИСИ
МИРНЫХ ПОДВИГОВ** 44 *Галина Андреевна Аляева*
**«На служение
страждущему человечеству»**
*О существовавшей в Москве
с середины XIX до начала XX века
Никольской общине сестер милосердия*

НАСЛЕДИЕ 51 *Александра Геннадьевна Смирнова*
Вспоминая
Петра Дмитриевича Барановского
*О выдающемся исследователе
и реставраторе памятников архитектуры
П.Д. Барановском (1892–1984)
и о Чтениях его имени*

СВЕТИЛЬНИКИ ВЕРЫ 62 *Алевтина Витальевна Окунева*
Архимандрит Исаакий
(Виноградов. 1895–1981)
Штрихи к портрету

ПРОЗА 70 *Василий Аксёнов*
Дядя Вася
Рассказ

ПО РОССИИ 79 *Николай Владимирович Вехов*
Потаенный уголок Русского Севера
*О Летнем берегу Беломорья
(историко-краеведческий очерк)*

Вера Леонидовна Кошелева

Со сцены на фронт

**О погибших в годы Великой Отечественной войны
театральном художнике
Анатолии Александровиче Коломойцеве (1916–1942)
и артисте балета
Игоре Петровиче Васильеве (1920–1942)**

Эта публикация продолжает начатый «Московским журналом» ранее (2015. № 5) рассказ о талантливых деятелях отечественного искусства, в 1941–1945 годах отдавших свои жизни в боях за Родину.

* * *

А.А. Коломойцев родился в Киеве, но вся его творческая деятельность неразрывно связана с Ленинградом. В начале 1930-х годов, когда одаренный юноша искал собственный путь в изобразительном искусстве, он познакомился с режиссером, сценографом, художником, педагогом Николаем Павловичем Акимовым. Ученик М.В. Добужинского и В.И. Шухаева, блестящий и смелый новатор, Акимов тогда в театральном мире был, как говорится, нарасхват.

Оценив способности и энергию Анатолия, Н.П. Акимов пригласил его к себе ассистентом. Творческое сотрудничество и дружба с выдающимся мастером много дали Коломойцеву как в профессиональном, так и в человеческом плане.

В 1935 году Акимов стал художественным руководителем и главным сценографом вновь образованного Ленинградского театра комедии. Как ассистент Коломойцев участвовал в оформлении всех предвоенных спектаклей, созданных Николаем Павловичем («Школа злословия» Р. Шеридана, «Валенсианская вдова» Лопе де Веги, «На бойком месте» А.Н. Островского), одновременно на-

Анатолий Александрович Коломойцев

К 71-Й ГОДОВЩИНЕ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

А.А. Коломойцев. Эскизы декораций и костюмов к балету «Сказка о попе и о работнике его Балде»

Эскиз костюма Балды

чав самостоятельно работать для различных ленинградских театров. Особенно привлекали молодого художника театры музыкальные. В 1937 году он выполнил эскизы декораций и костюмов к операм «Кармен» Ж. Бизе и «Мазепа» П.И. Чайковского. В великолепном оформлении А.А. Коломойцева в Ленинградском театре музыкальной комедии шли оперетты «Баядера» и «Сильва» на музыку И. Кальмана.

В 1938 году началась плодотворная совместная работа Коломойцева с близким ему по духу хореографом Владимиром Александровичем Варковицким. 15 июня этого же года в честь 200-летия Ленинградского хореографического училища Варковицкий поставил на сцене Кировского театра балет «Ночь перед Рождеством» по мотивам повести Н.В. Гоголя на музыку Б.В. Асафьева. Этот красочный и веселый спектакль был отмечен многими яркими находками как в хореографии, так и в оформлении. Весьма впечатляла, в частности, сцена полета Вакулы на Чёрте. Коломойцев с большой изобретательностью использовал не только живописные задники и выстроенные павильоны, макеты архитектурных ансамблей, технику подъема и спуска декораций, но и световые эффекты. Все это по-особенному

Декорация 2-го действия

передавало сказочную атмосферу повести Гоголя. Национальный колорит постановки подчеркивали костюмы главных героев и кордебалета, также выполненные по эскизам Коломойцева.

В 1939 году А.А. Коломойцев и В.А. Варковицкий приступили к работе над балетом «Сказка о попе и о работнике его Балде» на музыку М.И. Чулаки. Костюмы Балды, членов поповской семьи, а также девушек и парней, танцующих на ярмарке, Коломойцев создавал по образцам, находящимся в Этнографическом отделе Русского музея. Символ русской природы — береза — присутствует в декорациях всех четырех действий. В первом действии веселая пляшущая толпа устремляется на ярмарку мимо березовой рощи. На поповском подворье, где во втором действии без усталости работает Балда, золотые осенние березки склоняются над чудесным деревянным теремом. Тонкие березки обрамляют панораму серого туманного моря в третьем действии, а в четвертом весенняя зелень берез оттеняет ярко цветущую сирень. При оформлении спектакля в сцене «Сон попа» А.А. Коломойцев впервые в советском балете применил светящиеся краски.

Премьера балета «Сказка о попе и о работнике его Балде» состоялась 9 февраля 1940 года на сцене Ленинградского Малого оперного театра и была восторженно принята и зрителями, и критиками.

В первые же дни начавшейся Великой Отечественной войны Анатолий Коломойцев отправился добровольцем на фронт и в 1942 году, будучи разведчиком и выполняя боевое задание, героически погиб на одном из участков Ленинградского фронта.

1 марта 1945 года вернувшийся из эвакуации Ленинградский Малый оперный театр возобновил «Сказку о попе и о работнике его Балде» в коломойцевских декорациях. Балет шел на сцене театра еще около 10 лет.

* * *

Ассистентом А.В. Варковицкого во время постановки балетов «Ночь перед Рождеством» и «Сказка о попе и о работнике его Балде» был характерный танцовщик коренной ленинградец Игорь Петрович Васильев. Несмотря на молодость, Васильев считался тонким знатоком танце-

К 71-Й ГОДОВЩИНЕ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

вального фольклора разных народов и обладал замечательным даром оригинальной сценической интерпретации национальных танцев в балетных спектаклях. Он не только сам виртуозно и экспрессивно исполнял характерные танцы, но на репетициях помогал партнерам почувствовать и передать в движениях тот или иной национальный колорит. При постановке «Ночи перед Рождеством» эти качества Васильева оказались особенно ценны, поскольку балет был буквально пронизан украинским фольклором. Здесь Васильев ярко проявил себя и как ассистент, и как танцовщик.

И.П. Васильев и В.А. Варковицкий продолжали сотрудничать и в период работы над балетом «Сказка о попе и о работнике его Балде». Игорь Петрович помогал Варковицкому ставить цыганские танцы, а на премьере восхитил всех исполнением огненной цыганской пляски в первом акте (сцена ярмарки).

Как и его товарищи по театру — танцовщик С.П. Дубинин (о нем см.: Московский журнал. 2015. № 5) и А.А. Коломойцев, И.П. Васильев в первые дни Великой Отечественной войны ушел добровольцем на фронт и в 1942 году пал смертью храбрых в бою под Ленинградом.

*И.П. Васильев и Т.К. Оппенгейм.
Цыганский танец*

Иллюстрации и подписи к ним приводятся по изданиям:

*Слонимский Ю.И. Советский балет. М.-Л., 1950;
Ленинградский государственный ордена Ленина академический Малый оперный театр. Л., 1940;
«Сказка о попе и о работнике его Балде». Балет в четырех актах.
Сборник к постановке в Ленинградском государственном ордена Ленина академическом Малом оперном театре. Л., 1940.*

Литература

Коломойцев Анатолий Александрович // Художники народов СССР. Библиографический словарь. Т. 5. СПб., 2002.

Подвиг века. Л., 1969.

Художники города-фронта. Воспоминания и дневники ленинградских художников. Л., 1973.

Шереметьевская Н.Е. Молодые балетные театры // Советский балетный театр. 1917–1967. М., 1976.

Потанов В. Русская сказка в балете // Советское искусство. 1940. № 17. 18 марта.

Дрейден С. Танцевальная комедия // Известия. 1940. № 34. 11 февраля.

Соллертинский И. Русская сказка в танцах // Ленинградская правда. 1940. № 34. 11 февраля.

Слонимский Ю.И. Советский балет. М.-Л., 1950. С. 195–201.

Ленинградский государственный ордена Ленина академический Малый оперный театр. Л., 1940.

«Сказка о попе и о работнике его Балде». Балет в четырех актах. Сборник к постановке в Ленинградском государственном ордена Ленина академическом Малом оперном театре. Л., 1940.

Людмила Сергеевна Рафиенко

МЯТЛЕВЫ

О представителях трех поколений
этой известной фамилии

*Дом Мятлевых на Исаакиевской площади
в Санкт-Петербурге*

Начнем с Василия Алексеевича Мятлева (1694–1761) — первого по старшинству и заслугам перед Россией. Он родился в семье вологодского помещика Алексея Григорьевича Мятлева¹, служившего при Петре I провиантмейстером в Архангельске (1710–1711), где провел подворную

перепись населения². В 1708 году Василий, мечтавший о дальних плаваниях, поступил на галерный флот³. Далее «из воли своей и на собственном содержании» отправился в Данию и Голландию с целью обучения навигации и морской практике, а по возвращении в Россию (1715) был

определен флотским унтер-лейтенантом»⁴. В 1716 году плавал на корабле «Ингерманланд» под вице-адмиральским флагом; из Копенгагена его послали в Гельсингфорс для привода оттуда корабля «Страффорд»⁵. В 1721-м В.А. Мятлев командирится в Нижний Новгород — строить суда для Персидского похода Петра I, после чего участвует в десантных операциях на Каспийском море⁶, а также в работе экспедиции по изучению берегов последнего⁷. В 1729-м он назначается директором Морской академии, размещавшейся в Москве в Сухаревой башне⁸. В 1733-м «определен капитаном над Архангельским портом для учреждения верфи и строения кораблей»⁹.

Проект организации экспедиции 1733–1743 годов, получившей название Великой Северной, или Второй Камчатской, возник еще при Петре I, после смерти которого эту идею продолжали поддерживать морские офицеры, в том числе В.А. Мятлев и Ф.И. Соймонов, а также М.В. Ломоносов, сказавший, что «российское могущество прирастать будет Сибирью». В конце концов экспедиция состоялась. Работы производились поэтапно отдельными отрядами¹⁰. Описание побережья от Печеры до устья Оби входило в задачу Западного Двинско-Обского отряда, базировавшегося в Архангельске¹¹. Подготовку к арктическому походу возглавили командующий Северной эскадрой контр-адмирал П.П. Бредаль и начальник Архангельского порта В.А. Мятлев, имевший опыт строительства судов¹². Василий Алексеевич ревностно взялся за дело. Пришедшая к тому времени в запустение Соломбальская верфь, основанная Петром I, вновь оживила. Уже в 1734 году здесь заложили два 54-пушечных фрегата, к концу 1737-го был построен канатный завод¹³, годом ранее началось сооружение первого на Севере сухого дока¹⁴. «В пятилетнее управление Архангельском Мятлев устроил порт, и его можно считать основателем тамошнего Адмиралтейства»¹⁵.

Среди других свершений Василия Алексеевича: устройство морского госпиталя (1734), длительное время являвшегося не только лечебным учреждением, но и базой для подготовки медицинского персонала для военных судов¹⁶; оборудование фарватера Северной Двины навигационными знаками; открытие Адмиралтейской морской школы¹⁷. Таким образом, усилиями

Ю. Олешкевич. Василий Алексеевич Мятлев

*Корабль «Ингерманланд».
Почтовая марка*

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

*В.Е. Голямин. Виды города Архангельска.
1826 год*

В.А. Мятлева Архангельск вновь стал одним из центров отечественного судостроения. Недаром в 1894 году в Соломбале установили деревянный памятник с четырьмя цинковыми табличками, надписи на двух из которых гласили: «Строение

кораблей на Соломбальской верфи начато в 1700 году при Государе Императоре Петре Великом, посещавшем Архангельск в 1693, 1694 и 1702 годах с Архангельским воеводой и адмиралтейцем Ф.М. Апраксиным. Строение здесь кораблей продол-

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

*Архангельский порт.
Открытка конца XIX века*

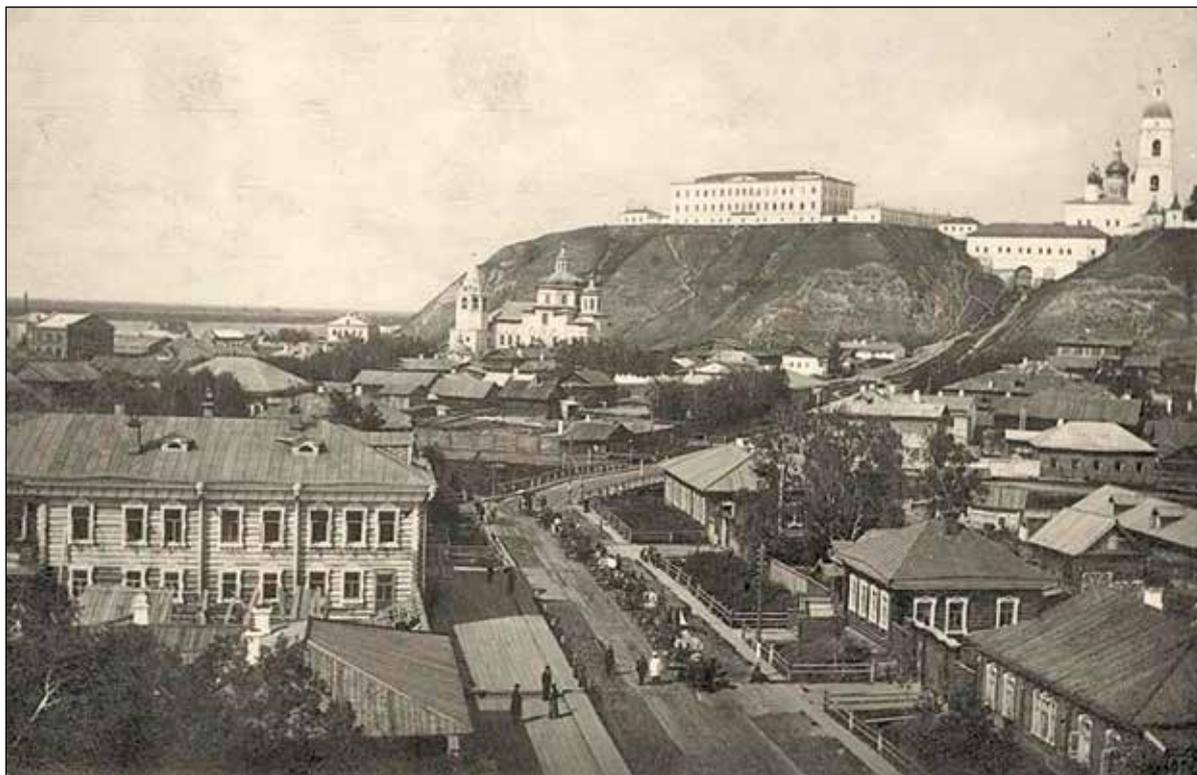

*Архангельск.
Памятник кораблестроителям
соломбальской верфи.
Фотография
из архива С. Некрасова*

жалось с 1700–1715 гг.»; «Адмиралтейство восстановлено здесь в царствование Государыни Императрицы Анны Иоанновны в 1733 году при Главном Командире Контр-Адмирале Бредале и капитане над портом Мятлеве»¹⁸.

В 1740 году В.А. Мятлев, уже обер-интендант, назначается в интендантскую экспедицию Адмиралтейств-коллегии, а в 1743-м по собственному прошению увольняется от службы по болезни в чине контр-адмирала¹⁹. Живет с женой и двумя дочерьми в своем имении (сельцо Поляны Вологодского уезда)²⁰. Вскоре умирают жена и младшая дочь, и Мятлев остается со старшей дочерью Аннушкой. В 1747-м он женится вторично, на Прасковье Яковлевне Дашковой (1726–1782)²¹ — дочери отставного майора, ассессора Камер-коллегии Я.И. Дашкова²², девушке красивой, энергичной, начитанной.

Еще служа в Архангельске, Василий Алексеевич представил Правительствующему сенату программу масштабного освоения Сибири²³. В 1752 году его вновь пригласили на службу — Сибирским губернатором с производством в генерал-

*Вид города Тобольска.
Фотография конца XIX века*

лейтенанты²⁴. В Тобольске — тогдашней столице края — Мятлев пробыл с 1754 по 1757 год²⁵. Рассмотрев подготовленный им ранее (1753) проект возобновления Второй Камчатской экспедиции, Се-

*Неизвестный художник. Портрет
Федора Ивановича Соймонова*

нат общее руководство экспедицией на Мятлева же и возложил, наградив его орденом Святого благоверного князя Александра Невского²⁶. В рамках проекта была предпринята Нерчинская экспедиция, возглавить которую Василий Алексеевич в конце 1753 года пригласил своего старого флотского товарища Ф.И. Соймонова, ранее сосланного по «делу А.П. Вольнского» на каторгу в Сибирь. Это по сути стало (уже при Елизавете Петровне) полной реабилитацией Соймонова²⁷.

В том же году «по ходатайству <...> губернатора Мятлева издан был Сенатский указ Адмиралтейств-коллегии, которым повелено было отправить в Иркутск геодезистов для описания рек Ингоды, Аргуни и Амура. Тем же Указом предписано Мятлеву завести в Иркутске навигацкую школу для описания рек, так и других мест. В исполнение предписания в 1754 году была открыта школа навигации и геодезии»²⁸. Такую же школу открыли и в Нерчинске²⁹.

Вообще, управляя этим отдаленным краем, В.А. Мятлев сделал «весьма много для него пользы»³⁰.

В начале 1757 года Василия Алексеевича как опытного флотоводца отозвали

в Петербург для участия в Семилетней войне (1756–1763). Командуя в чине вице-адмирала эскадрой из пяти линейных кораблей и одного фрегата, он осуществлял блокаду флота короля Фридриха II у берегов Пруссии.

* * *

После смерти мужа П.Я. Мятлева с детьми поселилась в Петербурге. Старший сын Алексей (рано ушедший: 1749–1771)³¹ увлекся сочинительством и переводами³². Желая помочь ему войти в сообщество литераторов, Прасковья Яковлевна пригласила в дом Д.И. Фонвизина — чиновника Коллегии иностранных дел, автора комедии «Бригадир», прекрасно читавшего свое произведение в лицах. Вечер с чтением Фонвизина произвел сильное впечатление на Мятлевых, и они решили продолжать подобные собрания и дальше. Дом П.Я. Мятлевой стал одним из первых петербургских литературных салонов екатерининской эпохи³³. В разные годы здесь бывали И.Ф. Богданович, М.М. Херасков, Я.Б. Княжнин, Г.Р. Державин и другие знаменитости.

Денис Иванович Фонвизин

Ю. Олешкевич. Прасковья Яковлевна Мятлева

Ипполит Федорович Богданович

* * *

Второй сын В.А. и П.Я. Мятлевых Петр (1751–1833)³⁴, «тонкий и просвещенный царедворец»³⁵, в 1783 году вошел в состав комитета, ведавшего всеми зрелищными и музыкальными мероприятиями, а в 1794-м возглавил Государственный

*Ю. Олешкевич. Портрет сенатора
Петра Васильевича Мятлева*

*К.К. Штейбен. Прасковья Ивановна Мятлева
(урожденная Салтыкова)*

ассигнационный банк и стал сенатором³⁶. В 1795-м он женился на фрейлине Прасковье Ивановне Салтыковой — старшей дочери фельдмаршала И.П. Салтыкова, унаследовавшей значительную часть родового состояния. В начале XIX века П.В. Мятлев много путешествовал по странам Западной Европы и привез домой обширную

библиотеку, а также коллекцию картин и портретов деятелей французского Просвещения, разместив все это в своем имении Новознаменка под Петербургом³⁷.

* * *

Сын Петра Васильевича и Прасковьи Ивановны Иван Петрович Мятлев (1796—1844) — камергер и поэт — сочинял юмористические стихи, эпиграммы и каламбуры, издал в Петербурге два сборника стихотворений (1834, 1835), но больше всего прославился шуточной поэмой под названием «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границей»³⁸. М.Ю. Лермонтов откликнулся на выход поэмы стихотворением «И.П. Мятлеву»:

Иван Петрович Мятлев

*На наших дам морозных
С досадой я смотрю,
Угрюмых и серьезных
Фигур их не терплю.
Вот дама Курдюкова,
Ее рассказ так мил,
Я от слова до слова
Его бы затвердил.
Мой ум скакал за нею,
И часто был готов
Я броситься на шею
К madame de Курдюков³⁹.*

Иван Петрович пользовался репутацией остряка и блестящего импровизатора, послушать которого собирались специально⁴⁰. Среди прочего, публике импонировала жилка народности, пронизывавшая многие его стихотворения: «Фонарики-сударики», «Новый год», «Настоечка тройная», «Разговор барина с Афонькой»... Все

отмечали необыкновенный театрално-декламационный талант автора. Мятлевская строка «Как хороши, как свежи были розы...» послужила темой знаменитого стихотворения в прозе И.С. Тургенева. Музыку на стихи И.П. Мятлева создали многие выдающиеся композиторы, в том числе А.А. Алябьев, А.Е. Варламов, М.И. Глинка.

¹Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. IV. СПб., 1908. № 22.

²Архив Ленинградского отделения Института истории Российской академии наук. Ф. 10. Оп. 4. Д. 14. Л. 9–60.

³*Берх В.Н.* Жизнеописания первых российских адмиралов, или Опыт истории Российского флота. Ч. 3. СПб., 1834. С. 154.

⁴РГАДА. Ф. 1271. Оп. 1. Д. 251. Л. 1–2.

⁵Там же. Д. 250. Л. 17.

⁶Там же.

⁷Мятлев Василий Алексеевич // *Йолтуховский В.М.* Знаменитые люди Северного флота. Биографический справочник. СПб., 2012. С. 262.

⁸РГАДА. Ф. 1271. Оп. 1. Д. 250. Л. 18.

⁹Там же. Д. 251. Л. 1 об.

¹⁰*Булатов В.Н.* Русский Север. Кн. 4. Архангельск, 1997. С. 30.

¹¹Там же. С. 31.

¹²Там же.

¹³*Попов Г.П.* Ногою твердой стать при море. Штрихи к портрету архангельского порта. Архангельск, 1992. С. 66–67.

¹⁴Там же.

¹⁵РГАДА. Ф. 1271. Оп. 1. Д. 250. Л. 20.

¹⁶*Фролов А.И.* Памятники культуры Архангельской области // Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР. Архангельская область. М., 1982. С. 12.

¹⁷*Попов Г.П.* Указ. соч. С. 68.

¹⁸РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. Д. 116. Л. 38–39. Машинописный текст содержит опечатки. Исправлено по: *Усков В.В.* Город Архангельск. Исторические записки о церквях и зданиях с приложением планов и видов. Архангельск, 1902. С. 6.

¹⁹РГАДА. Ф. 1271. Оп. 1. Д. 250. Л. 20.

²⁰Там же. Д. 252. Л. 2, 4.

²¹РГА ВМФ. Ф. 186. Оп. 1. Д. 125. Л. 6 об.

²²Знаменитые россияне XVIII–XIX вв. СПб., 1996. С. 263.

²³*Рафиенко Л.С., Тюрин Г.В.* Мятлев Василий Алексеевич // Поморская энциклопедия. Т. 1. История Архангельского Севера. Архангельск, 2001. С. 253.

²⁴РГАДА. Ф. 1271. Оп. 1. Д. 250. Л. 20.

²⁵Краткое показание о бывших как в Тобольске, так и во всех сибирских городах и острогах с начала взятия Сибирского государства воеводах и губернаторах, и прочих чинах... Тобольск, 1792. С. 21.

²⁶РГАДА. Ф. 1271. Оп. 1. Д. 250. Л. 19.

²⁷*Гольденберг Л.А.* Каторжанин — Сибирский губернатор. Жизнь и труды Ф.И. Соимонова. Магадан, 1979. С. 106–111.

²⁸*Корейша Я.* Исторический очерк Иркутской губернской гимназии. 1789–1905. Вып. 1 (1789–1805). Иркутск, 1910. С. 61.

²⁹*Берх В.Н.* Указ. соч. С. 162.

³⁰РГАДА. Ф. 1271. Оп. 1. Д. 250. Л. 20–21.

³¹Старшего сына, родившегося 16 июля 1749 г., звали Алексеем (РГА ВМФ. Ф. 186. Оп. 1. Д. 125. Л. 6 об.), а не Василием (Знаменитые россияне... С. 159).

³²*Новиков Н.И.* Опыт исторического словаря о российских писателях. М., 1984. Приложение. С. 94.

³³Знаменитые россияне... С. 264; *Тончу Е.* Россия — женская судьба. X–XIX вв. СПб., 2004. С. 250–251.

³⁴РГА ВМФ. Ф. 186. Оп. 1. Д. 125. Л. 6 об.

³⁵*Долгоруков И.М.* Капище моего сердца. М., 1874. С. 87.

³⁶История Правительствующего сената за 200 лет. Т. 5. СПб., 1911. С. 139.

³⁷*Пылаев М.И.* Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1994. С. 165–168.

³⁸Русские писатели. 1808–1917. Биографический словарь. Т. 3. М., 1999. С. 197.

³⁹*Лермонтов М.Ю.* Собр. соч. в 4 тт. Т. 1. М., 1964. С. 533.

⁴⁰*Степанов П.* Зачинатель русской юмористической поэзии // Вопросы литературы. 1970. № 10. С. 220.

Наталья Александровна Филаткина

«Какой талантливый человек!..»

Василий Осипович Ключевский (1841–1911)

в воспоминаниях современников.

**К 175-летию со дня рождения
выдающегося русского историка и педагога**

*Василий Осипович Ключевский.
Фотография 1895 года*

Пенза. Открытка начала XX века

В.О. Ключевский родился в селе Воскресенском Пензенской губернии в семье священника. До 10-летнего возраста проживал в селе Можаровка, где служил его отец. Когда отец умер, мать будущего историка с двумя малолетними детьми переехала в Пензу. Василий год отучился в церковно-приходском училище, затем четыре года — в уездном духовном училище. Дальше была Пензенская духовная семинария (1856–1860). Руководство последней прочило способному студенту продолжение образования в Казанской духовной академии, однако юноша избрал другой путь, уйдя из семинарии и в 1861 году поступив на историко-филологический факультет Московского университета¹. Поселился он «в нижнем этаже огромного каменного трехэтажного дома вблизи Тверской — одной из лучших московских улиц. Квартира наша <...> — превосходная комната, с мебелью, в два окна, перегороджена ширмами. Перед окнами длинный забор и сад купеческого клуба; часто буду слушать здесь музыку. Так как дом, в котором мы живем, не в самой Тверской, а в переулке, то здесь меньше шума, нет неугомонной скакатни экипажей, словом — прекрасно!»² (из письма родственникам). Этот его первый московский адрес — «На Твер-

ской, в Козицком переулке, в доме Лопыревского, в квартире Неждановой»³ (ныне — дом № 5, в нем находится Институт искусствознания).

Первые московские впечатления: «Ходишь по Москве, а Москвы не разберешь, все улицы, улицы, улицы <...> — заплутаешься, или пойдешь к югу, а вернешься домой с севера — как это вышло, так и не поймешь. <...> А стоит того, чтоб походить да посмотреть; Русь вся тут, и с ногами, и с руками, и с голицами (род рукавиц. — *Н. Ф.*) даже»⁴. «О калачах и сайках и баять нечего — заеденье. Стоят и те и другие по 5 копеек серебром за штуку; но они таковы, что одного калача или сайки достаточно для того, чтоб после быть спокойну относительно желудка по крайности на три часа»⁵.

Окончив факультет с золотой медалью (1865), Василий был оставлен при кафедре для подготовки к профессорскому званию. Магистерскую диссертацию — «Жития святых как исторический источник» — защитил в 1870 году. Вскоре книгоиздатель К.Т. Солдатёнков выпустил ее отдельной книгой.

В Москве В.О. Ключевский поменял много адресов. Весной 1870 года он поселился на Большой Полянке, 28. Затем

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

Москва.
Улица
Малая Полянка, 9.
Чертеж фасада.
ГНИИМА
имени А.В. Шусева

переехал в дом № 18 по Большой Полянке же. Зимой 1875-го обитал в 1-м Голутвинском переулке, 11 (дом не сохранился). 1877–1882 годы (один из самых плодотворных периодов, когда были подготовлены материалы к диссертации «Боярская дума Древней Руси» и к пятитомному курсу истории) — Малая Полянка, 9 (в на-

стоящее время дом реставрируется). Далее (1883–1895) — дом № 6 по той же улице. Последние годы жизни историка прошли на Житной улице, 10 (и этот дом не сохранился)⁶. Московвед В.В. Сорокин среди московских адресов Ключевского называет также Старомонетный переулок, 27/7, строение 2.

Старомонетный переулок, 27

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

В.О. Ключевский посещал заседания Литературно-художественного кружка, игравшего важную роль в культурной жизни Москвы. Бывал и в салонах Морозовых и других семейств. Супруга С.Т. Морозова Зинаида Григорьевна вспоминала: «Василий Осипович — мудрец, ума палата, у меня, девчонки, спрашивает: как, мол, вы думаете, чем объяснить можно факт быстрого вырождения в купеческих семьях? Ну, я тогда дура душой была, смутилась страшно, а потом подумала и говорю: “Объяснить это, я думаю, можно не постепенностью культур: отец в Москву в лаптях пришел, а сын в карете разъезжает, тут у кого голова не закружится”. <...> Тут Ключевский <...> закивал головой, заулыбался и говорит: “Очень правильную мысль высказали”»⁷.

Один из учеников В.О. Ключевского писал: «Я слушал его <...> шесть лет. <...> Мастерство устного и письменного изложения, <...> тонкость его исторического анализа <...> общеизвестны. <...> Дарование его было велико, историческая эрудиция огромна, и при всем том он не создал ничего цельного — ни в смысле писанного труда, ни в смысле школы: ибо его «Курс русской истории», при всем своем блеске, не есть цельное здание, а школы в положительном значении этого слова он вовсе

*Зинаида Григорьевна Морозова.
1886 год*

*Собрание Литературно-художественного кружка.
1910 год*

не оставил. Но он научил нас учиться — и за это ему вечная память»⁸.

Под обаяние лекторской манеры Василия Осиповича попадали многие — и мужчины, и женщины, и молодежь, и люди старшего возраста. В университете послушать его приходили даже студенты-естественники. Так, известный геохимик и минералог А.Е. Ферсман вспоминал «университетскую жизнь с блестящими выступлениями Ключевского»⁹.

Педагог, краевед, общественный деятель В.Н. Лясковский, учившийся на математическом факультете и одновременно посещавший лекции В.О. Ключевского, писал: «Ключевский был очень хороший человек: всегда готов помочь, верный в дружбе, чуждый зависти. Мое сближение с ним произошло быстро и естественно. Вскоре после его вступительной лекции я, тогда студент-математик, встретился с ним <...> и, кажется, еще математиком бывал у него. Именно потому, что я не был студентом его факультета, я легче перешел в его дом в положение знакомого. Сын его Борис был тогда еще мальчиком. Жена, Анисья Михайловна, из небогатой купеческой семьи Бородиных, была женщиной редкой доброты. Жили они тогда в наемной

квартире на Малой Полянке, <...> у Спаса в Наливках, на месте древнего стрелецкого кабака, о чем Василий Осипович любил вспоминать. Дом их был гостеприимным и хлебосольным. Я приходил часов в 8 и засиживался далеко за полночь. После ужина Анисья Михайловна уходила, и мы оставались вдвоем»¹⁰.

В молодости Ключевский подрабатывал репетитором, обучая отпрысков состоятельных московских семейств — в частности сыновей Т.С. Морозова Савву и Сергея. С этим связана одна история, в которой Василий Осипович проявил себя верным другом, неподвластным чувству ревности и зависти и способным во имя дружбы на жертву. Вместе с ним у Морозовых репетиторствовал его приятель и коллега Геннадий Федорович Карпов. Оба они были влюблены в Анну Тимофеевну Морозову — старшую сестру своих учеников. Анна, девушка умная, начитанная и независимого характера, не стала ожидать сватов, как полагалось по купеческому обычаю, и сама выбрала себе суженого — Г.Ф. Карпова, «всего лишь» сына смотрителя уездной библиотеки. Достойной партией в глазах родителей девушки он считаться никак не мог, и замуж за него

Большая Ордынка, 41 (бывший дом Карповых). Фотография автора. 2016 год

*Анна Тимофеевна Карпова
(урожденная Морозова). 1880-е годы*

*Геннадий Федорович Карпов.
Начало 1880-х годов*

*Г.Ф. и А.Т. Карповы.
Начало 1870-х годов*

Анна вышла «уходом», без благословения отца и матери. Ключевский же смиренно отступил в тень. 8 января 1869 года состоялось венчание. Шафером на свадьбе был Василий Осипович. Он же дал молодым на первое время приют. Через некоторое время те повинились перед родителями и получили прощение. В дальнейшем Ключевский и Карпов еще больше сблизились — дружили домами, часто навещали друг друга. Дом Карповых на Большой Ордынке стал для Ключевского своим. С.Д. Шереметев писал в мемуарах: «Бывал и я в этом гостеприимном доме. Помню <...> Элпидифора Барсова¹¹ и крайне мрачного профессора Ключевского. Когда-то оба охотились по тому же следу, но обоих оставил за флагом хозяин дома»¹².

В.О. Ключевский долго профессорствовал в «Московской духовной академии у Троицы (1871–1906. — *Н. Ф.*), почему и позже в обиходе, говоря об Академии, употреблял выражение “у нас”»¹³.

Начиная с 1879 года Василий Осипович читал курс русской истории в Московском университете. Одно время (1887–1889) он был деканом историко-филологического факультета, а также проректором. Помимо этого, возглавлял

*Храм Троицы Живоначальной
у Салтыкова моста. 1882 год*

*Михаил Прович
Садовский*

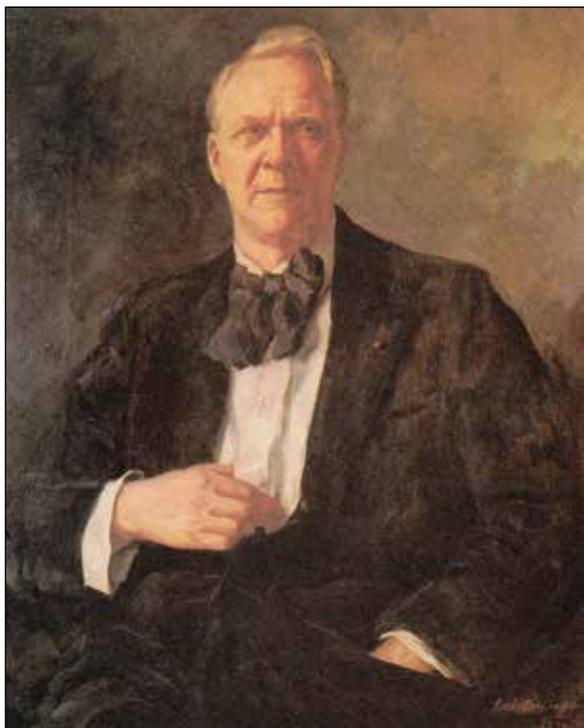
Общество истории и древностей российских (1893–1905), состоял членом Общества любителей русской словесности и Московского археологического общества. Преподавал и в других вузах Москвы — в Александровском военном училище (1867–1881), на Высших женских курсах (1872–1888). В течение последних десяти лет жизни читал лекции студентам Московского училища живописи, ваяния и зодчества, где его приходили послушать не только студенты, но и преподаватели — например В.А. Серов. «В стенах училища бытовало мнение, что знаменитый эскиз Серова «Петр I» был создан под впечатлением лекций Ключевского о Петре I и его эпохе»¹⁴. Сохранилось также свидетельство художницы Елены Дмитриевны Поленовой: «Сейчас возвратилась с лекции Ключевского. Какой талантливый человек! Он читает теперь о древнем Новгороде и прямо производит впечатление, будто это путешественник, который очень недавно побывал в XIII–XIV веках, приехал и под свежим впечатлением рассказывает все, что там делалось у него на глазах, и как там живут люди, и чем они интересуются»¹⁵.

В 1882 году В.О. Ключевский с прищущим ему блеском защитил докторскую диссертацию «Боярская дума Древней

Руси». Защиты тогда проходили публично, присутствовала пресса. Газета «Голос» сообщала: «Впечатление, произведенное диспутом г. Ключевского, было близко к восторженному энтузиазму. Знание предмета, меткость ответов, исполненный достоинства тон возражений — все это свидетельствовало, что мы имеем дело не с восходящим, а уже взошедшим светилом русской науки»¹⁶.

Интересующимся родной историей Василий Осипович всегда стремился оказать содействие. Он, в частности, охотно консультировал композиторов при создании произведений на исторические темы, актеров при подготовке ролей в исторических операх и драмах. Своим человеком в доме Ключевского был один из самых выдающихся актеров Малого театра — Михаил Прович Садовский. К Ключевскому не раз обращался Ф.И. Шаляпин — например, во время работы над партиями Бориса Годунова в одноименной опере и Досифея в «Хованщине». Об этом Федор Иванович писал: «С радостной благодарностью помню, как чудесно говорил мне о Борисе, его эпохе и среде незабвенный Василий Осипович. Тонкий художник слова, наделенный огромным историческим воображением, он оказался и замечательным актером. Гулял я с ним во Владимирской

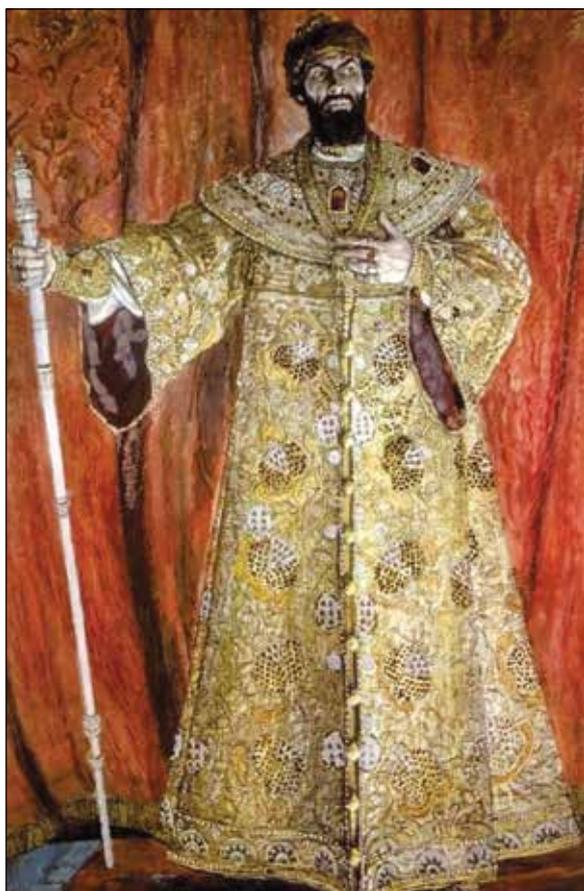
СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

*Б.Ф. Шаляпин. Портрет Ф.И. Шаляпина.
Холст, масло. 1931 год*

В.О. Ключевский

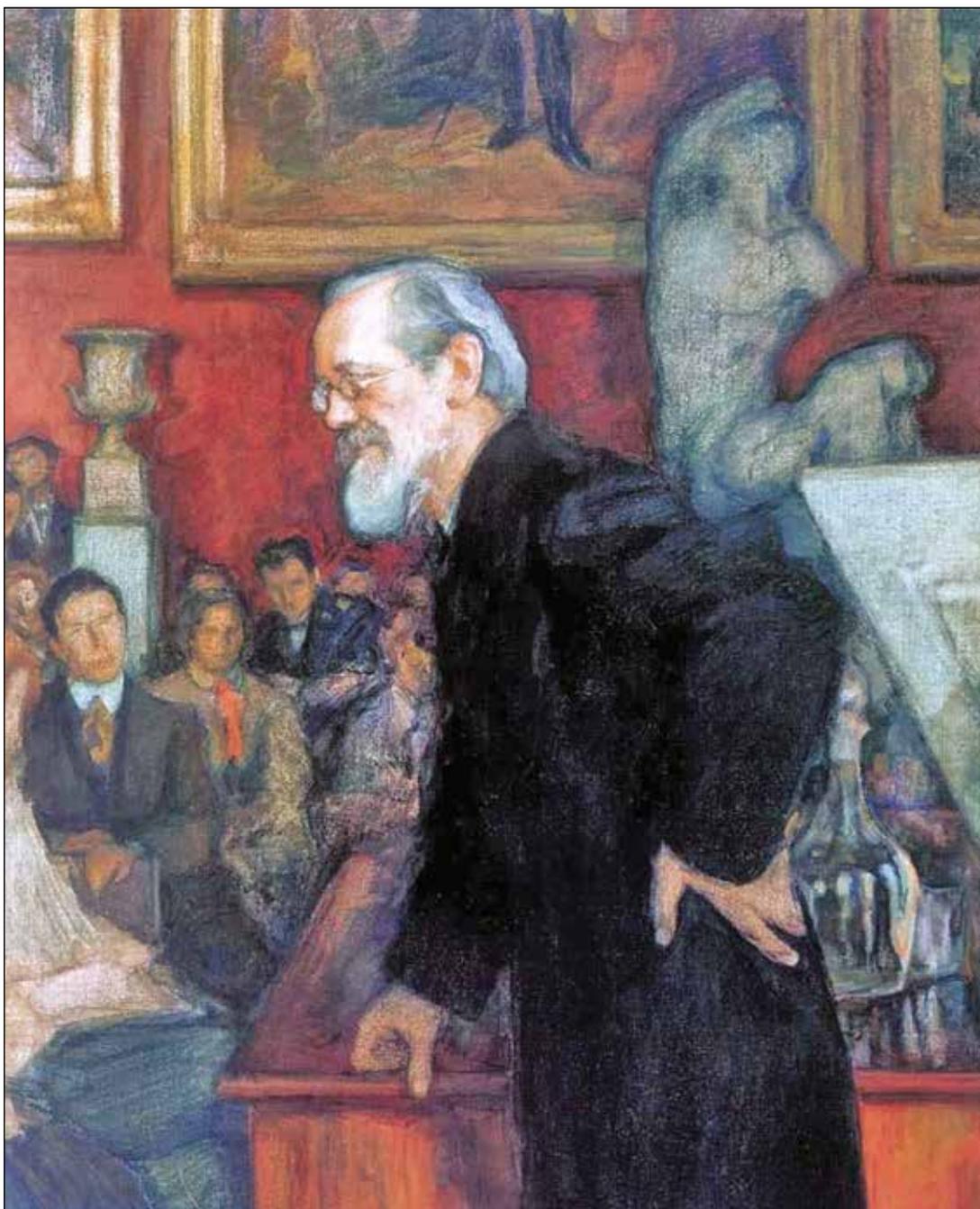
*А.Я. Головин. Федор Иванович Шаляпин
в роли Бориса Годунова. Холст, темпера,
клеевая краска, гуашь, пастель, мел, золото,
серебряная фольга. 1912 год*

губернии (на даче историка близ усадьбы Карповых Сушнево. — **Н. Ф.**) по лесу, когда он мне рассказывал о характере князя Василия Шуйского. Какой же это был удивительный рассказ! <...> Говорит, а сам хитрыми глазами мне в глаза смотрит, какое впечатление на меня производят его слова. <...> Как живой, вставал предо мною Шуйский в воплощении Ключевского»¹⁷. В дальнейшем их общение продолжалось.

Многие современники отмечали прекрасное чувство юмора Василия Осиповича. В.Н. Ляковский: «Приведу его слова, сказанные, конечно, в шутку, но тем не менее характерные. Он работал порывами, мог осилить страниц 300, но говорил: «Лень — природное состояние человека, когда мы работаем, мы насилуем свою природу»»¹⁸.

Историк оставил целый ряд тонких высказываний. Вот лишь несколько примеров: «Прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий».

«Только в математике две половины составляют одно целое. В жизни совсем не так: <...> полоумный муж и полоумная жена — несомненно две половины, но в сложности они дают двух сумасшедших и никогда не составят одного полного умного».

*Л.О. Пастернак. На лекции профессора Ключевского.
1909 год*

«Поэзия разлита в обществе, как кислород в воздухе, и мы не чувствуем ее только потому, что ежеминутно ею живем, как не ощущаем кислорода, потому что ежеминутно им дышим»¹⁹.

Знакомый В.О. Ключевского Сергей Константинович Шамбинаго — писатель, литературовед, фольклорист — свидетельствует: «Часто он разрешал себе [во время лекций] очень смелые политические шутки. О Петре III: “Многие перебивали на русском престоле: безутешные вдовы, незамужние матери семейств. <...> Не хвата-

ло одного скомороха. И этот пробел в русской истории был заполнен — на престол вступил Петр III»²⁰.

Студент юридического факультета 1880-х годов А.В. Амфитеатров — о своих встречах с однокашниками:

«Припоминали эффектное и глубоко меткое остроумие В.О. Ключевского, его редкостные характеристики исторических лиц давно-давно прошедших эпох...

— И был он, — распевчатым на «о» говором рассказывает любимый профессор, — и был он, первый император Петр,

характером холоден, но бешен и вспылчив: точь-в-точь чугунная пушка с его любимых олонецких заводов...

— Елисавета Петровна была государыня добрая, но... женщина. Она никого не казнила смертною казнью, но наполнила Сибирь ссыльными, коим резали языки и «били батоги нещадно». Восставала против развратных и роскошных нравов, но оставила по себе гардероб в 20 000 платьев»²¹.

Несмотря на демократизм и более чем оригинальный склад ума и характера В.О. Ключевского, именно его императрица Мария Федоровна избрала для преподавания истории одному из великих князей — Георгию Александровичу. С.К. Шамбинаго приводит такой эпизод: «В день именин его (Ключевского. — *Н. Ф.*) друзья и члены Общества истории и древностей российских решили послать ему подарок. Отыскали старую деревянную доску, на которой был вырезан «орел ветхий», заказали медовую кружку <...> и отправили ему с длинным приветствием, написанным на древнеславянском языке. Ответив благодарностью за поздравление, Василий Осипович сообщал, что ему пришлось прочесть Великому князю большую лекцию для разъяснения отдельных мест текста. “Хорошие у Вас приятели, — сказал Великий князь, — надо их отблагодарить”. И приказал послать им две бочки вина: белого и красного. В Обществе состоялось два внеочередных заседания, по-

сле которых выпита была одна, потом — другая»²².

Известно также, что Ключевский некоторое время преподавал историю и другому сыну императрицы — Великому князю Сергею Александровичу.

Значение творчества В.О. Ключевского для отечественной исторической науки огромно. «Прежде всего, <...> [он] отставил фундаментальную идею о единственности русской истории; суть ее в том, что была, есть и пребудет до века только одна история у народа, и эта история, по слову Пушкина, — “та, которую нам дал Бог”. Лишь эта история подлинна, цельна, неделима; лишь она — священный «голый факт», пред коим следует преклониться; остальные же «направления», «течения», «школы» и прочая суета сует преходящи и, как все преходящее, рассыпается в прах. Пробиться сквозь толщу наслоенный к этому факту, к следу босой ступни, впечатавшейся в Русскую землю, расчислить сей след от мусора, налюбоваться им в его святой первозданности и оберечь от новых посягательств — вот высший удел историка, его счастье и право, и крест»²³.

Похоронен Василий Осипович Ключевский в Москве, на кладбище Донского монастыря. До сих пор ни на одном из московских домов, где он жил, нет мемориальной доски. Возможно, эта несправедливость будет исправлена в год его юбилея.

¹Последний русский историк. К портрету В.О. Ключевского. Из воспоминаний В.Н. Ляковского // *Филин М.Д.* Люди императорской России. М., 2000. С. 407.

²*Ключевский В.О.* Собрание сочинений в 9 тт. Т. 9. М., 1990. С. 119.

³Там же. С. 123.

⁴Там же. С. 126.

⁵Там же.

⁶*Земенков Б.С.* Памятные места Москвы. М., 1959. С. 92–93.

⁷Государственный центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина. Ф. 533. Ед. хр. 64. Л. 85.

⁸Последний русский историк... С. 405.

⁹*Земенков Б.С.* Указ. соч. С. 41.

¹⁰Последний русский историк... С. 406–407.

¹¹Барсов Елпидифор Васильевич (1836–1917) — историк литературы, этнограф, археолог, фольклорист; также был претендентом на руку и сердце А.Т. Морозовой.

¹²*Шереметев С.Д.* Мемуары. М., 2001. С. 383.

¹³Последний русский историк... С. 406–407.

¹⁴*Киреева Р.* Послесловие // *Ключевский В.О.* Собрание сочинений в 9 тт. Т. 9. С. 452.

¹⁵Там же.

¹⁶*Янин В.Л., Александров В.А.* Предисловие // Там же. Т. 1. М., 1987. С. 14.

¹⁷*Шаляпин Ф.И.* Маска и душа. М., 1989. С. 116.

¹⁸Последний русский историк... С. 408.

¹⁹*Ключевский В.О.* Указ. соч. Т. 9. С. 364, 370.

²⁰Из воспоминаний С.К. Шамбинаго // *Филин М.Д.* Указ. соч. С. 409.

²¹*Амфитеатров А.В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. Т. 1. М., 2004. С. 118.

²²Из воспоминаний С.К. Шамбинаго. С. 411–412.

²³*Филин М.Д.* Указ. соч. С. 390.

Александр Николаевич Потапов

«Никакие укрытия не спасали...»

О русском конструкторе артиллерийского вооружения,
изобретателе миномета
Леониде Николаевиче Гобято (1875–1915)

*Леонид Николаевич Гобято.
Фотография 1914 года. Из фондов ГАРО*

Л.Н. Гобято родился в Таганроге в семье адвоката Николая Константиновича Гобято и его жены Ольги Всеволодовны, дочери участника войны с Наполеоном Всеволода Мартемьяновича Сипягина. Леонид был у них пятым ребенком. 13 марта 1875 года его крестили в соборной Успенской церкви¹. С детства он увлекался военными науками и уже в раннем возрасте проявил недюжинные способности: готовясь после окончания гимназии поступать в кадетский корпус, составил чертеж таганрогской крепости по сохранившимся остаткам стен. 31 августа 1885-го Леонид Гобято зачисляется в 4-й Московский кадетский корпус².

Нуждаясь в средствах на образование детей, родители Леонида с готовностью приняли предложение Натальи Николаевны Пушиной (тети Ольги Всеволодовны) об управлении ее имением в селе Морозовы Борки Рязанской губернии с последующей передачей имения им по наследству. Это было старинное село с богатой историей³. В XVII столетии оно именовалось просто Борки — очевидно, по возвышавшемуся неподалеку могучему бору — и являлось «государевым». В 1667 году царь Алексей Михайлович пожаловал Борки своему воспитателю и сподвижнику, видному государственному деятелю боярину Борису Ивановичу Морозову. Так село получило двойное название — Морозовы Борки. После смерти боярина вотчину унаследовала его дочь, а когда и она умерла, местных крестьян вновь отписали на государя⁴. В окладной книге 1676 года указано местонахождение Морозовых Борков: «В 12 верстах от города Сапожка, на реке Паре»⁵. Тогда в селе насчитывалось 180 дворов, а наряду с крестьянами среди жителей упоминались и солдаты⁶. Очевидно, сначала люди селились на возвышенном берегу реки. Там же находилась и деревянная Покровская церковь с погостом⁷.

В 1708 году город Сапожок был приписан «по корабельным делам» к Азовской губернии, а вместе с ним в «азовскую юрисдикцию» попало и село Морозовы Борки, окрестности которого изобиловали строевым лесом. На тот момент в приходе Покровской церкви числились «двор великого государя, в нем живет воевода, да крестьянских 153 двора, да бобыльских 27 дворов, а всего, кроме государева двора и поповых и причетников, 187 дворов»⁸. В 1817 году село украсилось новым камен-

ным храмом «46 аршин в длину и 18 аршин в ширину»⁹.

Во второй половине XIX века в Морозовых Борках успешно развивались различные промыслы. По данным подворной переписи 1887 года, здесь, кроме крестьян-землепашцев, проживали 172 гончара, 45 кирпичников, 8 кузнецов, 8 сапожников, 6 валяльщиков; работало 6 кирпичных заводов, 2 кузницы, 2 пекарни, 6 маслобоек, 11 шерстобиток, 3 кожевенных заведения, ветряная мельница. На полях использовались 2 трактора, 9 молотилок, другой механизированный инвентарь. В селе было 10 мелочных лавок, 2 трактира, 2 постоянных двора¹⁰. По позднейшей переписи (1897), в Морозовых Борках насчитывалось 418 дворов и 2882 жителя¹¹.

Осенью 1886 года Н.К. Гобято перевелся из таганрогского в рязанский губернский суд. Семья обосновалась в Сапожке, где первоначально поселилась в казенном доме судебного присутствия, который стоял за бревенчатым забором в начале большака, уходящего на Ухолово и Рязжск¹². В том же году Николай Константинович был внесен в дворянскую книгу Рязанской губернии; спустя год пожалован в коллежские секретари, а через некоторое время утвержден уездным членом губернского суда.

Тетушкино имение пребывало в запущенном состоянии, и потребовалось немало времени, чтобы привести его в надлежащий вид. «Жилой дом в имении был деревянный, одноэтажный, на кирпичном основании. В цоколе находились кухня, кладовки и другие хозяйственные помещения, — по воспоминаниям старожилов описывал усадьбу уроженец Морозовых Борков краевед Николай Васильевич Старов. — Велась надстройка мезонина. <...> Двухмаршевая деревянная лестница в мезонин была покрыта узкой ковровой дорожкой, прижатой медными прутьями в уголках ступеней. Дом стоял в густом липовом парке. Со стороны балкона, который выходил на реку, ярко зеленели молодые каштаны — редкие деревья для здешних мест. Они выросли из семян, присланных из Таганрога Николаем Константиновичем. <...> Парк приводился в порядок. На реке мастерили деревянный помост и купальню. Смолили только что изготовленную лодку на берегу реки, поросшем лозой и осокорями. Перед фасадом дома зеленел небольшой фруктовый сад»¹³.

ТРУДЫ И ДНИ

*Село Морозовы Борки.
Рисунки Н. Старова.
1955 год.
Из фондов ГАРО*

Умельницы

*Плотина
на реке Паре*

Церковь и школа

Штабс-капитан Л.Н. Гобято, выпускник Михайловской артиллерийской академии. 1903 год. Из фондов ГАРО

Летом 1887 года семья переехала в Морозовы Борки. Впервые повзрослевший Леонид — в строгой кадетской форме, высокий, стройный — приехал сюда на каникулы, и с тех пор это рязанское село стало для него излюбленным местом отдыха и уединенных трудов.

Любопытен записанный в свое время рассказ жительницы села Морозовы Борки Клавдии Ивановны Пишулиной (1898 года рождения), которая хорошо знала семью Гобято, а ее мать Ольга Ивановна помогала Леониду Николаевичу в работе:

«Отец [Ольги Всеволодовны Сипягиной] желал, чтобы она вышла замуж за придворного. Ольга отца не послушалась, она вышла за Гобято. Тетя Ольги, Пушина Наталья Николаевна, помещица Морозовых Борков, приютила любимую племянницу, а затем и передала ей свое имение. У супругов Гобято было пятеро сыновей и четверо дочерей. Дочерей называли Ольга, Александра, Наталья и Софья, сыновей — Борис, Николай, Леонид, Степан, Всеволод. Всеволод был очень полный, и его прозвали “Тоба”.

Все дочери Гобято учились в Смольном институте в Петербурге. Им помогал устроиться в это заведение влиятельный дедушка — генерал Всеволод

Сипягин. После они вернулись в свое имение. <...>

Сыновья Гобято учились в кадетском корпусе в Петербурге.

Николай стал путешественником; он совершил кругосветное путешествие и привез домой в начале века “Мадеру” — вино с острова Мадера. У Николая была жена Ольга Федоровна, которая и похоронила мужа в семейном склепе в Морозовых Борках. Во время похорон на гробу Николая лежал трехцветный флаг.

Леонид добровольно пошел на войну с Японией. Когда японцы, спрятавшись за одной из сопки, стали бить русских, Леонид выступил на военном совете с предложением, как выбить японцев. Для этого артиллерия была выстроена треугольником, и японцы из-за сопки были выбиты. <...> На войне с Японией Леонид получил четыре креста и золотое оружие (саблю) из рук царя. <...>

В 1913 году Леонид Николаевич женился в городе Луге под Петербургом на Олимпиаде Сергеевне фон Глазенап, дочери астронома (ее прозвали Глазенипихой)¹⁴.

С появлением в Морозовых Борках семьи Гобято в жизни села началась новая эпоха. Местных детей стали обучать хоровому пению, Александра Николаевна Гобято (Маслова) занималась с ними французским языком. Новые владельцы усадьбы привезли не виданные здесь доселе игры — крокет и теннис. Хлопотами главы семейства — члена Земельной управы — был проложен тракт, связавший Сапожок с Вердой, а в Морозовых Борках открыли почтовое отделение, причем Гобято предоставил для почтовых сообщений собственных лошадей. Как попечитель Земской школы Николай Константинович заботился о своих подопечных, наиболее способных устраивал во второклассные школы и далее — в учительскую семинарию, военные училища и другие заведения. Готовили учеников к экзаменам его дети.

Старший сын Н.К. Гобято Николай стал кадровым военным; Степан, Всеволод и Борис занимали различные должности в Рязанском губернском земском собрании и окружном суде. Наталья Гобято, окончив Бестужевские курсы, организовала в усадебном доме частную поликлинику, где лечила сельчан бесплатно, являясь на тот момент единственной в Рязанской губернии вольнопрактикующей женщиной-врачом.

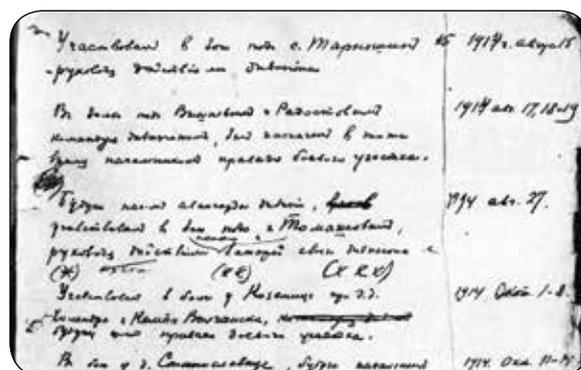
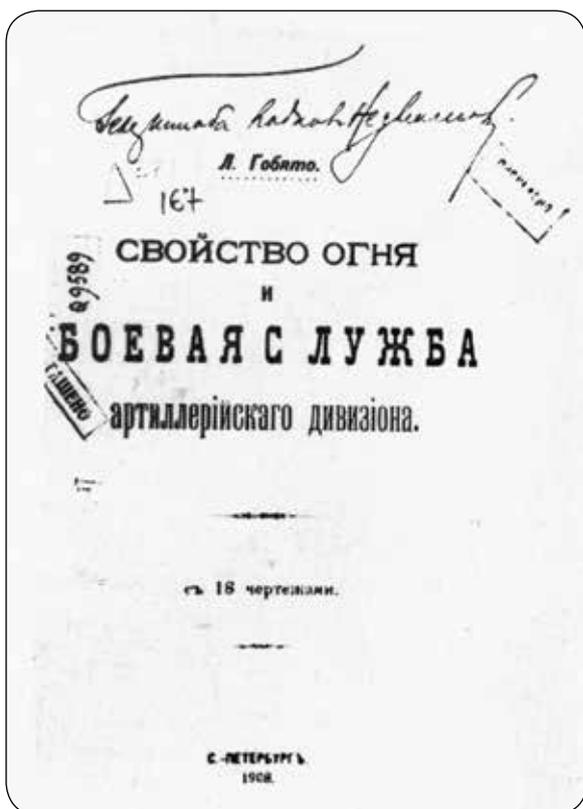
*Леонид Николаевич Гобято с женой Олимпиадой Сергеевной.
Фотография 1915 года*

Но, безусловно, наибольшую известность из всех детей Гобято приобрел Леонид. В кадетском корпусе он получил такую характеристику: «Развит достаточно и родных любит горячо. <...> С товарищами дружен, нередко помогает им в занятиях и любим ими. С прислугою обходителен. Чистоплотен, опрятен и бережлив»¹⁶. В 1893 году Л.Н. Гобято блестяще окончил кадетский корпус и в числе лучших выпускников был рекомендован на учебу в санкт-петербургское Михайловское артиллерийское училище. Это заведение считалось одним из лучших в стране. С 1885 года здесь действовали специальные классы «с целью подготовки для артиллерии офицеров с высшим специальным образованием». Из училища Гобято вышел в чине подпоручика (1896) и получил назначение в лейб-гвардии 1-ю Артиллерийскую бригаду. Прежде чем приступить к службе, молодой офицер приехал в отпуск в уже полюбившиеся Морозовы Борки, где он держал собираемую им коллекцию русского оружия, часть образцов которой изготавливал собственноручно — уже тогда в нем проявились замечательные конструкторские способности. Размышляя о новых видах артиллерийского вооружения и тактике ведения боя,

Л.Н. Гобято записал в дневнике: «Все зло в том, что мы не идем вперед, а живем исключительно тактическими приемами Наполеона, забывая, что сам Наполеон говорил: “Тактика должна меняться каждые десять лет”. <...> Мы привыкли смотреть на себя с точки зрения иностранных авторитетов, даже свою кампанию 77–78 годов (имеется в виду Русско-турецкая война. — *А. П.*) мы изучаем по немецким источникам, боясь затронуть живых участников войны»¹⁷.

После отпуска Леонид Гобято отправился к месту службы, а в 1899 году был зачислен в число штатных слушателей Михайловской артиллерийской академии, которую окончил в 1903-м с производством в штабс-капитаны. Практику слушатели проходили на военных заводах, и там, в мастерских, Гобято нередко задерживался до позднего часа, усердно работая над моделями оружия.

На Русско-японскую войну (1904–1905) Леонид Николаевич ушел в составе 4-й Восточно-Сибирской бригады. Отличная боевая подготовка и обширные познания молодого офицера были замечены, и вскоре штабс-капитан Гобято вступил в должность помощника начальника артиллерии Порт-Артурской крепости по технической части.

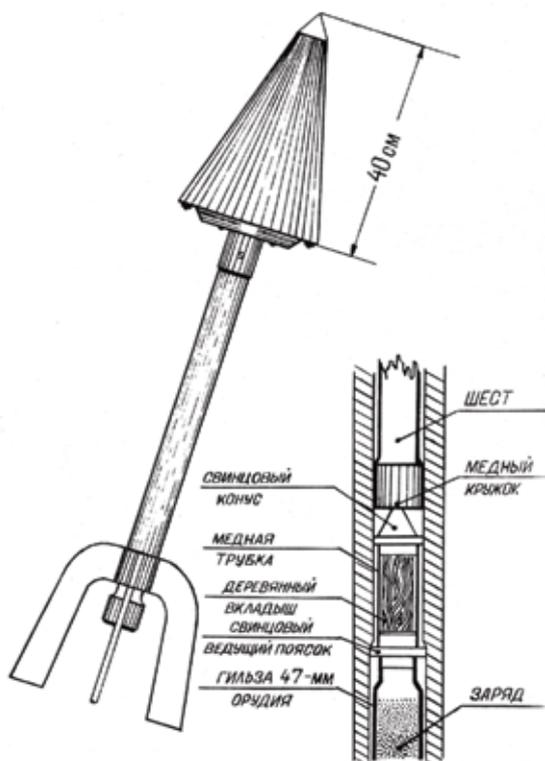

Автобиография.
Рукопись черновика

Титульный лист
книги Л.Н. Гобято
«Свойство огня и боевая служба
артиллерийского дивизиона».
СПб., 1908

Японцы не только обстреливали Порт-Артур из тяжелой артиллерии, но постоянно осуществляли саперные работы, прокладывая в сторону города все новые окопы и сокращая таким образом расстояние

между расположением обеих армий, отчего вести артиллерийский огонь по противнику русским артиллеристам становилось все сложнее. Требовалось оружие ближнего боя. В конце концов, Л.Н. Гобято задумал создать новый вид артиллерии, которая могла бы поражать врага по навесной траектории с близкого расстояния и с закрытых позиций. Сложность состояла в том, что тогда обыкновенно стреляли прямой наводкой, поэтому новаторское предложение Гобято командование встретило буквально в штыки. Леонида Николаевича пытались даже обвинить в трусости: дескать, негоже прятаться от противника. Однако Гобято не сдавался и продолжал с группой единомышленников заниматься воплощением задуманного в жизнь. Поскольку в крепости применялись орудия, снятые с кораблей, он решил приспособить для навесного огня корабельную пушку. Сконструировал надкалиберную (диаметром больше калибра пушки) мину со стабилизатором, а на роль метательных аппаратов определил стволы 47-миллиметровых морских орудий, установленных на колесные лафеты. Также пробовал использовать в качестве стволов прочные металлические трубы. Новый вид вооружения получил название минной мортиры¹⁸. Впоследствии Л.Н. Гобято писал: «10 ноября [1904 года] на левом фланге Высокой

Шестовая мина конструкции Гобято.
Из фондов ГАРО

ТРУДЫ И ДНИ

Осада Порт-Артура

Русская батарея форта № 3 после обстрела

Расчет 9-дюймового орудия батареи

горы было поставлено 47-мм орудие, и началась регулярная стрельба минами днем и ночью. Стреляли по левой японской сапе (окопу. — *А. П.*). Результаты стрельбы были таковы, что из 4 пущенных мин 3 попали в окоп. Как только японцы начинали рыть сапу, туда пускали несколько мин, и после разрыва первой же мины японцы убегали; таким образом их заставляли совершенно прекращать работы»¹⁹.

Солдаты противника с суеверным страхом рассматривали осколки неизвестных снарядов. «Новые русские пушки рывкали оглушающе звонко, и высокий звук долго вибрировал и звенел в воздухе. И самое главное: никакие укрытия не спасали, удивительные снаряды по крутой траектории огибали все препятствия и падали, словно с неба. Японские солдаты окрестили их «летучей смертью»»²⁰.

Впоследствии подобный вид вооружения назовут минометом.

В Порт-Артуре Л.Н. Гобято проявил себя не только как талантливый военный специалист, разработчик и конструктор минной мортиры, но и как храбрый офицер. Он принимал непосредственное участие в отражении атак противника, в ходе ожесточенных боев несколько раз был ранен, удостоился пяти орденов. Между тем силы обороняющихся таяли, японцы же неуклонно наращивали численность своих войск. В итоге Порт-Артур был сдан; многие его защитники попали в плен, в том числе и Гобято. По возвращении из плена (1906) он получил звание подполковника, служил в ряде артиллерийских частей, затем начал преподавать в Академии Генерального штаба, настойчиво пропагандируя в своих лекциях артиллерийскую стрельбу с закрытых позиций; приобрел известность как видный теоретик в области артиллерии, автор солидных трудов²¹.

К сожалению, изобретение Леонида Николаевича не нашло поддержки со стороны Главного артиллерийского управления. Высокопоставленные чиновники не оценили всех преимуществ навесного огня и иронично называли новое оружие «игрушечными пушками», «суррогатом артиллерии». Более того, впоследствии изобретение миномета приписывалось вместе с Гобято и одному из его сотрудников — мичману С.Н. Власеву, что неверно²².

Только во время Первой мировой войны командование русской армии вспомнило

о детище Л.Н. Гобято. Верховный главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич писал военному министру В.А. Сухомлинову: «Пехота настойчиво требует минометов, считая их своей артиллерией»²³. На исходе войны этот вид вооружения уже широко применялся всеми воюющими сторонами²⁴.

Первую мировую войну Л.Н. Гобято начал командиром артиллерийской бригады. Был произведен в генерал-майоры. 19 мая 1915 года при осаде крепости Перемышль разгорелся жестокий бой. После продолжительного артобстрела немцы ринулись на прорыв. Один из российских полков стал отходить. Тогда Леонид Николаевич бросился к отступающим. «Расстроченные цепи быстро пришли в порядок, люди ободрились, горсть их, по сравнению с лавиной немцев, сама пошла в атаку. Беззаветная храбрость и мужество генерала Гобято спасли положение. Полк сделал невозможное — отбил атаку. Сразу все стихло, враг не ожидал отпора и отошел»²⁵. Гобято возвратился на свой командный пункт — и тут его сразила шальная вражеская пуля. Через двое суток он умер на руках у докторов.

Из далекого Перемышля тело Л.Н. Гобято доставили на Рязанщину. Похоронили генерала в Морозовых Борках в фамильном склепе при большом стечении народа. В числе прочих на могилу был возложен венок с надписью на атласной ленте: «Храбрейшему герою из героев — от осиротевшей бригады»²⁶. В те скорбные дни газета «Утро России» писала: «Кто не знал этого высокого стройного генерала с умным суровым лицом и бесконечно добрыми глазами? Он всегда находился на своем боевом посту: его огромные знания, колоссальная энергия и подвижность служили залогом успеха. <...> Его, можно сказать без преувеличения, все знали в армии, в него была глубокая вера, с ним и за ним шли спокойно. Каждое выступление части генерала Гобято влекло за собой поражение неприятеля»²⁷.

«По смерти мужа Олимпиада Сергеевна осталась управлять именем и воспитывать маленькую дочь Ольгу, — продолжает Клавдия Ивановна Пищулина. — В революционный период она уехала в неизвестном направлении. Мать Леонида, Ольга, умерла в 1905 году, отец — в 1910 году. Все похоронены в склепе у Покровской церкви в Морозовых Борках»²⁸. В фамильном

*Покровская церковь.
Фотографии
1970-х годов
(из фондов ГАРО)
и в наши дни*

склепе нашли упокоение несколько представителей фамилии Гобято: родители Леонида Николаевича, его брат Николай, сестра Наталья²⁹...

После революции усыпальницу частично разорили — вероятно, в поисках генеральских наград и оружия. Усадебный дом, разграбленный, а затем подожженный вандалами, сгорел. В огне погибли коллекция оружия и макетов, библиотека, архив³⁰.

Долгие годы имя Леонида Николаевича Гобято — «царского генерала» — замалчивалось советскими историками. Однако в 1950-х годах в Москве нашлись энтузиасты, продолжатели его дела во главе с конструктором минометного оружия Никола-

ем Александровичем Доровлевым, которые решили увековечить память о предшественнике. В Морозовых Борках их поддержали краевед Н.В. Старов, директор местной школы С.В. Аношин и другие земляки изобретателя минометной мортиры. В 1968 году вышло решение Рязанского облисполкома об установке на могиле Л.Н. Гобято памятника. Памятник-надгробие представлял собой небольшой обелиск с мемориальной доской, увенчанный миной. Со временем он обветшал. Наступила другая эпоха. В 1989 году в Морозовых Борках генералу Гобято был торжественно установлен бронзовый бюст работы рязанского скульптора Б.С. Горбунова.

ТРУДЫ И ДНИ

Бюст генерала Л.Н. Гобято

*Обелиск генералу Л.Н. Гобято.
Фотография 1968 года. Из фондов ГАРО*

Село Морозовы Борки в наши дни

Современные фотографии В.И. Проказникова

¹*Рындин И.Ж.* Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии. Вып. 2. Рязань, 2007. С. 290.

²Рязанская энциклопедия. Т. 1. Рязань, 1999. С. 242.

³Там же. С. 635.

⁴Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. Р-5039. Оп. 1. Д. 344. Л. 2. 80.

⁵*Бабурин А.В.* Рязанский топонимический словарь (названия рязанских деревень). Рязань, 2004. С. 262.

⁶*Кузнецов И.А.* Сапожковский край. Историко-краеведческие очерки. Рязань, 1999. С. 33, 206.

⁷ГАРО. Ф. Р-5039. Оп. 1. Д. 344. Л. 80.

⁸*Добролюбов И.В.* Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии. Т. 3. Рязань, 1888. С. 43–46.

⁹ГАРО. Ф. Р-5039. Оп. 1. Д. 344. Л. 13.

¹⁰Рязанская энциклопедия. Т. 1. С. 635.

¹¹ГАРО. Ф. Р-5039. Оп. 1. Д. 344. Л. 13–14.

¹²Там же. Л. 20.

¹³*Старов Н.В.* Генерал Гобято. Историческая повесть. Ростов-на-Дону, 1988. С. 17.

¹⁴ГАРО. Ф. Р-5039. Оп. 1. Д. 469. Л. 1–2.

¹⁵Там же. Д. 344. Л. 21–22.

¹⁶*Старов Н.В.* Указ соч. С. 18.

¹⁷Там же. С. 26.

¹⁸*Алебастров И.* Из истории техники // Изобретатель и рационализатор. 1982. № 9. С. 34–35; Советская военная энциклопедия. Т. 5. М., 1978. С. 306–307.

¹⁹*Гобято Л.Н.* Артиллерийская стрельба в крепости на дистанции ближе 1000 шагов (из осады Порт-Артура) // Артиллерийский журнал. 1906. № 8.

²⁰*Алебастров И.* Указ соч. С. 34.

²¹Военная энциклопедия. Т. 8. СПб., 1912. С. 345.

²²Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа Военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны. Т. 8. Ч. 2. СПб., 1910. С. 299, 429.

²³*Алебастров И.* Указ соч. С. 35.

²⁴Советская военная энциклопедия. Т. 5. С. 305.

²⁵Рязанские епархиальные ведомости. 1915. № 22. С. 876–877.

²⁶ГАРО. Ф. Р-6858. Оп. 1. Д. 513. Л. 5 об.

²⁷Утро России. 1915. 30 мая. № 47.

²⁸ГАРО. Ф. Р-5039. Оп. 1. Д. 469. Л. 2–3.

²⁹*Рындин И.Ж.* Указ соч. С. 289–290.

³⁰ГАРО. Ф. Р-5039. Оп. 1. Д. 469. Л. 2.

**МОСКОВСКИЙ
ЖУРНАЛ**

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

<http://www.mosjour.ru>

127015, Москва, Бумажный проезд, дом 14, строение 2.
Телефон: (499) 557-04-27 доб. 414
E-mail: mosmag@mosjour.ru
Отдел распространения: (499) 557-04-07

Надежда Игоревна Подунова

«Даятель, а не отниматель»

К портрету русской поэтессы, писательницы, художницы
Елены Генриховны Гуро (1877–1913)

Елена Генриховна Гуро. Конец 1900-х годов

Со времени смерти Е.Г. Гуро прошло чуть более ста лет, и более шести десятилетий это имя было известно лишь небольшому кругу друзей и почитателей. Следует заметить, что и при жизни творчество Елены Генриховны оставалось практически не замеченным критикой. Лишь с середины 1970-х годов появляются ее тексты и литература о ней — прежде на Западе, а чуть позднее и в России.

Елена Гуро стоит особняком в ярком и пестром художественном мире начала XX века, хотя ее весьма ценили футуристы, признавая своей предтечей. Так, Н.Н. Асеев называл Гуро «первым новатором (по старшинству)», считая, что «Маяковский сильно обязан ей»¹. В.В. Каменский отмечал «ее исключительное дарование» — «густое, ветвистое и стройное, как и сосновая роща»². Но было

бы неправильно говорить в связи с творчеством Елены Гуро о футуризме, равно как и обо всех прочих «измах», ибо оно не поддается никакому стилевому ограничению.

Короткий жизненный путь Е.Г. Гуро внешне не отличался разнообразием, но в ее поэтической вселенной при внимательном взглядывании можно обнаружить много необычного и захватывающего: напряженную духовность, глубокое проникновение в тайны природы, ощущение неразрывной связи с каждой частицей творения... Откуда в этой застенчивой девочке оказалось столько воли, творческой энергии, духовной свободы? Как могла она создавать столь оригинальные художественные формы и в литературе, и в живописи? Из каких сокровенных источников черпала вдохновение? Попробуем ответить на эти вопросы, не претендуя, естественно, на полноту и непогрешимость — ибо творческую индивидуальность невозможно исследовать до конца...

Традиционно главное влияние на становление личности оказывает семья. По отцовской линии Елена Гуро происходила из старинного и знатного рода французов-гугенотов. В конце XVIII столетия ее дед Степан Андреевич Гуро в числе множества других эмигрантов покинул пределы Франции в поисках спасения от революционного террора. В России он более двадцати лет преподавал французский язык воспитанникам Павловского кадетского корпуса (Санкт-Петербург), создал ряд учебников по французскому и немецкому языкам, не чужд был и писательству. Дослужившись до чина статского советника, С.А. Гуро в 1867 году вышел в отставку и поселился на Аптекарском острове на Кабинетной улице в собственном доме, построенном для него архитектором Адрианом Робеном (1849).

Тот же Павловский кадетский корпус окончил старший сын Степана Андреевича Александр, за отличные успехи удостоившийся чести, чтобы его фамилия была занесена на мраморную доску заведения. Служил прапорщиком лейб-гвардии Егерского полка, затем в Штабе гвардейского корпуса и вышел в отставку в чине генерал-майора, после чего занимался в основном переводами — в частности, перевел на французский язык сочинение русского военного деятеля и теоретика Д.А. Милютин «История

*Портрет матери Е.Г. Гуро —
Анны Михайловны
(урожденная Чистякова).
1900-е годы*

*Имение генерала Г.С. Гуро Починок.
На переднем плане —
А.М. Чистякова-Гуро.
1900-е годы*

*Елена Гуро у Монплезира
в Петергофе. 1900-е годы*

войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году» (СПб., 1852).

Отец Елены Гуро Генрих Степанович, окончивший частное учебное заведение, тоже служил в Штабе гвардейского корпуса, далее состоял для особых поручений при главнокомандующем войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа Великом князе Владимире Александровиче. Участвовал в боевых действиях (1855, 1863). Произведен в генералы от инфантерии, награжден отечественными и иностранными орденами.

Со стороны матери прадедом Елены Генриховны был священник села Воскресенское Жиздринского уезда Калужской губернии, дедом — известный писатель и педагог Михаил Борисович Чистяков (1809—1885). Любовь первых воспитателей — матери и няни — явилась для маленького Миши «источником лучших наслаждений и хранительной силой в тяжкие и опасные минуты жизни»³. После окончания духовного училища и Московского университета (где он учился вместе с В.Г. Белинским и Н.А. Добролюбовым) М.Б. Чистяков становится преподавателем русской словесности; через несколько лет занимает должность инспектора классов в Николаевском сиротском институте (в настоящее время — Педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург). Здесь он прослужил тридцать три года, кроме того, преподавал в Павловском кадетском корпусе и Смольном институте благородных девиц, разработав несколько оригинальных педагогических курсов. Вместе с женой Софьей Афанасьевной, детской писательницей, издавал ежемесячный «Журнал для детей» (1851—1865). Как отозвался о нем один из благодарных читателей: «За последние полстолетия не было человека из образованного общества, который бы в детстве не прочел хотя бы одного рассказа (М.Б. Чистякова. — *Н. П.*) <...> и не вспомнил его добрым словом за те минуты наслаждения, какие даются истинным талантом»⁴.

Елена Генриховна Гуро родилась в Санкт-Петербурге. Она была поздним и последним — третьим — ребенком в семье. В раннем детстве Елены квартира родителей (№ 6) располагалась на Дворцовой площади, 4, в здании Штаба гвардейского корпуса. Из окон квартиры открывался вид на Адмиралтейство и площадь перед Зимним дворцом, где время от времени проходили торжественные мероприятия и парады войск гвардии, пленявшие детей. Отсюда можно было за несколько минут добраться до квартиры деда — М.Б. Чистякова, жившего на территории Сиротского института. В этой квартире внуков ждало волшебное царство литературы, неиссякаемой любви и доброжелательности.

В семье Гуро существовал строгий распорядок. Дети воспитывались в традициях долга, чести, аристократизма, рыцарственности, свойственных мужской половине рода — потомственным военным. От матери, Анны Михайловны, с отличием окончившей Николаевский институт, в котором преподавал ее отец, и обладавшей натурой мягкой, нежной, утонченно-эстетичной, Елена унаследовала художественный талант и артистичность.

Атмосферу, в которой происходило становление внутреннего мира девочки, можно представить по детским воспоминаниям, отчетливо прослеживающимся в первой книге Е.Г. Гуро — «Шарманка». Трепет «лампового цвета на фарфоровых игрушках и в отражении зеркал». «Елочное царство» Рождества, «пахнущее позолотой, и хвоей, и цветными свечками». «Белые торжественные печи. Белые потолки лепные и удаленные. Высокие торжественные лестницы. Бьет шесть, <...> предвкусье вечерних ламповых пиршеств. <...> Бьет семь. <...> Рамы картин таинственны. Тихонько рояль заговорил. Полночь бьет»⁵. И среди этого великолепия и красоты — ощущение затерянности, заброшенности: «Длинная скучная детская, отдаленная от владений старших,

непонятная, далекая мама, точно декорация смутного фона, проходила, шелестела платьем»⁶. Не отсюда ли проистекает болезненная застенчивость, свойственная Елене Гуро всю жизнь, а также мечтательность и задумчивость?

Огромное влияние на девочку оказывали книги. Она рано пристрастилась к чтению. Софья Афанасьевна читала ей свои рассказы из русского быта, исторические повести. И перед Еленой открывались далекие чудесные миры. Особое впечатление произвели переведенные дедом «Картины из истории детства знаменитых живописцев» В. Папе. Следствием жгучего интереса к искусству стало решение поступать в Рисовальную школу Общества поощрения художеств. Елена окончила ее, затем продолжила занятия живописью в мастерской известного художника Я.Ф. Ционглинского, у которого училась в школе, а далее — в частной студии Е.Н. Званцевой, где брала уроки у М.В. Добужинского и Л.С. Бакста.

Природа стала вторым важным фактором, формирующим творческую индивидуальность Елены Гуро. Каждый год она с томительным нетерпением ждала выезда на дачу: долой эти «каменные стены», «цвета обыкновенной скуки», жизнь «между понедельниками и вторниками», «пыльные окна Петербурга!» В 1880 году родители Елены приобрели в Сосединской волости Лужского уезда Псковской губернии большой участок земли и построили там двухэтажный деревянный дом. Имение называлось Починок. Здешняя природа необыкновенно живописна: рельефные ландшафты, обилие густых лесов, рек, озер и родников — недаром об этих местах говорили как о «лужской Швейцарии». Семья приезжала сюда уже в апреле-мае, когда едва начинала зеленеть трава, а кое-где еще лежал снег. «Дачи отсыревали от весенней воды, пахли рогожами, сосновыми иглами и кошками»⁷. На выцветшей черно-белой фотографии начала прошлого века⁸ можно разглядеть довольно вместительный дом с балконом и мезонином, подъездную дорогу. За домом — деревья, вокруг трава и кустарники, по соседству справа — сад (имение не сохранилось). Вот как Елена Гуро описывает первый свой приезд в Починок: «После железной дороги кристально чистая тишина. Мы слушаем молчание. <...> Открылась безграничная земля, млеющая в вечернем возрождающем упоении. <...> Впереди темноло громадное <...> чудовище-строение. <...> Что-то страстно, больно захватило от восторга грудь. Ехали через необъятный двор. <...> В громадной столовой ярко освещенный белый стол. На нем цветы. <...> В окна кивали ели. <...> Спальня — громадная, пустая. <...> Те же голые бревенчатые стены, проконопаченные мхом, смола золотыми слезками. <...> Воздух легкий-легкий»⁹.

Окрестные достопримечательности — Феофилова пустынь, поморские поселения, латышская часовня, древние кладбища с латинскими надписями на могильных памятниках, языческие захоронения — давали обильную пищу воображению. Елена рано начинает рисовать, вести дневник. Спустя годы полученные тогда впечатления воскреснут в поэзии и прозе: «Белые звездочки в густой траве, зеленые деревья». «Из земли зеленые рогатые травки, росточки вылезали еще совсем земляные, <...> беленькие с прилипшими комками песку». «Эти ели! Их смоляной тяжелый запах виснет, и слышна тяжесть их густых плащей. Это запах силы»¹⁰.

Поэтический мир Елены Гуро складывался во многом на основе ее феноменальной способности чувствовать и любить все живое, сопереживать миру, полностью отдаваться ему. Отсюда следовало осознание себя «матерью всему живущему». В предисловии к сборнику «Трое», вышедшему уже после смерти Елены Генриховны, ее муж — музыкант, композитор, художник Михаил Васильевич Матюшин — говорит о ней как о женщине, «обращенной своим милосердием ко всему, что в нем нуждалось, и этим милосердием-жалостью пытающейся преодолеть отчуждение человека от природы, спасти природу

*Елена Гуро и Михаил Матюшин
в имени Починок. 1905 год*

*Елена Гуро в квартире на Лицейской, 4.
1909–1910 годы*

Елена Гуро в квартире на Лицейской, 4. 1900-е годы

от агрессивной городской стихии, спасти душу природы»¹¹. В «Шарманке» Гуро описывает умирание птенца: «Я даю ему пить и сижу тихо-тихо пока он не умрет. Это последняя ласка его жизни. <...> Я хочу покрыть крыльями весь мир. Я поддержать хочу, сколько могу, этот мир умираний, страданий, горя, концов и начал, и великой-великой необходимости. <...> Разве не смотрел ты в самые дорогие глаза и не видел в них страшную пелену смерти? <...> Да, видел, и потому уже не страшна мне смерть. <...> Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко. Я сижу тихо и жду. Вот, наконец. Ныне отпускаешь эту маленькую жизнь, Владыко»¹². Это — вопрошание и обетование, клятва и молитва. Недаром поэтическим кредо Елены Гуро стало утверждение: «Писатель — даятель, а не отниматель жизни».

Публикация «Шарманки» успеха, впрочем, не имела. Автора попросту не поняли. Тираж не расхотелся, рецензии благожелательностью отнюдь не отличались. В письме к Елене ее сестра Александра Генриховна пишет: «Порадовалась длинной статье о твоей «Шарманке» в «Новом времени», хотя тебя и бранили, — но, мне кажется, это лучше молчания, ведь на многих совсем не обращают внимания»¹³.

Однако нельзя сказать, чтобы Елену совсем не заметили. В литературном сообществе нашлись и те, кто ее оценил. Среди них — Александр Блок, который счел автора «Шарманки» «достойной внимания». Валерий Брюсов говорил о самобытности Гуро.

К тому времени она была уже Матюшиной. В отличие от Елены — «камерной», замкнутой, едва ли не затворницы, ее муж Михаил Матюшин оказался человеком, что называется, публичным. Кем он только не побывал перед тем, как впервые увидел юную Гуро на этюдах в студии Я.Ф. Ционглинского! Вокруг него всегда толпились люди. Постепенно дом Матюшина и Гуро в Петербурге (Песочная улица, 10) сделался местом встреч молодых художников и поэтов¹⁴. Там спорили, музицировали, писали стихи и манифесты, пели и давали представления. Елена Генриховна в бурлящем водовороте идей и людей, вероятно, выглядела весьма своеобразно, будучи по сути своей «заветным» художником — тихим, но с твердыми принципами. И эту твердость

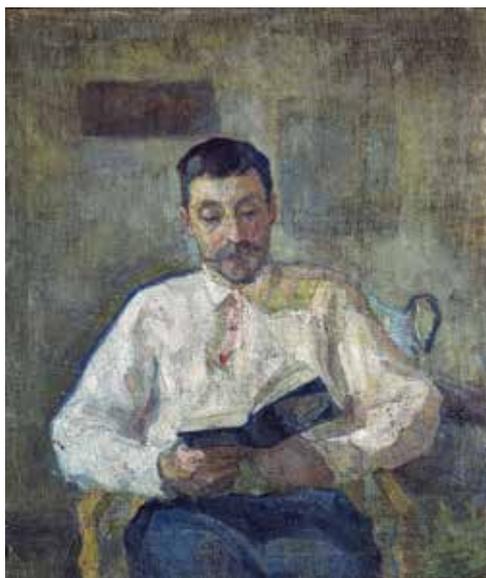
Живописные работы Е.Г. Гуро

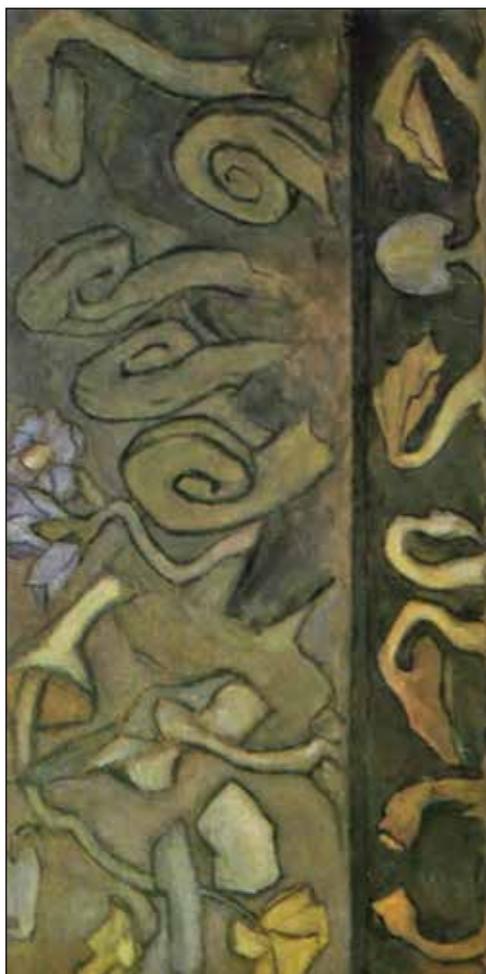
*Портрет М.В. Матюшина.
Холст, масло. 1903 год*

*Мостик в Сагамилье.
Бумага, тушь. 1910–1912 годы*

*Портрет М.В. Матюшина.
Холст, масло.
Начало 1900-х годов*

*Ростки.
Холст, масло. 1906–1907 годы*

окружающие явственно ощущали. Так, братья Бурлюки, никого и ничего не боявшиеся, почтительно умолкали, когда Гуро начинала говорить¹⁵. Работала она много, расположившись на диване в окружении любимых котов — «стройного» Бота и «толстяка» Вата.

Рыцарские мотивы появляются у Елены Гуро очень рано; возможно, здесь сказались ее французские корни. Романтизм рыцарства проходит через все творчество Елены Генриховны. Но если в «Шарманке» рыцари фигурируют лишь эпизодически («Из средневековья», «Готическая миниатюра»), то вторая книга-пьеса «Осенний сон» (1912) уже полностью отдана барону Вильгельму фон Кранцу — белокурому худому юноше с постоянным «выражением какой-то застенчивой боли или радости, за которую немножко больно»¹⁶. Его образ — некая аллюзия на Дон-Кихота, воюющего с несправедливостью и жестокостью. В «Осеннем сне» впервые мы встречаемся с «мифом о сыне»¹⁷. Посвящение в начале пьесы гласит: «Памяти моего незабвенного единственного сына В.В. Нотенберга». Здесь требуются пояснения. Во-первых, Елена Гуро подписывается в предисловии «Элеонорой Нотенберг» (а потому некоторые исследователи считали это имя, использованное ею затем и в «Бедном рыцаре», настоящим именем автора). Во-вторых, интрига заключается в том, что у Гуро никогда не было детей. Как в поэзии, так и в живописи она творит собственный мир (миф), живет в нем сама и убеждает других в его реальности.

Для Гуро главный герой «Осеннего сна» — ее сын, человек беспредельного смирения. Он не отвечает на грубость жестокостью, а на глумление — глумлением, не может ненавидеть своих мучителей, вооруженный против них лишь всепрощением, которого они по своей природе просто не в состоянии постигнуть. Вячеслав Иванов напишет о нем как об одном «из <...> иных, чем мы, людей», «первом вестнике новых солнц в поздние стужи»¹⁸.

Елена Гуро продолжит и разовьет «сыновний» миф в последующих своих наработках, а полноту он обретет в «Бедном рыцаре» — незаконченном произведении, существующем в нескольких вариантах и под разными названиями. Фрагменты «Бедного рыцаря»

разбросаны по многочисленным записным книжкам Елены Генриховны, хранящимся в российских и зарубежных архивах. Сводный текст впервые появился в Стокгольме в 1988 году.

Сложно определить жанр «Бедного рыцаря». Больше всего это похоже на сказание. Первая часть «История госпожи Эльзы» — рассказ о матери, обретающей и теряющей сына. Вторая — «Из поучений светлой горницы» — представляет собой свод притч. Гуро описывает рыцаря — человека не от мира сего, для которого важным является страдание. «Посмотри, как меня бьют, и это так должно быть», — говорит он¹⁹. Юноша появляется на вечерней заре (время мистического свидания, воспетого многими поэтами-романтиками). «В тайной задумчивости воздвигался вечер, и переплет окна на нем нарисовал темный крест»²⁰. Юноша здесь — и все вокруг озаряется любовью. Эльза не знает, человек это или дух, но начинает ждать его прихода, ощущая являющегося «как звезду над головой». В конце концов, присмотревшись, «она поняла, что она мать ему»²¹. Обретение родства приносит не только радость, но и глубокую печаль. Юноша раскрывает перед ней смысл своей миссии: «Ни одна крупинка красоты не утеряна у Бога, для того и я сюда пришел. <...> Кто видит душу везде и считает все живым, тот никогда не останется в темноте»²². Эльза обнаруживает в сыне редкий дар без остатка отдавать себя людям. Люди же не понимают и проклинают его, разрушают все им созидаемое. Задача созидания, таким образом, невероятно сложна, почти непосильна.

Во второй части — иное звучание. Она обращена к посвященным — тем, кто «знает и любит». Тут уже разговор «человека с вечностью»: «Живите по законам Духа!» «Творите, чтобы было ради чего рождаться нашему будущему, и оно само родится»²³.

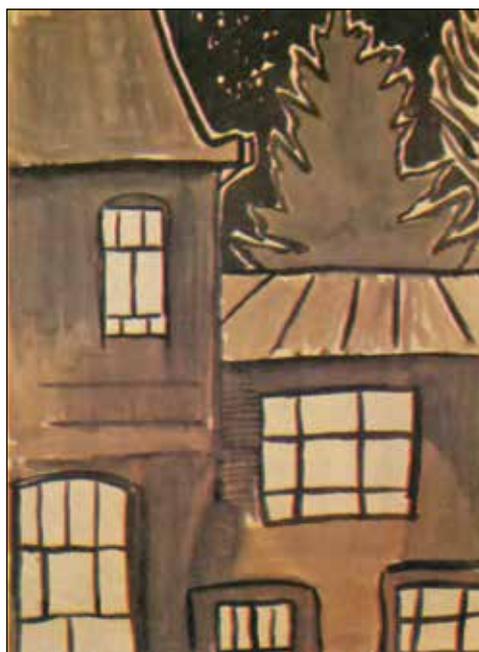
В последние годы Елена Гуро жила на даче в Финляндии. Домик был небольшим, деревянным. Сосны подступали со всех сторон. «Снег порывался бросать белых мух в открытую дверку»²⁴. В комнате с бревенчатыми стенами мебель почти отсутствовала — лишь небольшой письменный стол, полочка с игрушками в углу да диван. Коты. На стене — портрет основоположника датского импрессионизма писателя Германа

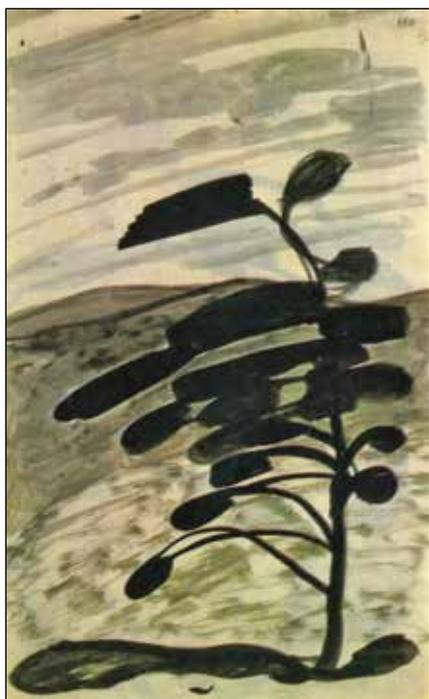
*Композиция. Игрушки.
Холст, масло. 1910 год*

*Камень.
Холст, масло. 1910–1911 годы*

*Приморский хутор.
Бумага, тушь. 1911 год*

*Дерево.
Бумага, тушь. 1909–1910 годы*

Работы Е. Гуро хранятся в фондах Государственного музея истории Санкт-Петербурга, в рукописном отделе Пушкинского дома, в Российском Государственном архиве литературы и искусства.

Банга, певца страдания, жизненного краха, предчувствия смерти. Гуро не принимала его мирочувствия. «Черные складки вдоль щек сковали закинутае лицо. <...> Он не знает законов Духа — над этой головой виснет неизбежность. <...> Зачем любить тяжело и кровью?»²⁵ Даже уже будучи тяжело больной, она думает иначе: «У нас есть дверь в солнце! И соснового изумруда целые глубины! <...> И наша смерть только ошибка»²⁶. Эти строки Елена Генриховна написала в марте 1913 года — меньше чем за два месяца до кончины.

Иллюстрации из каталога «Елена Гуро. Поэт и художник. 1877–1913». СПб., 1994.

¹Маяковский и Елена Гуро // Литературное наследство. М., 1958. С. 405.

²Каменский Василий. Путь энтузиаста. Пермь, 1968. С. 100.

³Пчела. 1875. №7. С. 76.

⁴Русский архив. 1886. №11. С. 481.

⁵Гуро Е. Шарманка. СПб., 1909. С. 17–18, 98.

⁶Там же.

⁷Там же. С. 94.

⁸Каталог выставки «Елена Гуро. Поэт и художник. 1877–1913». СПб., 1994.

⁹Гуро Е. Шарманка. С. 99–107.

¹⁰Там же. С. 74, 93.

¹¹Она же. Трое. СПб., 1913. С. 223.

¹²Она же. Шарманка. С. 68–69.

¹³ЦГАЛИ. Ф. 143. Оп. 1. Ед. хр. 29.

¹⁴Повелихина А. Санкт-Петербург. Песочная, 10 // Наше наследие. 1989. №2. С. 118.

¹⁵Харджиев Н.И. Статьи об авангарде. Т. 1. М., 1997. С. 156.

¹⁶Гуро Е. Осенний сон. СПб., 1912. С. 9.

¹⁷Топоров В.Н. Миф о воплощении юноши-сына, его смерти и воскрешении в творчестве Елены Гуро // Серебряный век в России. М., 1993. С. 224.

¹⁸Иванов Вяч. Marginalia // Труды и дни. 1912. №4–5.

¹⁹Гуро Е. Бедный рыцарь. Коломна, 2015. С. 13.

²⁰Там же. С. 41.

²¹Там же. С. 12.

²²Там же. С. 24–25

²³Там же. С. 66–82

²⁴Союз молодежи. 1913. №3. С. 73.

²⁵Там же. С. 74.

²⁶Там же.

Галина Андреевна Аляева

«На служение страждущему человечеству»

О существовавшей в Москве с середины XIX до начала XX века
Никольской общине сестер милосердия

Н.А. Ярошенко. Сестра милосердия. Холст, масло. 1886 год

В 1844 году княгиня София Степановна Щербатова при содействии своего супруга — московского военного генерал-губернатора князя Алексея Григорьевича Щербатова основала в Первопрестольной Дамское попечительство о бедных. Оно находилось под покровительством императрицы Марии, состояло «преимущественно из особ женского пола»¹ и имело целью «открывать людей, особенно стыдящихся просить подаяния, и оказывать им, сообразно обстоятельствам и по мере возможности, такого рода пособия, которые приносили бы им существенную прочную помощь»². Только за первый год Попечительство собрало «на благотворительные дела 38 596 руб. 93 коп.»³, а за 25 лет «успело сделать добра и оказать помощь на 1 770 206 руб. 41 коп.»⁴

Устав Попечительства, высочайше утвержденного 1 мая 1845 года (здесь и далее даты приводятся по старому стилю), предусматривал в числе прочего оказание малоимущим бесплатной медицинской помощи. Вскоре этот пункт оказался особенно актуальным: в 1847 году началось «четвертое вторжение холеры в пределы Европейской России»⁵. 10 сентября первые заболевшие появились в Московской губернии, 18 сентября — в Москве, где эпидемия «существовала в течение всей зимы»⁶. К марту 1848 года поветрие пошло на спад, однако вскоре вновь «стало усиливаться»⁷.

2 апреля при одном из своих отделений — Сущевском — Попечительство организовало Никольскую общину сестер милосердия, расположившуюся в доме Гурьева по Долгоруковской улице, напротив церкви Святителя Николая, что в Новой Слободе, близ «московского губернского замка, про который арестантская песня говорила: “Меж Бутыркой и Тверской, там стоят четыре башни, в середине большой дом, где крест-накрест коридоры”»⁸. Община явилась первым в Москве и вторым в России (см. ниже) подобным заведением, «составившим одну из светлых страниц в истории Попечительства»⁹ и сыгравшим видную роль в становлении у нас самого понятия «сестра милосердия». Она создавалась при непосредственном участии княгини С.С. Щербатовой и главного врача московских тюремных больниц «святого доктора» Федора Петровича Гааза, «учредителя больницы для чернорабочих при Старо-Екатерининской

*О.А. Кипренский. Портрет
Софьи Степановны Щербатовой.
Бумага, сангина, карандаш.
1819 год*

больнице»¹⁰. Именно там и начали сестры — «вдовы и девицы» в возрасте от 20 до 40 лет — ухаживать за больными, а также «на квартирах <...> и в Городской больнице»¹¹.

Высочайше утвержденного устава у общины не было. С.С. Щербатова несколько лет пыталась получить на это разрешение, но безуспешно — во всяком случае, соответствующий документ в Полном собрании законов Российской империи за период с 1848 по 1870 год отсутствует. Деятельность общины, вероятнее всего, регламентировалась уставами собственно Дамского попечительства о бедных и первой в России общины сестер милосердия — Санкт-Петербургской (1844).

Сестрам полагалось пройти годовой испытательный срок. Они должны были согласованно жить с другими сестрами, беспрекословно подчиняться попечительнице, строго выполнять правила общины, обладать такими качествами, как набожность, воздержание, опрятность, скромность, доброта, терпение. Если кандидатке удавалось выдержать испытание, она могла оставаться сестрой милосердия до старости. Могла и выйти из общины — например, по слабости здоровья.

ИЗ ЛЕТОПИСИ МИРНЫХ ПОДВИГОВ

Всем сестрам Никольской общины на средства благотворителей была справлена форменная одежда — платья синего цвета. Личные вещи иметь запрещалось. Жалование не платилось. Получаемые каким-либо образом деньги со стороны отдавались общине. Вообще вся деятельность и бытовой уклад сестер носили полумонашеский характер. Обучал их навыкам ухода за больными доктор Ф.П. Гааз. Помимо чисто лечебных процедур, они выполняли функции сиделок, заботились о спокойствии и утешении пациентов. Духовно окормлял общину и преподавал сестрам Закон Божий священник упомянутой церкви Святителя Николая.

Со дня образования община находилась под наблюдением помощницы попечительницы (с 1850 года ставшей попечительницей) Анастасии Павловны Щербининой. Обязанности казначея и эконома исполнял почетный гражданин купец Андрей Кузьмич Садомов.

А.П. Щербинина, являвшаяся внебрачной дочерью князя Павла Михайловича Дашкова — единственного сына княгини Екатерины Романовны Дашковой¹², была хорошо известна в Москве своим расположением к делам христианского милосердия и меценатства. Она входила в совет Благотворительного общества

*Е.П. Самокиш-Судковская.
Федор Петрович Гааз.
Иллюстрация из книги: А.О. Кони.
Федор Петрович Гааз. Биографический очерк.
СПб., 1904*

*Старо-Екатерининская больница. Общий вид.
Фотография из «Альбома зданий,
принадлежавших Московскому общественному городскому управлению». 1900 год*

1837 года, участвовала в работе Дамского попечительства о бедных с первых дней его существования, семнадцать лет возглавляла Никольскую общину в звании попечительницы (в каком ее утвердила сама императрица), оплатила «изготовление плана, фасада и сметы»¹³ каменной Покровской церкви в селе (ныне поселок) Нахабино, «а также взяла на себя распоряжение строительством»¹⁴ этой церкви.

В 1852 году община, тогда насчитывавшая 23 сестры, перебралась на новое место: после смерти Екатерины Владимировны Новосильцевой, урожденной Орловой, дочери младшего из пяти братьев Орловых, ее «каменный двухэтажный» дом в «Рогожской части, 5 кв., <...> с домовой в нем церковью во имя Св. Николая Чудотворца»¹⁵ наследники пожертвовали сестрам. Здесь было организовано проживание бедных семейств, «которые получали квартиру с отоплением»¹⁶.

В конце 1854 года десять «сестер, изъявивших желание ухаживать за ранеными и больными»¹⁷, отправились в военные госпитали в районы шедшей тогда Крымской войны. Однако свято место пусто не бывает, и уехавших вскоре заменили «другие бедные женщины, изъявляя готовность посвятить себя на служение страждущему человечеству»¹⁸.

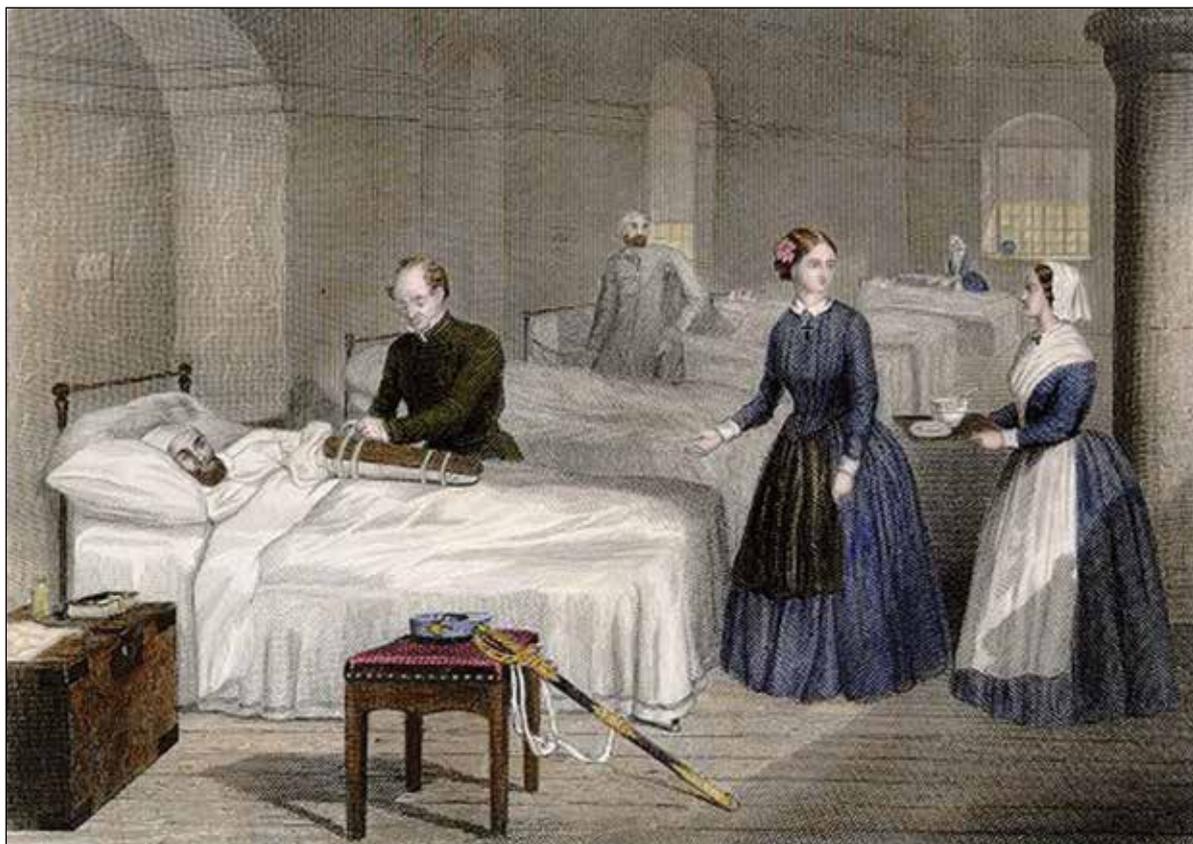
Никольские сестры следовали в Крым вместе с сердобольными вдовами¹⁹ Петербургского и Московского вдовьих домов. В декабре 1854 года отряд численностью 36 человек «в сопровождении некоего майора Гракова, бывшего полицеймейстера Петербургского вдовьего дома»²⁰, прибыл в Симферополь — «главный сборный пункт для помещения» больных и раненых²¹. «Все публичные здания, присутственные места, школы, благотворительные заведения, <...> сараи — все это вскоре переполнилось больными, так что целая половина города обратилась в громаднейший госпиталь. Число раненых в этом городе доходило до 18 000; больных же в марте 1855 г. набралось в нем до 9000, а в сентябре до 13 000. Все они размещены на 64 различных пунктах. Но и здесь, по недостатку госпитальных и врачебных средств, больные находились в самом печальном положении»²². Прибытие сестер «имело весьма важное значение не только к материальному уходу за больными, но так-

же и в нравственном отношении»²³. «Они ободряют страдальцев своим теплым участием и ласковым обращением, утешают, пишут письма их родным, извещают последних и о смерти воинов, заботятся и об их христианском погребении»²⁴.

«Жить сестрам приходилось среди больных же и в условиях их жизни, и потому они все решительно переболели, и даже не по одному разу»²⁵. Кроме всевозможных физических лишений, сестры испытывали и нравственные муки, непрерывно слыша «страшные стоны, слезные мольбы», видя «ужасные калечения, кровь и кровь без конца, постоянное умирание молодых жизней»²⁶. Две сестры «окончили жизнь при совершении христоролюбивых их обязанностей»²⁷. Остальные по возвращении домой в 1856 году удостоились учрежденных в память совершенного ими подвига серебряных медалей и денежных выплат — по 10 рублей за каждый месяц нахождения в Крыму. 30 августа в адрес Дамского попечительства о бедных на имя А.П. Щербининой поступило послание от вдовствующей императрицы Александры Федоровны, где, в частности, были такие слова: «Душевно радуясь, что скромному учреждению Вашему досталась завидная доля принять деятельное участие в облегчении страданий доблестных защитников Севастополя, пребываю к Вам навсегда благосклонною. Александра»²⁸.

В 1861 году усердием А.К. Садовой, с привлечением других благотворителей (сам Андрей Кузьмич пожертвовал 6000 рублей серебром), при доме общины была возведена каменная двухэтажная пристройка под Никольский храм. В 1863-м состоялось освящение. Община к тому времени насчитывала около 70 сестер²⁹. В 1865-м ее возглавила княгиня О.А. Голицына — дочь С.С. Щербатовой. Оставшись в 25 лет бездетной вдовой, Ольга Алексеевна активно помогала матери в деле благотворительности. Через три года (1868) она основала приют «во имя святой Марии Магдалины с целью обращения к нравственной жизни и труду впавших в разврат несовершеннолетних девушек»³⁰. Разместился приют в доме на Долгоруковской улице, где ранее находилась Никольская община. А.П. Щербинина продолжала свою деятельность в Дамском попечительстве о бедных как член Почетного совета. Последнее упоминание

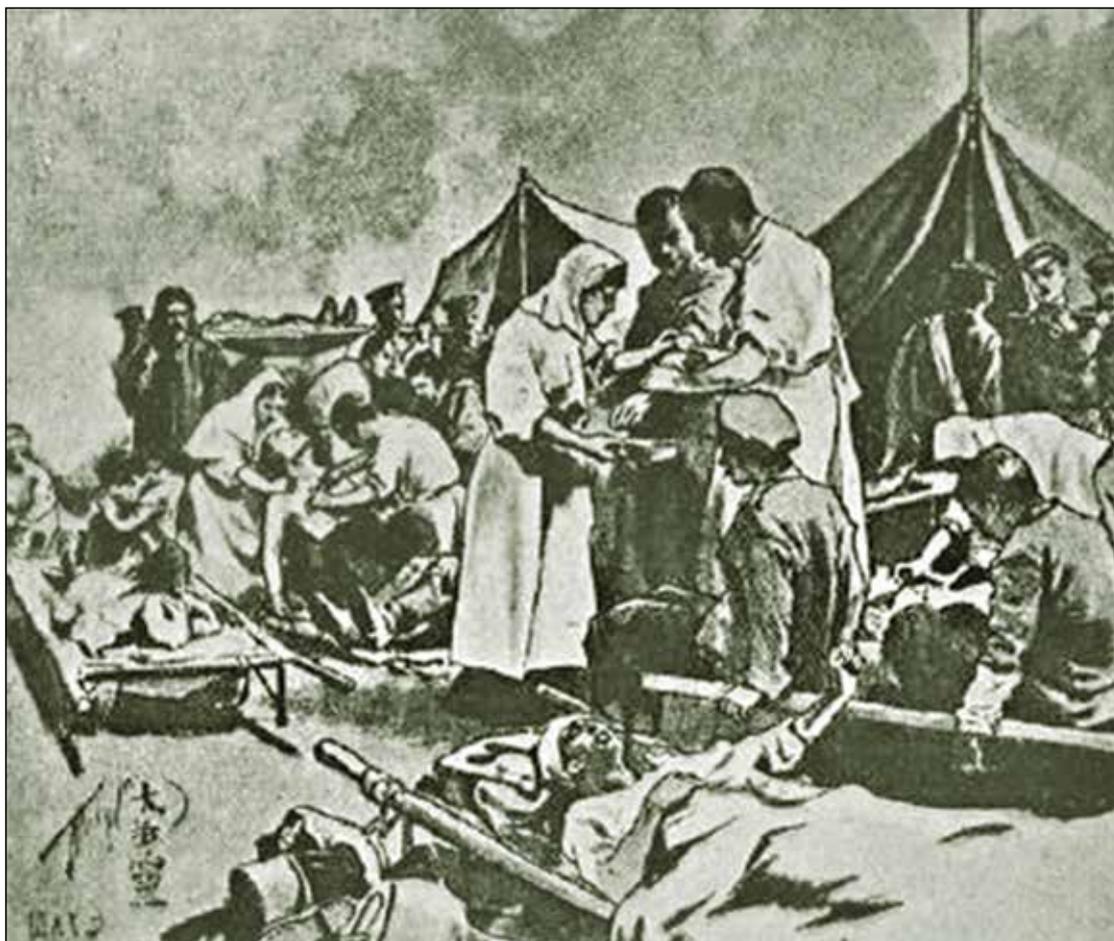
ИЗ ЛЕТОПИСИ МИРНЫХ ПОДВИГОВ

В Севастопольском госпитале

*Благотворительные открытки,
выпускавшиеся общинами сестер милосердия. 1914 год*

Перевязочный пункт на поле сражения.

Иллюстрация из книги:

*С.К. Махаев. Подвижницы милосердия. Русские сестры милосердия.
Краткие биографические очерки.
М., 1914*

о ней находим в «Московской памятной книжке на 1869 год».

19 августа 1869 года Именным законом №47391 начальнице и сестрам милосердия Никольской общины было предоставлено «право на получение за выслугу установленных лет Маринского знака отличия беспорочной службы»³¹ — награды, считавшейся весьма почетной.

В марте 1871-го сестре милосердия Никольской общины княгине Н.Б. Шаховской разрешили учредить на собственные средства новое сестричество «Утоли моя печали», разместившееся на Покровке в особняке купца Г.Д. Новиченкова. Часть николевских сестер по приглашению Натальи Борисовны перешли туда. В 1879 году умерла О.А. Голицына. В связи ли с этим или по какой-то другой причине было принято решение о закрытии Никольской общины. Двенадцать в основном престарелых сестер

перевели в богадельню Лефортовского отделения Попечительства. Община как таковая перестала существовать, однако в 1914 году с началом Первой мировой войны «по инициативе попечительницы Лефортовского отделения Московского Дамского попечительства о бедных Ольги Львовны Еремеевой»³² была воссоздана. На образованных при Общине курсах прошли подготовку свыше тысячи сестер милосердия. При финансовой поддержке городской управы Никольская община в память княгини С.С. Щербатовой и доктора Ф.П. Гааза организовала «в Гагаринском переулке приют-общежитие для одиноких девушек-беженок»³³, а при центральном складе для сбора пожертвований на нужды действующей армии (Неглинный проезд, 15) — «мастерскую, где ежедневно от 25 до 40 беженок имели небольшой заработок и дневное пропитание»³⁴. Сестры занимались сбором

пожертвований, выдачей денежных пособий нуждающимся, уходом за воинами-инвалидами в приютах, инвалидных домах, богадельнях, трудились в больницах и госпиталях. К осени 1915 года Община открыла четыре лечебных заведения: «терапевтическую клинику для малоимущих на 30 мест, госпиталь Красного Креста для душевнобольных на 150 мест, психиатрическую больницу для беженцев на 100 мест и брюшнотифозный госпиталь на 50 мест (за счет Московской городской управы)»³⁵.

Как и во время Крымской войны, сестры направлялись в действующую армию. 26 октября 1914 года первые 20 «штатных» николевских сестер зачисляются «на службу военного времени». По состоянию на 1 августа 1915 года уже 183 сестры мило-

сердия отбыли «для ухода за ранеными и больными воинами в лечебные учреждения Красного Креста, военного ведомства, общественных и частных лиц»³⁶. К 1916 году в госпиталях, санитарных поездах, врачебно-питательных пунктах трудилось свыше полутысячи сестер милосердия, о которых, пожалуй, лучше всего сказал сын Великого князя Павла Александровича поэт Владимир Палей:

*Сестры милосердия, ангелы земные,
Добрые и кроткие, грустные немного,
Вы, бальзам пролившие на сердца больные,
Вы, подруги светлые, данные от Бога.
Вам — благословение, сестры душ усталых,
Розаны, расцветившие там, на поле битвы,
И в крестов сиянии ярко-ярко-алых,
Тихо принимавшие раненых молитвы...*

¹Первое двадцатипятилетие состоящего под непосредственным Их Императорских Величеств покровительством в ведомстве учреждений императрицы Марии Попечительства о бедных в Москве (1844–1869 гг.). М., 1869. С. 3.

²Там же.

³Там же. С. 1.

⁴Там же. С. 3.

⁵Холерные эпидемии в Европейской России в 50-летний период 1823–1872 гг. Диссертация на степень доктора наук Г. Архангельского. СПб., 1874. С. 137.

⁶Там же. С. 151.

⁷Там же.

⁸*Кони А.Ф.* Федор Петрович Гааз. Биографический очерк. 3-е изд., дополненное. СПб., 1904. С. 86.

⁹Первое двадцатипятилетие... С. 22.

¹⁰*Кони А.Ф.* Указ. соч. С. 138.

¹¹Первое двадцатипятилетие... С. 3.

¹²ОР РГБ. Ф. 432. К 1. Д. 32.

¹³*Мачульский Е.Н.* Красногорская земля. М., 2006. С. 248.

¹⁴Там же. С. 248.

¹⁵Первое двадцатипятилетие... С. 66.

¹⁶Там же. С. 108.

¹⁷Там же. С. 27.

¹⁸Там же.

¹⁹Сердобольные вдовы — «разряд, установленный для [обитающих во вдовьих домах] женщин дворянского происхождения, специализирующихся на работе по уходу за больными» (www.encspb.ru).

²⁰*Постернак А.В.* Очерки по истории общин сестер милосердия. М., 2001. С. 29.

²¹Очерк медицинской и госпитальной части русских войск в Крыму в 1854–1856 гг. СПб., 1870. С. 11.

²²Там же.

²³Там же. С. 18.

²⁴*Махаев С.К., священник.* Подвижницы милосердия. Русские сестры милосердия. Краткие биографические очерки. М., 1914. С. 13.

²⁵Там же.

²⁶Там же. С. 14.

²⁷Первое двадцатипятилетие... С. 13.

²⁸Там же. С. 17.

²⁹*Постернак А.В.* Указ. соч. С. 30.

³⁰Первое двадцатипятилетие... С. 46.

³¹Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XLIV. Отд. 3. 1869. Приложения. СПб., 1873. С. 24.

³²*Козловцева Е.Н.* Деятельность московских общин сестер милосердия во второй половине XIX — начале XX века // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2004. № 3. С. 139.

³³Там же. С. 140.

³⁴Там же.

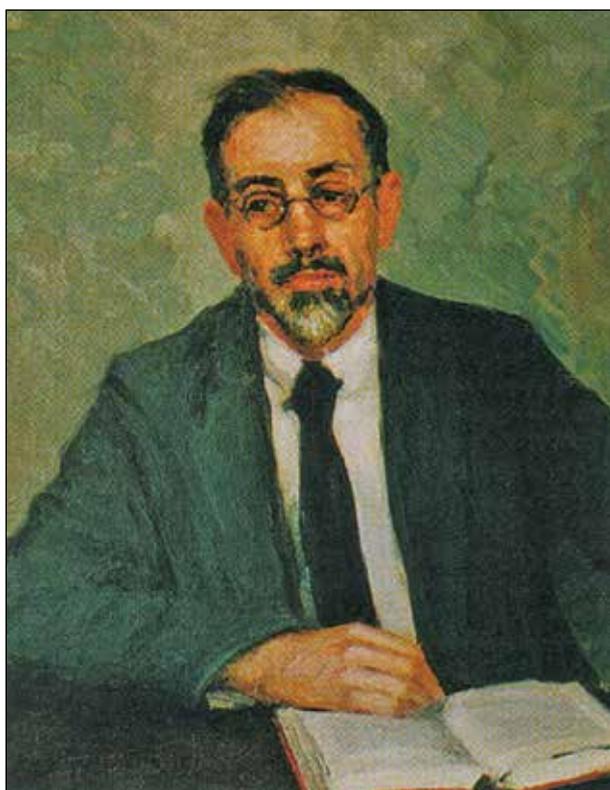
³⁵*Зорин К.В.* Медицинская деятельность московских общин сестер милосердия (середина XIX — начало XX века). М., 2012. С. 15.

³⁶Список сестер милосердия Российского общества Красного Креста, назначенных для ухода за ранеными и больными воинами в лечебных учреждениях Красного Креста, военного ведомства, общественных организаций и частных лиц. Составлен по сведениям, имеющимся в Канцелярии Главного управления Российского общества Красного Креста к 1 августа 1915 года. Пг., 1915. С. 308–316.

Александра Геннадьевна Смирнова

Вспоминая Петра Дмитриевича Барановского

**О выдающемся исследователе и реставраторе памятников архитектуры
П.Д. Барановском (1892–1984) и о Чтениях его имени**

*И.Э. Грабарь. Портрет П.Д. Барановского.
1950-е годы (собрание Красноярского художественного музея).
Иллюстрация из книги: Баранова С.И. Москва изразцовая. М., 2006. С. 242*

В течение последних полутора десятилетий (2000–2016) в стенах Историко-архивного института (ИАИ) РГГУ сложилась традиция проведения Барановских чтений, которые организуются Московским краеведческим обществом (МКО) и Отделением краеведения и историко-куль-

турного туризма ИАИ РГГУ и имеют памятникоохранительный, научно-практический и просветительский характер. Невежественное, порой даже воинствующее отношение к собственному прошлому, увы, существует и сегодня, принимая новые формы и масштабы. В наши дни

утрата уникальных памятников архитектуры, искажение их подлинного исторического облика, грубое вторжение в историческую среду городов остаются явлениями почти обыденными. В связи с этим вопросы сохранения культурного наследия не теряют остроты и актуальности. И потому совсем не случайно посвящение Чтений человеку, столь много и плодотворно потрудившемуся на сей ниве, — Петру Дмитриевичу Барановскому, имя которого для участников стало особым объединяющим символом.

Делу сбережения и возрождения отечественного культурного наследия П.Д. Барановский посвятил, без преувеличения, всю свою жизнь. Уроженец Смоленщины (родился в крестьянской семье в селе Шуйском Вяземского уезда Смоленской губернии), он после учебы в Дорогобужском городском училище поступил в Московское строительное-техническое училище М.К. Приорова, где числился одним из лучших учеников¹. В 1912 году окончил «полный теоретический и практический курс при отличном поведении»², далее на отделении истории искусств Московского археологического института³ «прошел полный курс вольнослушателем и защитил диссертацию “Памятники древнерусского зодчества в Болдинском монастыре”»⁴, а по окончании института (1918) был «оставлен для приготовления к профессорскому званию»⁵.

Сам Петр Дмитриевич писал: 1918 год оказался «решительным в моей личной жизни, когда <...> я вступил на путь научной деятельности, сперва предложив к осуществлению проект освобождения Китайгородской стены в Москве от искажавших ее пристроек, а затем обосновав в Комиссариате имуществ республики необходимость реставрации памятников г. Ярославля после белогвардейского мятежа»⁶. Но и до 1918 года Барановский уже имел дело с памятниками. Первой его работой стало выполненное в 1911 году, по поручению Московского археологического общества (МАО), обследование смоленского Дорогобужского Свято-Троицкого Герасимо-Болдинского монастыря⁷. Тогда же он занимался вопросами реставрации памятников Вязьмы, Старицы. Позднее (1919) МАО избрел П.Д. Барановского своим членом-корреспондентом⁸.

В годы Первой мировой войны П.Д. Барановский будет руководить на фрон-

те строительным отрядом. Его интерес к древним памятникам не только не ослабеет, но, напротив, лишь укрепится. В Полесье, на Волыни, он «умудрялся проводить исследования памятников деревянного зодчества, пытаюсь в чертежах, эскизах, фотографиях сохранить бесценные образцы народного искусства XVII—XVIII вв.»⁹ После «решительного» 1918 года начнется почти десятилетний труд по изучению, восстановлению, реставрации памятников Ярославля, сильно пострадавших во время подавления восстания 1919 года, а также архитектурных шедевров в других городах Ярославской земли.

С именем П.Д. Барановского связаны многочисленные экспедиции на Русский Север, Кавказ, Западную Украину, в Белоруссию, Закавказье, Среднюю Азию, Поволжье, по областям Центральной России, Новгородчине, Псковщине, Смоленщине. В 1920-е — начале 1930-х годов Петр Дмитриевич тесно сотрудничал с Центральными государственными реставрационными мастерскими (ЦГРМ), во время Великой Отечественной войны являлся экспертом Чрезвычайной государственной комиссии по учету ущерба, нанесенного фашистами, затем был начальником отдела реставрации Комитета по делам архитектуры СНК РСФСР. Еще в 1920-х годах он организовал и возглавил музей в Коломенском, заложил основы музея деревянной архитектуры под открытым небом, работал и в дальнейшем совершенствовал уникальный метод научной реставрации памятников (их документального восстановления) по сохранившимся фрагментам кирпича. П.Д. Барановский создал целую школу реставрации, воспитал плеяду учеников и единомышленников. Им выполнены проекты и проведены уникальные работы по реставрации или восстановлению таких шедевров, как Георгиевский собор в Юрьеве-Польском, ансамбль Болдинского монастыря, памятники Александровской слободы, Казанский собор на Красной площади в Москве, Пятницкий собор в Чернигове и многие другие.

В отсутствии у Барановского ученых званий и степеней, конечно, сыграло роль то, что он был репрессирован (в 1933—1936 годах отбывал срок в лагере), но отчасти данное обстоятельство явилось результатом его собственного жизненного выбора. В начале 1920-х годов Барановский мог начать блестящую научную

и педагогическую карьеру, но быстро прекратил преподавательскую деятельность «из-за настоятельной необходимости в охране памятников, выдвигавшейся перестройкой жизни. Открывшиеся широкие возможности в деле реставрации памятников заставили отдать все силы на служение этому делу, и потому не хватало времени даже думать о чем-либо ином. С 1923 года я оставил по личному желанию свои педагогические занятия в вузах.¹⁰ <...> Благоприятной обстановки, при которой спокойно, плодотворно и полноценно в научном отношении можно было бы проводить работу по обработке исследовательских материалов, не складывается и в настоящее время, естественные же упреки за отсутствие публикаций продолжаются, да и сам я сознаю крайнюю необходимость этого. Решительным поворотом в этом направлении было бы решение оставить дело охраны и реставрации и заняться углубленной обработкой материалов. Но по-прежнему еще не укрепленный в достаточной мере фронт охраны и реставрации существующих памятников не позволяет отойти от забот о них»¹¹.

Перечислим вкратце проекты и начинания, осуществленные П.Д. Барановским в Москве. Помимо упомянутого музея в Коломенском, Петр Дмитриевич выступил еще и инициатором организации музея в Спасо-Андрониковом монасты-

ре — древней обители, связанной с именем Андрея Рублева. Изучением этого ансамбля Барановский занялся в начале 1920-х годов, а позже разрабатывал проекты реставрации находящихся на территории монастыря памятников и одновременно продвигал идею организации здесь Музея-заповедника имени Андрея Рублева.

Важнейший этап в жизни П.Д. Барановского — его научно-реставрационная работа в Крутицком подворье — средневековой резиденции митрополитов Сарских и Подонских. Именно здесь в 1964 году Петр Дмитриевич создал одно из первых молодежно-студенческих патриотических объединений — клуб «Родина» (при Московском городском отделении ВООПИиК), участники которого стали добровольными помощниками реставраторов. Деятельность клуба «Родина», просуществовавшего до 1972 года и закрытого по распоряжению властей, — отдельная интереснейшая страница в истории охраны памятников и в биографии П.Д. Барановского¹².

Не раз Петр Дмитриевич обращался к проблеме реставрации Китайгородской стены (1920, 1925, 1927), разобранной в 1934 году¹³.

Особо надо сказать об исследовании и реставрации (1923, 1926, 1928) П.Д. Барановским уникального средневекового ансамбля конца XVII века в Охотном ряду — палат Голицына, палат Троекурова

П.Д. Барановский (справа) во время реставрации ансамбля Крутицкого подворья. Из книги: Петр Барановский. Труды, воспоминания современников. М., 1996

НАСЛЕДИЕ

*Разборка церкви Параскевы Пятницы.
Фотография конца 1928 года*

*Церковь Параскевы Пятницы в Охотном ряду.
Фотография 1880-х годов*

*Палаты Голицына. Идет реставрация.
Фотография середины 1920-х годов*

*Отреставрированный Казанский собор
перед сносом. Начало 1930-х годов*

*Варварская башня
и Проломные ворота
Китайгородской стены.
Фотография
конца 1920-х —
начала 1930-х годов*

и церкви великомученицы Параскевы Пятницы. И.Э. Грабарь в 1927 году писал: «Замечательнейшая по красоте архитектурная перспектива получится после завершения начатых работ по восстановлению древних домов XVII века Голицына и Троекурова. <...> Москва получит редчайшие образцы гражданской архитектуры XVII века, дошедшие до нашего времени в столь малом количестве». Однако «замечательной перспективы» не получилось: в 1928 году начался снос церкви, а в 1934-м, несмотря на протесты Петра Дмитриевича, снесли и Голицынские палаты.

В 1924 и 1937 годах П.Д. Барановский занимался подробным исследованием небольшой, но очень интересной с архитектурной точки зрения церкви мученика Трифона в Напрудной слободе (рубеж XV–XVI веков). Церковь уцелела, хотя и намечалась к сносу.

Другая судьба выпала Казанскому собору на Красной площади — памятнику преодоления Смуты (1630-е годы). П.Д. Барановский, исследовавший собор в 1925–1928 годах, за довольно распространенными поздними классицистическими формами открыл сохранившееся архитектурное чудо XVII века. Работы были прерваны арестом, а в 1936 году, по возвращении из лагеря, Петр Дмитриевич застал разборку собора и, вынужденный жить «за 101-м километром» — в городе Александрове, нелегально приезжал оттуда в Москву, чтобы успеть зафиксировать и обмерить уникальный памятник. Благодаря этому в 1990–1993 годах трудами одного из учеников Барановского — архитектора О.И. Журина — Казанский собор был возвращен Москве.

В 1920–30-х годах Петр Дмитриевич занимался изучением Львиных ворот Богдельного дома в Преображенском, которые были перевезены затем в ГМЗ «Коломенское»; ему принадлежат первые версии происхождения данного архитектурного памятника¹⁴.

В конце 1920-х — начале 1930-х годов П.Д. Барановский делал обмеры и исследовал Никольскую церковь в Мясниках при ее сносе (1928); производил обмеры, разрабатывал проект реставрации ансамбля Симонова монастыря, изучал его древний некрополь; непосредственно перед арестом перевозил в Коломенское части декора приговоренной к сносу ки-

тайгородской церкви Святителя Николая «Большой Крест».

В 1950-х Петр Дмитриевич обследовал сразу несколько московских храмов XVII века: Успенский в Путинках, Георгиевский в Ендове, Троицы в Листах, Иоанно-Богословский в Бронной слободе.

В 1956 году в Зарядье был открыт и исследован Старый Английский двор (ныне — хорошо известный москвичам филиал Музея Москвы) — палаты XVII века с сохранившимися более древними основаниями XVI столетия. Благодаря П.Д. Барановскому была обоснована исключительная ценность этого памятника, что позволило его сохранить и поставить на государственную охрану. В 1962-м в Китай-городе при участии Барановского удалось спасти от сноса палаты Симона Ушакова в Ипатьевском переулке и палаты Боровского подворья (впоследствии передвинутые во двор в связи с застройкой переулка).

* * *

Жизненные принципы Петра Дмитриевича Барановского как нельзя более созвучны идеям устроителей Чтений его имени, недавно (март 2016 года) прошедших в 11-й раз. Традиционно Барановские чтения собирают преподавателей вузов, краеведов, москвоведов, историков, археологов, реставраторов, музейных и архивных работников, представителей памятникоохранительных и градозащитных организаций и движений. Существует у Чтений и ниточка «живой связи» с П.Д. Барановским — это ученики и последователи Петра Дмитриевича. Так, непременным участником всех Чтений является стоявший у их истоков А.М. Пономарев, до сегодняшнего дня продолжающий дело Петра Дмитриевича по изучению и воссозданию ансамбля Болдинского монастыря. Неизменную поддержку организаторам Чтений вплоть до 2009 года оказывала дочь архитектора О.П. Барановская (скончалась в 2010 году). Ольга Петровна — инициатор установки мемориальной доски П.Д. Барановскому на Крутицком подворье. Появились мемориальные доски в Коломенском и у Больничных палат Новодевичьего монастыря, где многие годы жил и работал Петр Дмитриевич. (Однако попытки добиться устройства в палатах мемориального музея-квартиры оказались безуспешными.

Нет в Москве и памятника П.Д. Барановскому, столько сделавшему для Первопрестольной.) Заботами О.П. Барановской сохранен уникальный отцовский архив, переданный в ГНИМА имени А.В. Щусева. Для исследователей самых разных областей русской культуры, в первую очередь реставраторов, историков, архитекторов, краеведов, содержащиеся в архиве материалы бесценны.

Сложился постоянный формат Чтений: в программу обязательно включаются выступления, посвященные самому Петру Дмитриевичу и его деятельности (мемориальная часть), и доклады о сегодняшней судьбе памятников, о формах и методах их защиты, сохранения, популяризации, о других насущных проблемах, связанных с культурным наследием (чаще всего московским). Уже накоплен обширный научный, методический материал, требующий систематизации и осмысления. Здесь хотелось бы подвести некоторые итоги и в связи с этим вспомнить историю Барановских чтений.

I Научно-практические чтения «Петр Дмитриевич Барановский — исследователь и защитник памятников России», состоявшиеся в феврале 2000 года, были организованы кафедрой региональной истории и краеведения ИАИ РГГУ по инициативе ее заведующего В.Ф. Козлова (тогда председателя МКО, а ныне и председателя Союза краеведов России — СКР) совместно с ГНИМА имени А.В. Щусева, Фондом П.Д. Барановского и Государственной академией славянской культуры (ГАСК). Идея проведения подобной конференции именно в ИАИ РГГУ, на кафедре региональной истории и краеведения, возникла не случайно: В.Ф. Козлов, много десятилетий занимавшийся историей охраны памятников, изучением жизни и трудов П.Д. Барановского, собственно, и инициировал первые Чтения, а также взял на себя работу по организации последующих.

Под тем же девизом в феврале 2002 года прошли II Барановские чтения. Круг рассмотренных проблем охватывал важнейшие направления деятельности Петра Дмитриевича. Прозвучали доклады и о продолжении традиций, им заложенных. Было составлено обращение в поддержку давней (1998) инициативы Фонда П.Д. Барановского по созданию мемориальной комнаты-мастерской Петра Дмитриевича.

III Чтения готовились совместно с молодежным Православным историко-культурным обществом. Они прошли в июне 2004 года на территории Патриаршего подворья в Крутицах. Тема — «П.Д. Барановский и памятники московской старины». Выбор места имел непосредственное отношение как к судьбе самого Петра Дмитриевича, так и к одному из важнейших периодов в истории охраны памятников — времени деятельности созданного Барановским молодежного клуба любителей истории и древнерусского искусства «Родина». В Чтениях приняли участие бывшие члены «Родины», поделившиеся с присутствующими своими воспоминаниями.

Крутицкое подворье. III Барановские чтения, посвященные 40-летию клуба «Родина». 2004 год

На IV Барановских чтениях (март 2007 года), посвященных проблемам сохранения культурного наследия Китай-города, поднимались вопросы сохранности памятников и обсуждались современные возможности популяризации истории этого района Москвы. Как раз тогда и установился упомянутый выше постоянный формат Чтений, включающий мемориальную и тематическую части, а оргкомитетом

*Протоиерей Александр Третьяков,
В.Ф. Козлов, А.Г. Смирнова*

О.П. Барановская (слева)

А.Г. Векслер

А.М. Пономарев

(сопредседатели — В.Ф. Козлов и заместитель заведующего кафедрой москвоведения А.Г. Смирнова) был выработан определенный порядок работы. На Чтения пригласили известных москвоведов, сотрудников крупнейших музеев, членов Комиссии «Старая Москва», представителей МГО ВООПИиК, Союза художников России, Фонда П.Д. Барановского, преподавателей РГГУ, ГАСК, впервые — студентов Отделения краеведения и историко-культурного туризма ИАИ РГГУ, которые тоже смогли выступить с сообщениями. О неблагоприятной ситуации, сложившейся в отношении уникальных зданий Китай-города, многие из которых уже безвозвратно утратили свой исторический облик или находятся в плачевном состоянии (Средние торговые ряды, Теплые ряды, Шереметевское, Шевалдышево, Чижевское подворья, Монетный двор, «расстрельный дом» на Никольской и другие), речь шла в докладах заслуженного профессора РГГУ, академика РАО, руководителя Учебно-научного центра исторического краеведения и москвоведения ИАИ РГГУ историка С.О. Шмидта (1922–2013), москвоведа и участника памятникоохранительного движения Р.Э. Рахматулина (газета «Известия»), членов общества «Москва, которой нет» студента Н. Брусиловского и аспиранта А. Можая (ИАИ РГГУ), археолога, представителя Центра археологических исследований Москомнаследия В.Ю. Пирогова, проректора ГАСК профессора М.Н. Громова, А.М. Пономарева, сотрудника филиала Музея истории города Москвы — музея «Старый Английский двор» С.В. Кайдашева. Была презентована книга известного москвоведа С.К. Романюка (1933–2015) «Москва. Китай-город. Путеводитель» (М., 2006), выпущенная издательским центром «Москвоведение».

Тема V Барановских чтений (март 2008 года) — роль общественности в деле сохранения культурного наследия Москвы. С этого года Барановские чтения стали проходить и под эгидой МКО. Выступавшие — В.Ф. Козлов, С.И. Баранова (МГОМЗ), В.Б. Муравьев (председатель Комиссии «Старая Москва»), А.М. Пономарев, А.Г. Смирнова (заместитель председателя СКР, первый заместитель председателя МКО), Р.Э. Рахматулин и другие — говорили о сложившемся отношении к московским памятникам,

об их утратах — уже случившихся и возможных, если общественность промолчит. Обсуждались и новые формы защиты памятников, в частности виртуальные проекты их популяризации. В данный контекст органично вписалась выставка фоторабот члена Совета МКО В.Ю. Пирогова «Московский вандализм — 2008» и представление двух книг — «До основания, а затем. Почему гибнет историко-архитектурное наследие Москвы» (М., 2008) заместителя председателя МГО ВООПИиК, члена Совета МКО В.П. Апенина (1938—2011) и «Москва, которой нет. От Боровицкой до Пушкинской площади» (М., 2007), подготовленной одноименным памятникоохранительным московским движением, а также №4 журнала «Московское наследие» за 2007 год, посвященного памятникам Преображенского.

В июне 2009 года VI Барановские чтения (тема: «Исчезнувшее культурное наследие Москвы») были объединены со Скворцовскими (священник Николай Скворцов (1861—1917) — один из первых исследователей церковной истории и церковных древностей Москвы, Чтения его имени проводит МКО). Активное участие в мероприятии приняли представители Историко-краеведческого приходского общества при Знаменском храме за Петровскими воротами. Часть прозвучавших докладов была подготовлена студентами Отделения краеведения и историко-культурного туризма ИАИ РГГУ.

VII Барановские чтения (декабрь 2010 года) имели четко выраженную практическую направленность, поскольку разговор шел главным образом о памятниках Пушкинской площади, причем в поле зрения участников находились не только утраченная Страстная, но и современная площадь, в отношении которой разрабатывались планы тотальной реконструкции. Тема Чтений формулировалась следующим образом: «Проблемы сохранения культурного наследия Москвы: судьба Пушкинской (Страстной) площади». Соорганизатором выступила Комиссия «Старая Москва». В числе прочих присутствовали члены Совета МКО А.В. Буторов (заместитель председателя Комиссии «Старая Москва»), В.В. Португалова (председатель клуба «Зеленая лампа Арбата»), А.В. Лазарева (архитектор, редактор журнала «Мир

В.Ю. Пирогов

С.И. Баранова

Божий») и А.М. Пономарев. С докладами выступили В.Ф. Козлов («История закрытия и разрушения Страстного монастыря по архивным материалам»), архитектор, координатор движения «Архнадзор» Р.В. Цеханский («Современные проблемы постановки Пушкинской площади под государственную охрану в качестве достопримечательного места Москвы»), А.Г. Смирнова («Утраты Пушкинской площади»), заместитель начальника Управления сохранения объектов археологического наследия Департамента культурного наследия города Москвы В.Ю. Пирогов («Проблемы археологического исследования Пушкинской площади»). В мемориальной части прозвучали студенческие доклады, состоялся просмотр фильма о П.Д. Барановском «Человек, который спас Василия Блаженного». Это были первые Чтения, прошедшие без скончавшейся незадолго перед тем О.П. Барановской. Участники

выработали и приняли резолюцию «О необходимости сохранения Пушкинской (Страстной) площади как части культурного наследия Москвы».

VIII Барановские чтения, возобновившиеся после некоторого перерыва (февраль 2013 года), организаторы приурочили к 30-летию Добровольного движения помощников реставраторов (1983–2013) — тема органичная для данного мероприятия, учитывая цели и задачи Движения; кроме того, зарождение последнего явилось непосредственным продолжением дела Барановского, его учеников, членов клуба «Родина». По числу участников VIII Чтения были, пожалуй, одними из самых массовых. О П.Д. Барановском говорили В.Ф. Козлов и А.М. Пономарев, об истории Барановских чтений — А.Г. Смирнова, о Движении — его ветераны: заместитель директора НИИ реставрации Е.В. Морозов, руководитель объединения «Лад» В.А. Птицын, руководитель добровольческого объединения «Реставрось» К.К. Лобачев, представитель содружества «Рождественка» В.С. Грузинов, члены Отряда имени П.Д. Барановского. Здесь можно было увидеть стенгазеты, выпускавшиеся «добровольцами», старые фотографии. Демонстрировались также фрагменты фильмов «Юбилейный вечер добровольных помощников реставраторов в Политехническом музее. 20.11.1996» и «Юбилейный вечер клуба «Родина» на Крутицком подворье. 4.06.2004 (III Барановские чтения)».

Спустя год, в феврале 2014-го, состоялись IX Барановские чтения — «История охраны культурного наследия Москвы. Общества, люди, события. XIX–XX века». Тема определялась тремя памятными датами: 150-летием Московского археологического общества (МАО), 30-летием со дня смерти П.Д. Барановского и 50-летием клуба «Родина». В мемориальной части прозвучали доклады А.М. Пономарева («П.Д. Барановский и наше культурное наследие»), А.Г. Смирновой («Личный фонд П.Д. Барановского в ГНИМА имени А.В. Щусева. Материалы к биографии»), члена Совета МКО С.И. Барановой («Роль П.Д. Барановского в создании собрания Московского государственного объединенного музея-заповедника), заведующей научным отделом хранения архитектурных архивов ГНИМА имени А.В. Щусева

В.А. Шаховой («Переписка П.Д. Барановского и И.Э. Грабаря 1955 года. Из фондов ГНИМА имени А.В. Щусева»). О деятельности дореволюционных памятникоохранительных обществ и о выдающихся подвижниках русской культуры графе А.С. Уварове и графине П.С. Уваровой рассказали В.Ф. Козлов («Охрана памятников московской старины в деятельности Московского археологического общества и Общества любителей духовного просвещения») и доцент кафедры музеологии РГГУ, член правления Общества изучения русской усадьбы М.А. Полякова («А.С. и П.С. Уваровы как исследователи и организаторы охраны русской старины»). Юбилею «Родины» посвятила свое выступление А.Г. Смирнова, а о современных объединениях, борющихся за сохранение культурного наследия, поведали краевед и журналист, член объединения «Реставрось» Ю.В. Стародубов («Добровольческое объединение молодежи «Реставрось» как продолжатель дела шефской секции МГО ВООПИиК») и координатор общественного движения «Архнадзор» Р.Э. Рахматулин («Архнадзор — итоги первого пятилетия»). В докладе, сделанном представителем старообрядческой общины в Преображенском М.О. Шаховым, была обозначена проблема сохранения единого ансамбля Преображенского старообрядческого монастыря.

Тема прошедших в марте 2015 года X Барановских чтений («Старинные палаты в жизни современной Москвы: проблемы изучения, сохранения и использования») была продиктована знаменательным событием: в январе этого года после десятилетий отторжения от комплекса зданий ИАИ РГГУ на улице Никольской самого старого памятника Китай-города — «Теремка» (бывшей Правильной палаты Печатного двора), он был возвращен вузу. Отреставрированные в конце XIX века палаты, в основе которых лежит постройка XVI столетия, вновь стали доступны (до 1980-х годов в них находились кафедры МГИАИ, заседал кружок источниковедения отечественной истории, 50 лет возглавлявшийся С.О. Шмидтом). В работе Чтений, которую предваряла экскурсия в исторические помещения и подвалы «Теремка», принял участие заместитель руководителя Департамента культурного наследия Москвы главный археолог города Л.В. Кондрашев. Программа в этот

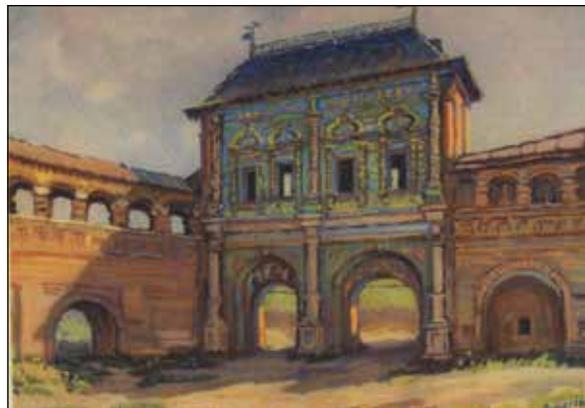
раз делилась на три блока: в первом, мемориальном, выступили А.М. Пономарев («К вопросу об изучении научного наследия П.Д. Барановского») и студентки 2-го курса У.К. Банникова и П.Г. Кузьмина («П.Д. Барановский — защитник средневековых палат в Охотном Ряду»); во втором, посвященном палатам Печатного двора, — известный ученый, долгие годы руководивший археологическим изучением Москвы, в том числе и раскопками в подвалах «Теремка» (1980-е годы), академик РААСН и ААН профессор А.Г. Векслер («Археология “Теремка”»), участник тех раскопок, тогда студент МГИАИ, а ныне заведующий читальным залом РГАДА А.И. Гамаюнов («Из истории археологического изучения “Теремка” в 1983–1984 годах»), В.Ф. Козлов («“Теремок” как центр просвещения Москвы и Китай-города»), А.Г. Смирнова («Печатный двор и празднование открытия памятника первопечатнику Ивану Федорову в 1909 году»); в третьем, касавшемся истории и современного состояния московских средневековых палат, — заведующая филиалом ГИМ «Палаты бояр Романовых» Г.И. Шуцкая («Палаты бояр Романовых в Зарядье — первый опыт научной реставрации в России»), В.Ю. Пирогов («Неизвестный памятник московского зодчества: палаты XVII века в доме №6, стр. 2 по Тверской улице <...>»), В.Ф. Козлов и А.Г. Смирнова («Московские средневековые палаты в историческом центре Москвы: современное состояние и проблемы использования»), Р.Э. Рахматулин («Старинные палаты в градозащитной проблематике последних лет»), С.И. Баранова («Израцовый декор домово́й церкви Параскевы Пятницы в палатах князя В.В. Голицына»), профессор МАрХИ А.А. Малинов («Метрологические методы исследования древнерусских палат Москвы»).

И, наконец, последние по времени (март 2016 года) XI Барановские чтения были посвящены печальным «юбилеям» сносов московских памятников середины 1930-х годов и проблемам воссоздания этих памятников в современной Москве. В начале традиционно прозвучали мемориальные доклады — заведующего научным сектором Отдела хранения архитектурных архивов ГНИМА имени А.В. Щусева А.А. Оксенюка («Архив П.Д. Барановского: современное состояние и перспективы научного использования»), А.Г. Смир-

*Живописные работы А.П. Цесевича.
Бумага, гуашь*

Угловая башня Китайгородской стены

*Крутицкий теремок.
Открытие 1972 года*

новой («П.Д. Барановский и изучение и реставрация московских архитектурных памятников»). О гибели московских архитектурных шедевров указанного периода шла речь в выступлении В.Ф. Козлова. Главный редактор «Московского журнала. История государства Российского» член Совета МКО А.Ф. Грушина сделала доклад «Тема исчезнувшей Москвы и вопросы воссоздания памятников на страницах “Московского журнала”». Об археологических исследованиях утраченных памятников говорил В.Ю. Пирогов. Выступили также клирик храма Святых бессребреников и чудотворцев Космы и Дамиана на Маросейке иерей Сергей Чураков («Златоустовский монастырь и деятельность московской общественности по изучению и популяризации истории обители и по ее возрождению»), руководитель проектного бюро МГО ВООПИиК Р.В. Цеханский («Архитектурные аспекты воссоздания утраченных памятников и святынь»), участник движения за воссоздание Страсс-

*А.М. Васнецов.
Башня Дуло и корпус Сушило.
Бывший Симонов монастырь. Москва.
Открытие 1929 года*

ного монастыря И.А. Новиков, член Градостроительной комиссии при Союзе архитекторов Москвы архитектор А.А. Мелихова («О проблемах возвращения на историческое место памятника А.С. Пушкину и восстановлению колокольни Страстного монастыря»). Стало традицией сопровождать доклады демонстрацией фотографий, слайдов, видеосюжетов, и на этих Чтениях участники и гости смогли познакомиться с интересными старыми снимками, фрагментами кинохроники 1920–1930-х годов, оригинальными материалами археологических исследований и тому подобным. По итогам Чтений было принято обращение к мэру Москвы о не-

обходимости поддержки Правительством Москвы инициатив по разработке научных проектов воссоздания утраченных московских памятников.

* * *

Если подытожить результаты всех одиннадцати Барановских чтений, то они окажутся весьма значительными. Кроме того, что Чтения стали формой объединения краеведов, москвоведов и всех, кому небезразлична судьба отечественного культурного наследия, они являются и трибуной для озвучивания наиболее острых и болезненных вопросов в области охраны памятников, а также важным элементом научно-просветительской деятельности МКО, Отделения краеведения и историко-культурного туризма ИАИ РГГУ и краеведческого сообщества Москвы в целом. Остается только сожалеть, что накопленные за истекшие годы материалы — нередко оригинальные, впервые вводимые в научный оборот, — до сих пор не изданы. А ведь их научное и общественное значение очень велико. Как велико и имя, которое носят Чтения. Недаром И.Э. Грабарь говорил о Петре Дмитриевиче: «В нашей стране живет и действует в расцвете сил такой исключительный знаток и исследователь памятников древней архитектуры, такой архитектор-эрудит и археолог, каким должен был бы гордиться весь Советский Союз и какого нет во всей Западной Европе»¹⁵.

¹Отдел хранения архитектурных архивов ГНИМА имени А.В. Щусева. Ф. Р-ХIV. Д. 5316/10.

²Там же. Д. 5316/11.

³Барановский П.Д. Автобиография // Петр Барановский. Труды, воспоминания современников. М., 1996. С. 7.

⁴Отдел хранения... Д. 5316/18. Л. 3.

⁵Там же. Л. 4.

⁶Там же.

⁷С этим монастырем П.Д. Барановский будет связан всю жизнь: он работал там в 1920–1930-х гг., восстанавливал уникальный ансамбль после Великой Отечественной войны.

⁸Отдел хранения... Д. 5292/8.

⁹Бычков Ю.А. Жизнь Петра Барановского // Петр Барановский... С. 149.

¹⁰Барановский П.Д. Автобиография... С. 8.

¹¹Там же. С.13–14.

¹²Подробнее см.: Глуценко Н. «Родина», патриотический молодежный клуб любителей отечественной истории и культуры (<http://www.russist.ru>).

¹³Петр Барановский... С. 111–142.

¹⁴Русакомский И.К. «Львиные ворота» из Преображенского богадельного дома // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Пространство и пластика. М., 1991. С. 62–74; Борисенкова А.А. «Львиные ворота» из собрания Государственного музея-заповедника «Коломенское». Реконструкция первоначального облика и вопросы происхождения памятника (посвящается П.Д. Барановскому) // Архитектурное наследие. Вып. 46. М., 2006. С. 96–106.

¹⁵Петр Барановский... С. 173.

Алевтина Витальевна Окунева

Архимандрит Исаакий (Виноградов. 1895–1981)

Штрихи к портрету

*Любить — самому в высоту подниматься
Тернистой узкой тропой.
Любить — это в райские двери стучаться,
Другого ведя за собой¹.*

Архимандрит Исаакий (Виноградов). Публикуется впервые²

СВЕТИЛЬНИКИ ВЕРЫ

Архимандрит Исаакий (в миру Иван Васильевич Виноградов) родился в Санкт-Петербурге в день праздника Иверской иконы Божией Матери (12/25 февраля) в учительской семье. Его отец, Василий Васильевич, 40 лет состоял регентом храма Великомученицы Екатерины в деревне Каложицы (ныне одноименный поселок Ленинградской области), где и был похоронен 15 ноября 1926 года³.

Ваня с детства мечтал стать священником. С трех лет играл в «батюшку»: «крестил» и «венчал» кукол своих сестер. Из детских воспоминаний самые яркие — встреча с праведным Иоанном Кронштадтским и прославление преподобного Серафима Саровского (1903), к которому мальчик питал особую любовь. Он даже подражал святому старцу: молился в саду родительского дома на камне. Все дети Виноградовых охотно посещали богослужения.

Как вспоминал архимандрит Исаакий, после окончания школы ему был задан вопрос: «Кем бы ты хотел быть, когда вырастешь?» Ответ был давно готов: «Батюшкой!» Но по совету родителей он заканчивает санкт-петербургское 1-е реальное училище (1913), потом блестяще сдает вступительные экзамены в Духовную академию. 22 октября 1914 года посвящается в стихарь. Уже тогда Иван мечтал о монашестве, но Первая мировая война отсрочила осуществление мечты. Стремление защищать родину с оружием в руках привело

студента Духовной академии на срочные офицерские курсы при военно-пехотном училище в Красном Селе под Петроградом. 1 октября 1916 года, в день Покрова Пресвятой Богородицы, Ивана произвели в офицеры и направили в действующую армию на Румынский фронт.

Вскоре грянула революция, началась Гражданская война. Иван Виноградов вступает в Добровольческую армию, попадает в легендарный полк Михаила Дроздовского, где дослуживается до звания капитана и назначается адъютантом штаба дивизии. Он был автором текста широко известного «Дроздовского марша». Воевал храбро, перенес три ранения, переболел тифом, но из госпиталя упрямо возвращался в строй. В ноябре 1920 года вместе с Белой армией покинул Крым и оказался в Турции, в Галлиполи:

*Без крова и без дома
Я перелетной птицей
Из края в край скитаюсь,
Как странствующий рыцарь.*

Жилось изгнаннику тяжело. Он брался за любую работу, безропотно перенося выпадавшие на его долю лишения и при этом неизменно сохраняя благородство души и горячую любовь к отечеству. Церковь оставалась единственным утешением. Желание посвятить себя ей не покидало Ивана все эти годы:

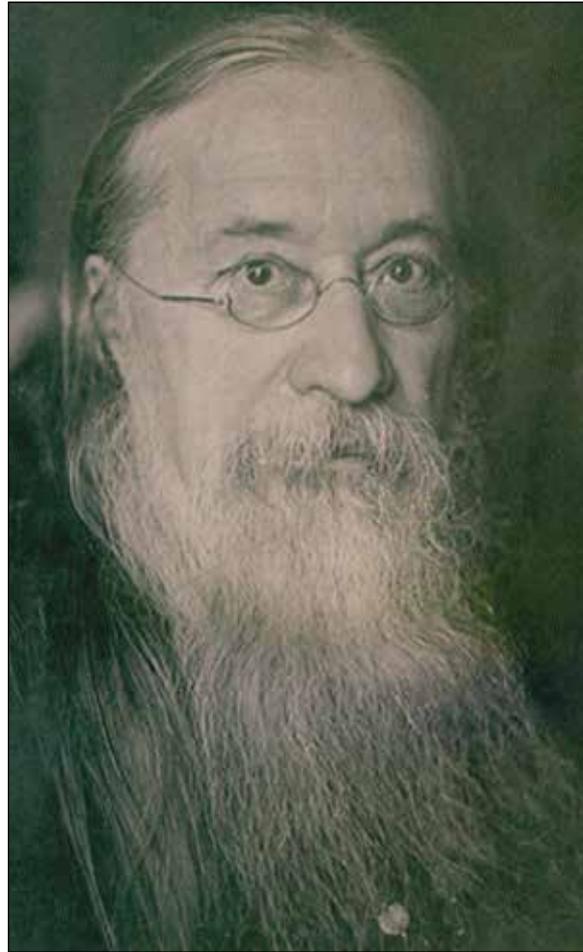

*Штаб 2-го офицерского полка генерала Дроздовского.
В верхнем ряду третий слева — Иван Виноградов. 1919 год*

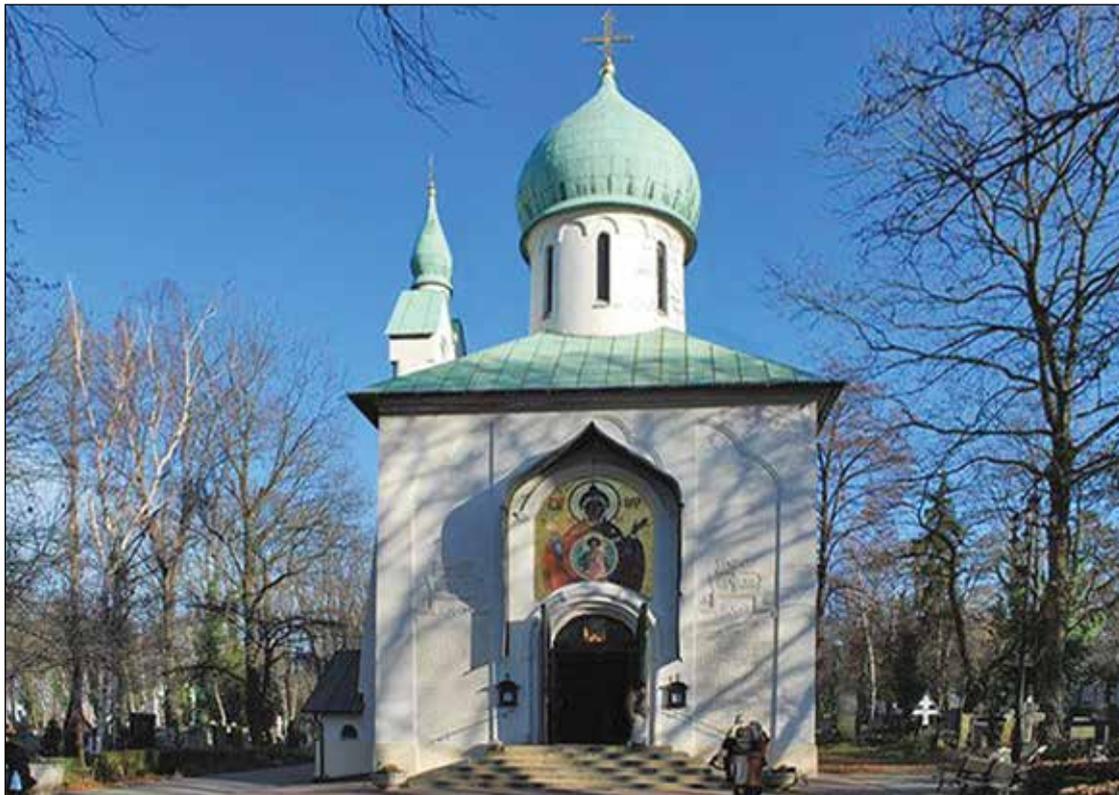
СВЕТИЛЬНИКИ ВЕРЫ

*Когда настанет день надежды исполнения
И выйдет из беды Святая наша Русь,
Я брошу тяжкий путь военного служения
И в келии монахом затворюсь.*

Живя в различных странах, Иван Васильевич не принял чужого подданства. Он вступает в ряды Галлиполийского землячества Русского общевойскового союза (РОВС), принимает участие в деятельности религиозно-просветительской эмигрантской организации «Русское студенческое христианское движение». На одной из конференций произошла его встреча с епископом Пражским Сергием (Королевым), который сообщил офицеру-эмигранту об открытии при Сергиевском подворье в Париже Русского православного богословского института⁴ и благословил на поступление туда. В 1927 году И.В. Виноградова зачисляют в институт сразу на второй курс. Вскоре его недюжинные способности замечает управляющий русскими православными приходами Московской Патриархии в Западной Европе митрополит Евлогий (Георгиевский), который 5 марта того же года постригает студента Виноградова в монашество с именем Исаакий⁵. 9 июля 1928-го уже иеромонах Исаакий отправляется из Парижа к месту своего назначения —

Митрополит Евлогий (Георгиевский)

Прага. Храм Успения Пресвятой Богородицы на Ольшанском кладбище

СВЕТИЛЬНИКИ ВЕРЫ

храму Успения Пресвятой Богородицы на Ольшанском кладбище в Праге. Начался долгий подвижнический путь пастырского служения. Проходя этот путь, отец Исаакий всегда хотел, чтобы голос его

*Журчаньем ручейка звучал бы,
К воде которого живой
Унылый грешник припадал бы
И воду ту живую пил,
В ней находя от бурь забвенья,
И сердце для любви открыл,
Взывая к Богу о прощенье.*

С 1932 года отец Исаакий — игумен, с 1936-го — архимандрит. «Русские» пражане любили своего доброго и мудрого пастыря. О высочайшем авторитете отца Исаакия свидетельствует следующий случай: когда на конгрессе в Праге 7 сентября 1934 года И.А. Бунин перед выступлением спросил аудиторию: «Какие же мне рассказы читать — веселенькие, похабные?» — писателю ответили: «Похабные-то, пожалуй, читать не придется, потому что в зале присутствуют епископ Сергей (Королев. — **А. О.**) и архимандрит Исаакий».

Во время Второй мировой войны отец Исаакий исповедовал русских военнопленных, помогал евреям. Вместе с владыкой

Сергием (Королевым) в день победы отслужил благодарственный молебен. В конце войны ему предложили перейти в англо-американскую зону, но он отказался. Более того, мечтая вернуться на родину, отправился на собеседование к советскому военному начальству, которое сначала приняло его тепло, однако 24 мая 1945 года арестовало и этапировало в львовскую тюрьму. После бесконечных допросов, причинявших отцу Исаакию не только моральные, но и физические страдания, военный трибунал постановил: «Виноградова Ивана Васильевича по совокупности преступлений по ст. 58-2, 58-4, 58-10 УК РСФСР лишить свободы и отправить в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет». Читая протоколы допросов, убеждаешься в мудрости и честности ответов отца Исаакия — он никого не оговорил, не сказал ничего такого, что могло бы кому-то навредить. Сразу после суда ему как священнослужителю разрешили написать прошение на имя Патриарха Алексия I (Симанского). Отправили уже немолодого батюшку по этапу в Казахстан.

14 октября 1945 года, в праздник Покрова Пресвятой Богородицы, «заключенный И.В. Виноградов» прибыл на станцию Карабас и при распределении попал в лагерь поселка Долинка. «Поместили меня, —

*Архиепископ Казанский и Чистопольский Сергей (Королев)
с архимандритом Исаакием (Виноградовым). Казань. 1952 год*

СВЕТИЛЬНИКИ ВЕРЫ

вспоминал отец Исаакий, — в общую камеру вместе с уголовниками, которые сразу же сорвали с меня крест и иконочку, а Евангелие украли и искурили. Начальство надеялось, что бандиты, уголовники быстро спроведят меня на тот свет. Но Господь судил по-другому». Каждую ночь, когда обитатели камеры засыпали, отец Исаакий слезно молился. Работал, едва передвигая распухшие, в трофических язвах, ноги. Смертность в лагере была очень высокой. Каждый раз, хороня умерших, отец Исаакий мысленно служил литию.

Между тем, по ходатайству Патриарха Алексия I и епископа Сергия (Королева), приговор в отношении архимандрита Исаакия отменили, «учитывая, что Виноградов И.В. во время войны не оказывал помощи немецко-фашистским захватчикам». На свободу он вышел 4 мая 1946 года и был отправлен под надзор милиции в город Актюбинск. Через год архиепископ (с 1955-го — митрополит) Алма-Атинский и Казахстанский Николай (Могилевский)⁶ пригласил архимандрита Исаакия в Алма-Ату и в 1947 году назначил настоятелем Казанского, а в 1948-м — Никольского кафедрального собора.

Архиепископ Николай (Могилевский)

Архиепископ Николай и архимандрит Исаакий (Виноградов)

СВЕТИЛЬНИКИ ВЕРЫ

*Настоятель
Свято-Никольского
кафедрального собора
архимандрит Исаакий
у ограды храма*

*Архиепископ Николай,
архимандрит Исаакий,
клир и прихожане
на ступенях
Свято-Никольского собора*

СВЕТИЛЬНИКИ ВЕРЫ

Вознесенский собор в Ельце

В 1957 году, после смерти митрополита Николая, Патриарх Алексей I предложил архимандриту Исаакию преподавательскую должность в Троице-Сергиевой лавре, но «бывшему белогвардейскому офицеру» отказали в прописке. Тогда Святейший благословил отца Исаакия нательным образом Божией Матери, с которым тот не расставался до самой смерти, и вручил посох (архимандриту посох — символ духовной власти — дается, когда он руководит монастырем; в случае же отца Исаакия это означало высокую оценку его пастырских заслуг и дарований при невозможности из-за противодействия властей произвести соответствующее назначение). Архимандрита Исаакия определили настоятелем Вознесенского собора в городе Ельце Липецкой области и благочинным Елецкого района.

Духовное руководство отца Исаакия, по многочисленным свидетельствам, смело можно назвать старческим. Дарами любви к ближнему, молитвы, проповеди он был наделен в высшей степени. Из воспоминаний его духовных чад: «Отец Исаакий — это загадка, великая тайна Божественного Промысла, святость, недоступная пониманию нас, грешных людей. Мы видели только внешнюю сторону. Внутреннее, глубинное, тонкое чувствовалось только сердцем, но оставалось недостижимым». «От него веяло Божией благодатью, так щедро дарованной ему свыше. Люди ощущали это. И, даже не понимая многого, без рассуждений, без раздумий устремлялись к отцу Исаакию всей душой, всем

сердцем, охваченным и озаренным светлым, радостным чувством».

О проповедях архимандрита Исаакия, исполненных огромной духовной силы, надо сказать отдельно. Они записывались и передавались из рук в руки. В Алма-Ате и Ельце их стенографировала духовная дочь отца Исаакия — математик и астрофизик Нина Михайловна Штауде, в 1953 году принявшая монашеский постриг. Благодаря ей до нас дошли не только проповеди, но и молитвы, тропари, кано-

Могила архимандрита Исаакия

ны, составленные архимандритом, а также его стихи. Похоронен отец Исаакий на городском кладбище в Ельце. До сего дня люди, даже не знавшие батюшку лично, приходят к нему на могилу, молятся и получают душевное успокоение, исцеление от недугов. Иеромонах Нектарий (Овчинников) писал: «А нам, оставшимся, наше земное время дается для того, чтобы осознать высокий подвиг таких людей, как отец архимандрит Исаакий, и по мере сил следовать им»⁷.

* * *

Начиная с 2005 года раз в пять лет Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина и Фонд памяти архимандрита Исаакия (Виноградова) проводят международные симпозиумы, ставшие заметным явлением культурной и духовной жизни не только Ельца, но и всей России, а также русского зарубежья. В 2001 и 2010 годах в Праге прошли юбилейные Исаакиевские конференции. В Москве 12 октября 2012 года Домом русского зарубежья имени А.И. Солженицына был устроен вечер памяти архимандрита Исаакия. Наконец, 18–20 мая 2013 года в городе Кингисепе Ленинградской области состоялась посвященная той же теме международная встреча, организованная по благословению епископа Гатчинского и Лужского Митрофана (Осяка) под руководством настоятеля кингисеппского храма Всех святых, в земле Санкт-Петербургской просиявших, при участии вышеупомянутого Фонда и администрации Кингисеппского района.

* * *

Архимандрит Исаакий оставил после себя тропари и каноны, проповеди, поучения, слова, духовные стихи, автобиографические зарисовки. Его молитва «О мире и прекращении вражды» актуальна в веке нынешнем не меньше, чем в веке прошедшем:

Владыко Вседержителю, Святыи Царю!
Призри с небесе и виждь, како враждуют
народи и замышляют друг на друга
суетное и злобное, како содрогаются
вси от воспоминания о бывших ужасех
военных и трепещут от ожидания
уготовляемых новых, еще более страшных.
О Многомилостиве! Умилосердися
о созданиях Твоих, прости грехи и беззакония
наша, иже ради многая скорби, беды
и устрашения приидоша на нас. Благодатию
Пресвятаго Духа ороси изсохшая любовию
сердца людская, терньми самолюбия,
ненависти и зависти, злобы, вражды
лукавства и иных беззаконий поросшая, да
возрастят они горящую к Тебе и к братием
любовь, еуже да потребятся вся распри,
раздоры, разделения, междуособия и войны,
да вси народи не усты точно глаголют
о мире, но, всем сердцем возлюбивше его
непритворно, раскуют мечи своя и копия
на орудия мирнаго делания и к мирному
толко труду обратятся. Человеколюбивый
и Милостивый, усердно молим Тя: мир
мирови Твоему даруй, церквам Твоим
и людем православным и всем творением
Твоим. Ты бо еси Царь мира, и мира Твоего
несть предела, и Тебе слава, и благодарение,
и поклонение от всех да возсылается, и ныне
и присно, и до скончания века веков. Аминь.

¹Здесь и далее в тексте цитируются стихотворения архимандрита Исаакия (Виноградова) разных лет.

²Подпись на обороте фотографии:

«Дорогому о Господе

собрату моему о. протоиерею Феодору [Семененко. Настоятель кладбищенского храма Александра Невского в Ташкенте. — Ред.] в знак искреннего расположения и благодарности за его такое же взаимное чувство к моей худости. И на память о нашей краткой, но незабвенно хорошей встрече в богоспасаемом граде Ташкенте. О Христе с любовью архимандрит Исаакий.

3.IX / 20.X. 1955. г. Алма-Ата»

³18–19 мая 2013 г. в пос. Каложицы Волосовского р-на Ленинградской обл. про-

ходила международная встреча, посвященная жизни и пастырскому служению архимандрита Исаакия; тогда же состоялось открытие восстановленного памятника В.В. Виноградову на церковном кладбище. О матери и сестрах отца Исаакия никаких сведений обнаружить пока не удалось.

⁴Подворье и институт были основаны соответственно в 1924 и 1925 гг. митрополитом Евлогием (Георгиевским).

⁵В честь преподобного Исаакия Далматского — одного из небесных покровителей Санкт-Петербурга, родного города архимандрита Исаакия.

⁶Канонизирован в 2000 г.

⁷Журнал Московской Патриархии. 1981. № 6.

Василий Аксёнов

Дядя Вася

Рассказ

Скоро уже и отемняет. Нынче не медит с этим — глухозимье. Так, будто дверь перед тобой закроем кто с размаху. Вроде.

Север синее краем ночи. Та выползает глухо из-за окоема. Где она царствует — оттуда. Наваливается. Не как летом. Без церемоний. Кто спит, тот ее только не боится. Медведь да бурундук. Когда не шатаются. Еще и хищники ночные — тем уж она как мать родная.

«Русь навалила, — говорит дядя Вася о приезжающих со всех окрест в Ялань за черникой или брусникой ягоdnиках, сезона не дожидającychся, — совсем задала». Так же и о ночи.

Чуть оплошаешь — и задавит.

Солнце только что вот закатилось. Не мешкая. Свысока ему теперь не падать. Ходит вплотную к горизонту. Как дядя Вася выражается, по елкам скачет собольком. Про солнце. Чуть поднялось, уж опускается. Лесную кромку обгряет, в корону вырядив ее. Всем и всему себя напоминает изморозью озаренной: ну, мол, до завтра.

Надо дожить. Так бы ему сказал и дядя Вася. То, мол, «до завтра». Не загадывай.

Да лишь Хребты вдали откосами алеют. Уже тускнеют. На глазах. Совсем недавно были золотыми. Чуть отвлечешься, глянешь — и запеленало.

День-то нынче с гулькин нос. После трех уж и смеркается. Моментом. Победать только засветло. Все остальное совершай в потемках.

Это-то нас особенно и подгоняет.

Еще мороз крепчать стал к вечеру. Обычно. Ночь — чуть не сутки. К утру, наверное, и ниже сорока опустится. Придавит. Да не наверное, а — точно. Закат — на ясно. Не видно мороку. Нигде. И ни на западе, и ни на юге. Ни малой тучки.

Только — след от самолета. Черно-розовый. С края на край располовинил небо. Не развалилось бы — звенит, как колокол, от стужи.

Сейчас пока еще нормально. Градусов тридцать — тридцать пять. На ходу-то — даже жарко. Так в целик-то вот ломиться. По пояс снегу. Где и глубже.

И не по-пляжному одеты. А как в доспехах.

«В ямшину будто собрались... столь на себя-то наседавали. Ну, че там... голым не подашься. Оно — конечно. Не у негров».

Ох и смешной он, этот дядя Вася. Глаза у него... как плоски. Еще, с испугу будто, их всегда тарачит. Хоть на кого, хоть на тебя. На что-то, может, их и щурит. Голубые. Вокруг морщинки — как лучи. Брови косматые, белесые. А борода зато каштановая. С проседью. Вся вон в сосульках. Как у Конюхова. Путешественника. По телевизору показывали. Зубов во рту мало. Совсем ли нет. Один — передний. Как-то еще и сохранился. «Хошь и зыбок, — жалуется, — сволочь». Зовут его, дядю Васю, в Ялани Дедушка Ау. Ау и есть, очень похожий. Это — мультфильм-то. Еще родней далекой мне приходится. Да и фамилии у нас с ним одинаковые. Сотниковы. Из местных оба мы, из коренных. Был у нас Сотников какой-то — прадед. А может — сотник.

Смешной, конечно, дядя Вася.

Сидим летом с ребятами на бревнах. Маленько распивам. Идет мимо. В черных трико, в красной майке. В домашних тапочках. На голове белая панамка. Детская. Загорелый. Мы его приглашаем: «Эй, дядя Вася, подходи. Выпей с нам чарочку. Перекури. Петруху вон поздравить надо». — «Нет, ребята, — говорит дядя Вася резко. — Не пью. Не курю. И вам не советую». Скрылся за углом — к Плетикову подался зачем-то. К деду Серафиму. Умер тот нынче осенью. Похоронили... Ну мы сидим. Маленько это... У Петьки Вторых сын родился — ножки тому и обмывам. Хоть и на солнце — припекают нас, малость разморило. Прошло минут двадцать-тридцать. Полчаса. Глядим — выруливает он, дядя Вася, из-за угла. Пьяной-распьяно-ой. Без панамки — забыл в гостях ее, наверное, — и с беломориной во рту... дым от него, от дяди Васи, как от паровоза. И хитро-хитро че-то лыбится... Но и на этот раз не подошел к нам. Так объегорил.

Бредем, мне в спину все бурчит. Уши у меня под шапкой, и на ходу еще — что там бормочет, не расслышу. Поворачиваюсь к нему.

— Ну, че ты? — спрашиваю. — Устал?

— Ну че, че, — говорит мне дядя Вася. — Молись.

— А че молиться-то?

— Да чтобы не замерзнуть.

— Мы почему замерзнуть-то должны?

— Вот де дурак-то дак дурак...

И не заметишь, как замерзнешь.

Знаю я это...

— Мы же идем-то, шевелимся.

— Ну дык пока... А где присядем.

— Когда присядем, уж тогда... если уж надо.

— Вам, молодым, как втолковать-то?.. Да бес так спутат все в мозгах, необразишь, как и присядешь, как и замерзнешь, не почувствуешь.

— Ну ты наскажешь.

— Вот де горе... Иди тогда, не оборачивайся. Башкой-то вертишь все... как филин. Прямо, сказал тебе, шагай. На ту таежку.

Тут пошагаешь. Ноги еле тащишь.

— Я не на лыжах.

— Хе — на лыжах!

— Ну дак а че?

— Да ничего.

Не могу говорить. Губы у меня от мороза — как эспандер. Резиновый. Круглый, кистевой. Только тот сжать трудно, а их мне — разжать. Отерпли. У дяди Васи в бороде они — им и теплее. Я — «скобленный».

Лес в куржаке. Как дядя Вася говорит, «в опоке». Без ветра — тихий. Стоит — будто замаскировался. Чтобы мороз его не отыскал. Отыщет.

Ронжа одна — таежная сорока — на всю округу растрещалась. Нас провожает, любопытная. Медведя бы преследовала так же — оповещала б всех о нем. Тот, слава Богу, спит в берлоге.

Пусть выдает. Теперь нас это не волнует: сегодня точно отохотились. Уж до ночлега бы добраться.

И хитрован же дядя Вася. Как свои пять пальцев знает эту местность. «Тут, — говорит, — я первым пойду. А дальше — ты. Когда устанешь, помоясь». Он вел по ровному, в низинке. Как мне идти вперед — гора высокая. В гору-то вовсе тяжело уж. Так каждый раз, пока бредем.

И этой осенью, картошку уже выкопали, прихожу я к нему. Сидит он, дядя Вася, на крыльце. Лыжину камусом обшивает.

— Пойдем, — предлагаю, — добудем зверя. Гон у него. Возьми лицензию. Я оплачу.

— Не, парень, — отказывается дядя Вася. — Какая мне теперь охота. Совсем здоровышка не стало. Прошлой зимой едва сохатого догнал... чуть не задохся.

— Ну, — говорю, — сохатого...

— Ты думал, черта?

— Да нет... Так, значит, не пойдешь?

— Дык нет, конечно... Отходился. Отпромышлял, ядрена вошь. Поизносился, как обшлаг у старой рубахи, поистрепался.

Всему, мол, время. «Каждой веш-шы».

— А лыжи-то?

— И че что лыжи?

— Да мастеришь.

— А по привычке. Чтобы без дела не сидеть.

Идем, однако, вот. За ним, за дядей Васей, не угнаться. Мне двадцать восемь только лет. Ему почти уж семь десятков. А позади сейчас он от притворства: так поглядит — как будто помирает.

Где же и вытерпел бы он. Сам заявился. Один идти не хочет — «инфарта опасатса». Где, мол, завалится, ищи его потом. Звери, говорит, прошли. На Медовом. Нашептал ему кто-то. Сам ли придумал. У тебя, дескать, снегоход. «Буран». Оно сподручней, чем пешком-то.

— Да он, — говорю, — ненадежный. Сломаться может.

— Че он сломатса-то?.. Еслив с молитвой.

Вот и сломался. И зверей никаких не нашли. Старые следы есть. Бык и matka. Но где искать их?.. В Томской области? Снег не задержит их, как нас.

«Буран» пришлось оставить там, где отказал. За собой не поволочишь. Вешкой отметили — вдруг занесет-то.

И на Новый год домой теперь не успеем. Переживаю.

Избушек по всей тайге настроил дядя Вася — и за «инфарт» свой не боится. В одиночку. Сходу и не заметишь — так упрятал. К одной из них и направляемся.

Совсем уже за вечерело. Снег только отбеляет. Да небо в звездах.

Ронжа отстала, не стрекочет.

Теперь сова летает, ухаёт.

— Вон, к пихтачу-то в горку поворачивай.

Опять я первый.

Поднялись в горку. Вошли в пихтач.

Избушка. Еле разглядел.

— Вон, — говорит, — лопата возле пихты.

Давай, мол, парень, отгребай.

Добрел я до лопаты. Вернулся. Ружье снял. К лесине его поставил. Стал дверь от снега освобождать.

Сидит дядя Вася на пне, спихнув с него снежную шапку. Командует.

— Да и трубу-то отгреби, а то как печку-то затопим?

Освободил я и трубу.

Изба — полуземлянка. Без всяких сенцев.

Вошли, согнувшись.

Дядя Вася сначала. Нащупал в потемках лампу. Зажег.

Столик. По краям два топчана. На них трава старая — резунец.

Буржуйка. В углу дрова еловые.

Сел дядя Вася на топчан.

— Ох, и устал же я, однако. Это вон сколько... думал, не дойду.

— Я тоже че-то притомился.

— Да ты-то че?! Я в твои годы...

— Ты, — говорю, — дядя Вася, почему зубы себе неставишь?.. А то... как этот... без зубов-то.

Уж не сказал: «Как Дедушка Ау». Не знаю, как он отнесется.

— Ох, милый, — говорит дядя Вася. — Чтобы вернуть мне красоту двухрядную былую... надо двести лет пенсию получать и деньги больше ни на че не тратить, тока копить их... на врача-то... на зубодера. А без зубов оно и лучше.

И не болят, и чистить их не надо. Чаек хлебнул, во рту пополоскал — оно и ладно, без забот.

— Ну и смешной ты, дядя Вася.

— Да уж тебя-то не смешно. В тайгу вон сунулся на сломанном «Буране»...

— Да я-то...

— Ладно... Че теперь.

Буржуйку растопили. Жарко стало. Разделись. До рубах.

Снега натаяли. Чаю с конфетками попили.

Суп с тушенкой сварили.

Поужинали.

Помыл я посуду.

Лежим на топчанах. Сытые.

Мышцы сладко ноют — расслабились. Хоть взлетай.

На душе не горько, пусть и неудача нас постигла. Всякое бывает. На то она и охота.

«Как картошная игра».

Сеноставка шуршит. Не досаждают. Сена у нее по всем углам наставлено. Стогами. Упадет какой, переметывает. Мышей в избушку не пускает. Без них спокойно — те надоедают. Ночью и ползать по тебе начнут. Так неприятно. А эта — ладно. С ней жить можно.

— Землянка у меня была. Пошли мы с Шавским как-то на охоту, — говорит дядя Вася, по животу себя ладонью глядя. — Это с Порфирьичем. С Олегом. Так же вот че-то запозднились. Пришли к избушке. К моей опять же. Да там избушка-то... Вход — как в нору барсучью. Точно. Печку вот так же развели. Штаны над ней на жердочку развесили — чтобы к утру сухими уже были. Сыры-то, худо надевать их. А у Шавского из карманов штанов патрончики — и мода же их россыпью таскать в карманах — тозовочные (от малокалиберной винтовки ТОЗ. — *Ред.*) на печку высыпались. Мы-то — засуетились че-то — и не знам. И я тем более ни сном ни духом. Как оне начали стрелять. Тут кто куда. И оба в лаз. Застряли. Пульки по жопам нам чпок-чпок. Такое, парень, было дело. Ладно, что слабенько — не прохудили, а то бы стало... оно с дырявой-то ходить... как-то не шибко...

— Да, — говорю.

— Но, — говорит дядя Вася.

— Много че у тебя за жизнь случалось.

— Ну дык.

Лежим. Лампу задули — керосин экономим. «Карасин», как называет его дядя Вася. Им, карасином, дескать, всяку болячку можно излечить... и рак, поди, — тот даже можно. Мол, у меня ангина тока начинатса, я карасином глотку окроплю — и все, здоровенький, хошь заорись. И ешь... морожено-то, дескать... можно.

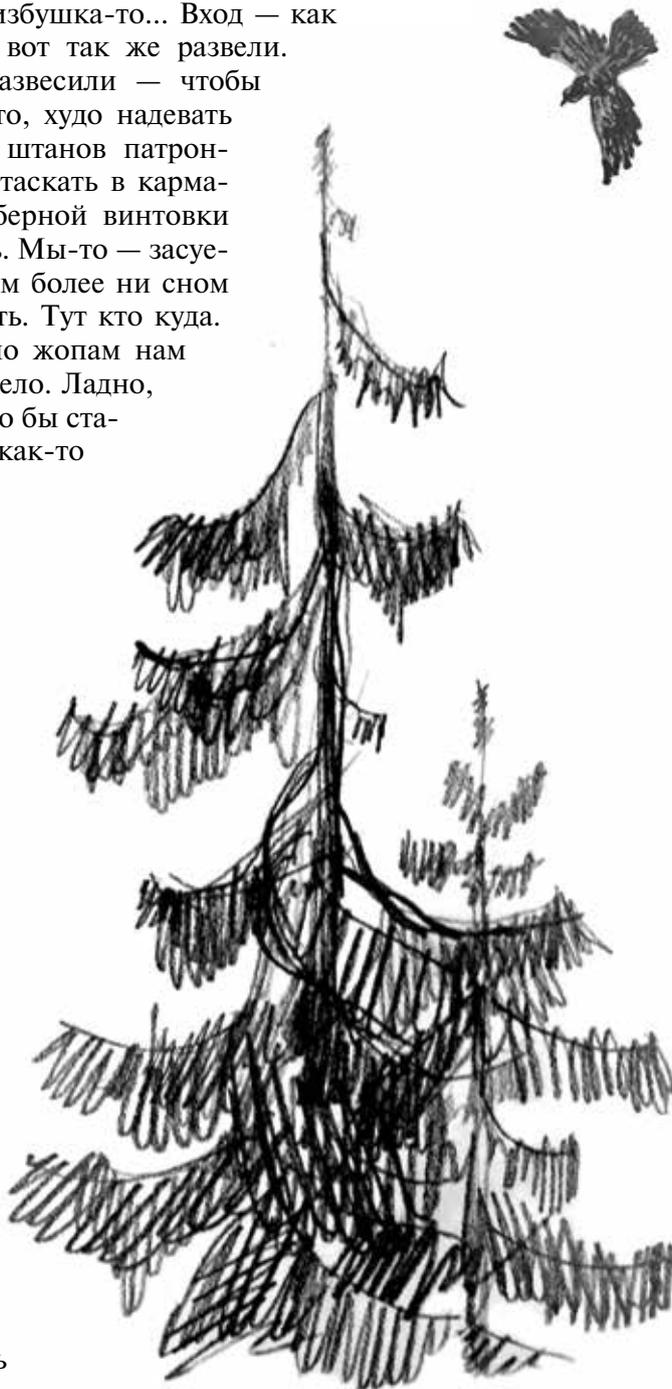
— Счас в Ялани кино смотрят, — говорю.

— Клуба-то нет — какое там кино? — не понимает дядя Вася.

— По телевизору. «Ирония судьбы». Смотрел? — спрашиваю.

— А это-то... Где че?

— А мужики-то в баню тридцать первого идут и напиваются где...

— Это... Да, помню, как-то поглядел.
— Смешно.
Хлопнуло где-то что-то. С пихты снег, наверное, свалился.
— Я не люблю нерусское, — говорит дядя Вася. — Я же иди русский. Там че к чему, не понимаю.
— Какое же нерусское? — говорю. — Самое че ни на есть русское.
— А разве русское?
— Конечно.
— Да как же русское... На Новый год — и люди напиваются?
— И че?
— Да пост же иди. На Рождество уж...
— А че, у нас на Новый год не напиваются?
— У вас — не знаю... А у нас не напивались. Это уж после-то... на Старый. Да и какое оно русское?... Это мужик сорокалетний... Идет в уборную... или куда там... штаны у него, никакого, на колени слезают, а сам он падат и кричит: «Ой, мама, мама...»
— Так и че?
— Да как же че? Да наш-то, русский-то, мужик так разве скажет?... Ну — «мать твою»... уж худо-бедно... То как-то странно... Да и та, баба... Там у него, как у медведя после спячки, изо рта-то... после такой-то еслив пьянки — дак там куда?... А та его целует в губы — ну, как-то срамно... В жизни бывает, конечно, всяко. Иной раз лезешь целоватса... Но не в кине иди... Кино — пример... И год невесту обнадеживают, морочит голову, а после ей: пошла, мол, на хрен, не нужна... Тут тоже — как-то... я не знаю... И мать ему на то ни слова... Да нет, какое ж оно русское... И телевизор у меня сломался, слава Богу. Теперь спокойно, можно отдыхать. То все и пялишься — устанешь.
— Хорошо тут, дядя Вася, — говорю.
— А? — спрашивает.
— Да вот... тепло и хорошо как.
— Хорошо, — говорит дядя Вася. — Но у Татьяны Егоровны под боком было б лучше. Я бы «Чапаева» вот посмотрел... Да его че-то не показывают. А это... прямо... раньше-то... «Величаем Тя, Живодавче Христе...». Вместо теперь на каждое-то Рождество... срамота эта. Как очумели.
— Если не русское, неинтересно тебе, значит?
— Неинтересно-то пошто. Че там смешного, я не вижу. Стыдно...
— Ну, я не знаю.
— Дык не знай.
Подложил я дров в буржуйку. Загудела та.
Лег на топчан.
Мир вокруг избушки темный, суровый. Выйдешь в него — сгинешь.
Слышу: начинает похрапывать дядя Вася. Ему хоть где — везде он дома. Ну, не везде, конечно, а в лесу. В любое время. В город не любит он наведываться. «Тока когда нужда заставит, а так бы век его не видел».
Лежу. Думаю: «А нам с Натахой оно нравится... Каждый Новый год его смотрим. Это кино-то. Сколько уж лет. Чуть ли не с детства. Может быть, мы уже не русские?..»
Вот и меня сон стал одолевать. Уж засыпаю.
Провалился.

*14 января, 2009 года.
Санкт-Петербург.*

Иллюстрации Е.С. Сухоруковой

ПОДПИСКА-2016

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на наш журнал в любом почтовом отделении.

Индекс в каталогах: «Роспечать» — 73371,
«Почта России» — 99716, «Пресса России» — 42158.

Подписку также можно оформить через агентство
«МК периодика» — (495) 681-91-37,
(495) 684-50-08 (для зарубежных подписчиков).

Извещение	Форма № ПД-4
	ОАО «Редакция газеты “Вечерняя Москва”» (наименование получателя платежа) 7734651295 (ИНН получателя платежа) № 40 702 810 7 0200 5154 001 (номер счета получателя платежа) в АО «Нефтепромбанк» (наименование банка и банковские реквизиты) К/с 30101810445250000315 БИК 044525315 Оплата за журналы (наименование платежа) Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп. Кассир Плательщик (подпись) _____
Квитанция	ОАО «Редакция газеты “Вечерняя Москва”» (наименование получателя платежа) 7734651295 (ИНН получателя платежа) № 40 702 810 7 0200 5154 001 (номер счета получателя платежа) в АО «Нефтепромбанк» (наименование банка и банковские реквизиты) К/с 30101810445250000315 БИК 044525315 Оплата за журналы (наименование платежа) Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. ____ коп. Кассир Плательщик (подпись) _____

ПОДПИСКА-2016

Льготную подписку можно оформить:
в редакции (м. «Савёловская»);
почтовым переводом по адресу: 127015, Москва, Бумажный проезд, д. 14, стр. 2;
извещением через банк.

Стоимость подписки с доставкой по почте: полугодовая — 900 руб.

На бланке перевода обязательно укажите
свой почтовый адрес с индексом и контактный телефон.

<p><u>Оборотная сторона</u> Информация о плательщике</p> <hr/> <p>(Ф.И.О., адрес плательщика)</p> <hr/> <p>(ИНН налогоплательщика)</p> <p>№ <hr/></p> <p>(номер лицевого счета (код) плательщика)</p>	
<p><u>Оборотная сторона</u> Информация о плательщике</p> <hr/> <p>(Ф.И.О., адрес плательщика)</p> <hr/> <p>(ИНН налогоплательщика)</p> <p>№ <hr/></p> <p>(номер лицевого счета (код) плательщика)</p>	

Телефон для справок: (499) 557-04-07

Онлайн-подписка: vm.ru

Электронная версия журнала на www.pressa.ru

Николай Владимирович Вехов

Потаенный уголок Русского Севера

О Летнем берегу Беломорья
(историко-краеведческий очерк)

Карта Антония Джэнкинсона. 1562 год

Издrevле берега Белого моря имели собственные названия, отражающие природно-географические особенности и историю освоения каждого.

Одним из первых подверглось русской колонизации южное побережье. Онежский полуостров с лежащим восточнее взморьем подразделяется на

Онежский, или Лямецкий (от города Онеги до мыса Ухт-Наволок), и Летний (от мыса Ухт-Наволок до устья Северной Двины) берега.

Большую часть Южного Поморья занимает Онежский полуостров. Известный специалист и знаток Русского Севера первой трети XX века А.А. Жилинский писал: «Онежский берег с низменным побережьем, на котором местами только встречаются небольшие песчано-глинистые возвышения и попадаются еще гранитные утесы; берег этот вообще значительно ниже предыдущих¹, самые большие возвышенности не превосходят 350 ф[утов]. Он покрыт довольно крупным сосновым и еловым лесом, встречается также и березняк. Летний берег каменист только на северо-западном своем конце; на половине расстояния между островом Жижгиным и губою Унскою берег образует песчано-глинистый обрыв, <...> и над ним приметный хребет лесистых гор, так называемые Летние горы, состоящие из пластов глины. К юго-востоку от этих гор побережье песчаное, невысокое»².

В приморской полосе и глубине полуострова сосредоточено множество рыбных озер и рек, где испокон веков промышляло местное население. Немало тут было в прошлом и речного жемчуга.

Полуостров делит южную область Белого моря на два крупных залива — Двинский и Онежский. Восточный район Южного Поморья — предустьевая часть Северной Двины — является своеобразными морскими воротами всего Русского Севера. Здесь же пролегают и два исторических пограничных рубежа, напоминающих о противостоянии

Участок Летнего берега.
Фотография С. Нечаева

в XIV столетии Великого Новгорода и Москвы при освоении этих территорий: Онежский рубеж на Лямецком берегу, где до сих пор существующую деревню Лямцы считают «уголком Москвы», и Двинский рубеж у Банева наволока, около деревни Яренги, на Летнем берегу. Эта область Беломорья стала одним из основных очагов формирования уникального северорусского этноса — поморов.

В XX столетии Южное Поморье (в отличие от Поморского и Карельского берегов), вследствие его географически изолированного положения, почти не затронула индустриализация и связанные с ней миграционные процессы. Избежали здешние селения и участки «неперспективных» деревень Нечерноземья, Терского и Зимнего берегов, оставаясь и в наши дни самобытными, хорошо сохранившимися, с постоянным и практически исключительно местным по происхождению населением.

* * *

Точное время появления русских на юге Поморья неизвестно. В первой половине XVI века на Лямецком берегу активно скупали или получали в дар соляные варницы и пожни³ Соловецкий и Кирилло-Белозерский монастыри. Самые ранние купчие датируются 1515, 1528, 1542 годами; в них фигурируют соответственно деревни Пушлахта, Лямца, Пурнема. Деревня Нижмозеро упоминается в лоции новгородца Марка Ивановича (начало XVI столетия)⁴. В рассматриваемый период деревни Лямецкого берега уже представляли собой большие многодворные поселения⁵. Каждое имело угодыя, располагавшиеся от жилья в 20–30 километрах⁶. То есть обитали здесь на тот момент далеко не первопроходцы, поскольку на освоение подобных угодий уходило десятки лет.

Небезынтересны предания и легенды местных жителей «о себе». Так, Лямца, о чем уже говорилось, считается «уголком Москвы».

Жители Пушлахты, пушлаходы — с легкой руки английского дипломата и путешественника Антония Дженкинсона, в числе первых изобразившего эту часть Московии на карте, но почему-то отнесшего ее к территории Швеции⁷, вели свое происхождение от шведов. Пурнемчане считали себя потомками новгородцев, однако, по «мнению приходских священников» середины XIX века, могли являться «карелами, совсем обрусевшими»⁸. Нижмозерцев соседи дразнят кайванами⁹. Историк П.С. Ефименко цитирует рукописные заметки одного из этих священников — Дьячкова: «Сначала, говорит народное предание, в Нижмозере жила чудь. Старожилы и сейчас называют места, которые она занимала. <...> Впоследствии стали приходиться из Новгорода и из Корелы поселенцы и селились тут же. Таким образом, нынешние нижмозеряне производят себя от трех племен — чуди, новгородцев и кореляков»¹⁰.

В отличие от Лямецкого берега, на Летнем уже с давних времен существовали не только мелкие, но и ряд крупных поселений, сыгравших в истории этой области Поморья особую роль. О них, а также других здешних достопримечательностях, наш рассказ.

* * *

Начнем с деревни Солза — одной из ближайших к дельте Северной Двины. Первое упоминание о ней относится к 1555 году в связи с купчей крепостью Николо-Корельского монастыря¹¹. В разное время деревня

носила названия Солзекское, Солзекская слободка, Солзоское. В 1910 году вошла в состав Сюземской волости Архангельского уезда. Вот запись конца XIX века: «Солзенский приход состоит из одного селения того же имени, находящегося от Архангельска в 50 верстах. В ней две деревянные церкви, обе в честь Воскресения Христова. Одна, более древняя, построена на средства местных крестьян в 1761 г., в ней один престол во имя Воскресения Христова; <...> в одной связи с ней стоит колокольня весьма ветхая. Другая церковь устроена в 1892 г., в ней два престола: главный во имя Воскресения Христова и придельный во имя иконы Божией Матери, именуемой “Троеручица”. <...> В 1893 г. открыта школа грамоты. <...> Прихожан к 1 янв. 1894 г. состояло 158 м. п. и 196 ж. п., <...> проживают они <...> в 57 дворах близ приходских церквей»¹². Сегодняшняя Солза — это дачный поселок с постоянным населением около 50 человек.

Здесь нельзя обойти вниманием упомянутый выше «Николаевский Корельский монастырь. В летописях нашего отечества этот монастырь достопамятен тем, что сюда в 1553 году случайно пристал на корабле, спасшемся от бури, англичанин Ченслер¹³, начальник английской морской экспедиции, отыскивавший путь в Индию, и нашедший у царя Иоанна Васильевича Грозного гостеприимный прием, и получивший потом право на беспошлинную торговлю с Россией. Так неожиданно был открыт новый путь для сношений с Западной Европой и положено начало загранич-

ной торговли России морским путем через Белое море»¹⁴. Позже «подле монастырских стен существовала и корабельная пристань для английских и других иностранных судов. Когда спустя 31 год после первого появления иностранного корабля в северных водах России на севере возник новый торговый пункт — город Архангельск, то долгое время называли его портом св. Николая. С 1584 года — времени основания Архангельска — иностранные суда стали приставать к вновь возникшему порту как наиболее удобному торговому пункту, и временное оживление вокруг монастыря прекратилось; обезлюдело и место под монастырем. Безлюдьем смотрит оно и теперь (в 1902 году. — Н. В.) на пустынный монастырский берег и на монастырские здания, от которых веет глубокой стариной»¹⁵.

Основал обитель «в 1410 году <...> преподобный Евфимий, просветитель корел»¹⁶. «Но едва усердный труженик успел построить храм Святителя Николая и несколько келий, как в 1419 г. норвежские разбойники напали на монастырь, сожгли церковь и умертвили несколько иноков»¹⁷. Двинская летопись дополняет: «Пришедшие мурманы (норвежцы. — Н. В.) войною 500 человек с моря в бусах и шняках (виды судов. — Н. В.) и повоевоша <...> Корельский монастырь святого Николы, <...> а христиан и чернцев (чернецов, монахов. — Н. В.) посекали»¹⁸. Через четверть века, в 1445 году, норвежцы снова напали. Новгородская летопись: «Приидоша <...> мурмане безвестно за Волок на Двину ратью на Нёноксу

(см. ниже. — **Н. В.**), повоевав и пожгоша и людей пере-секоша, а иных в полон пове-доша. Услышав то, двиняне, приидоша вборзе, иных ис-секоша, а иных прислаша в Новгород с четыредесят, а воевод их, Ивора, и Петра, и третьего, убиши, иные же <...> отбегоша»¹⁹.

Прошло не так много времени, и разоренный монастырь был восстановлен и даже обогатился «значительными вкладами и вотчинами. <...> Сильная властью и значением среди новгородцев, владевшая богатыми угодьями посадница Марфа отправила двух своих сыновей Антона и Феликса осмотреть свои поморские вотчины». По преданию, они утонули во время бури, но их тела на двенадцатый день «были принесены морскими волнами к берегу монастыря. Здесь тела утонувших были погребены, и на месте погребения была устроена часовня, существующая в совершенно измененном виде и до настоящего времени (1902 год. — **Н. В.**). Печальный конец любимых детей Марфы Борецкой, погребенных в Николаевско-Корельском монастыре, нравственно связал ее, сделал близкой к этой обители. В запустевший монастырь от новой благотворительницы потекла щедрая помощь в виде отданных во владение ему вотчин, сенокосных лугов, тоней (рыболовных угодий. — **Н. В.**) и солеварниц»²⁰.

Но «недолго посадница Марфа Борецкая оставалась покровительницей монастыря. Смутные события новгородской жизни дали повод Великому князю Иоанну III вмешаться в новгородские дела и подчинить Новгород своей власти»²¹. Однако ми-

*Николаевский Корельский монастырь.
Северодвинский краеведческий музей*

Фотографии начала XX века

*Соборный храм Никольско-Корельского монастыря
в начале 1930-х годов*

лостей монастырь не лишился. Жалованная грамота 1542 года подтверждала его права на близлежащие деревни Летнего берега — Кяхту, Нёноксу и другие, а также предписывала «наместникам, волостелям и тиунам во время проезда по монастырским селам корма даром не брать; с десяти возов соли или рыбы, отправляемой в Вологду или Каргополь, или с судна “против десяти возов” и с припасов никаких пошлин не брать»²². Грамотой же 1454 года монастырю дозволялось «завести соляные варницы и сечь лес в Сюзьме и Ижме. Если бы кто пожелал поселиться в названных соляных варницах, тот освобождался от великих податей на десять лет». Была и третья грамота — 1551 года, согласно которой монастырь мог «провозить беспошлинно 4000 пудов соли в Вологду и столько же пудов разного рода запасов» для братии. В 1578 году «монастырских людей» освободили от государевой службы.

«В этом же году <...> монастырь получил подтверждение своих прав на владение соляными варницами в Уне, Нёноксе, Варзуге и Солзе²³, вместе с этим названные деревни освобождались от земских повинностей, а соляные промыслы и рыбные ловли — от оброка.

При царе Василии Ивановиче Шуйском грамотой 1607 года <...> были подтверждены все прежние грамоты и права на владение землями, “рушители” которые “ни в чем никому не велено”. Благочестивый царь Михаил Федорович оказал Николаевскому Корельскому монастырю милость, дозволив

в 1636 году продавать беспошлинно 8000 пудов соли. Грамотой 1642 года <...> монастырю разрешалось возить на одном дощанике (речное судно. — Н. В.) 6000 пудов соли для продажи по городам беспошлинно и на вырученные деньги покупать для монастыря съестные припасы также беспошлинно»²⁴.

«Не отставали от государей в деле благотворительности небогату Никольскому монастырю и частные лица, которые своими вкладами давали возможность привести обитель в более благоустроенный вид». Это были «царствующего града Москвы жители А.П. Прозоровский, И.М. Салтыков, И.А. Голицын, С.Л. Стрешнев, боярские фамилии — Нарышкиных, Милославских и т. д. Немало записано в синодиках имен жителей Архангельского края, как, например, нёнокшан, холмогорцев, варзужан, лямцев и др. Множество лиц и их разнообразие показывает, что Николаевский Корельский монастырь имел важное значение в религиозной жизни Крайнего Севера»²⁵.

Во второй половине XVI века «в монастыре было 20 монахов, монастырь деревянный, церковь красива; дома низки с маленькими окнами. <...> Жилищ около монастыря нет, а только 4 дома да здание, построенное английской компанией для собственных нужд»²⁶.

В 1764 году при реорганизации монастырской системы в России «Николаевский Корельский монастырь отчислен к разряду третьеклассных, и настоятелями его должны быть игумены»²⁷.

Предпримем краткий экскурс в историю монастырского строительства.

«Данная <...> монастырю грамота Мафры Посадницы показывает, что церковь Святителя Николая Чудотворца была самой древней в восстановленной после сожжения и норвежского нашествия в 1419 г. Никольской обители. <...> В описи монастыря <...> 1601 г. <...> находятся уже указания на две церкви: Святителя Николая и Успения Божией Матери. <...> В писцовых книгах <...> 1622 года мы читаем: “У моря в нижней половине на Подужемском устье монастырь Николаевский на Корельском берегу, а на монастыре церковь Николы Чудотворца деревянная, другая церковь Успения Пресвятой Богородицы деревянная же с трапезой”»²⁸.

«29 мая 1664 года было заложено основание для постройки каменной церкви во имя Успения Богородицы с трапезой и внизу со многими погребями, а в 1667 г. 10 ноября она была освящена. <...> Каменная церковь Святителя Николая с приделом свв. апостолов Петра и Павла заложена 3 июня 1670 г. и 9 сентября 1673 года <...> была освящена. Названные церкви в 1684 году были соединены каменными переходами с двумя крыльцами. <...> В 1700 году при Успенской церкви была выстроена каменная трехэтажная колокольня, на которой находились колокольные часы и десять колоколов. <...> Украшением Николаевского монастыря служит соборный храм во имя святителя Николая — с пятью главами, покрытыми деревянной чешуей»²⁹.

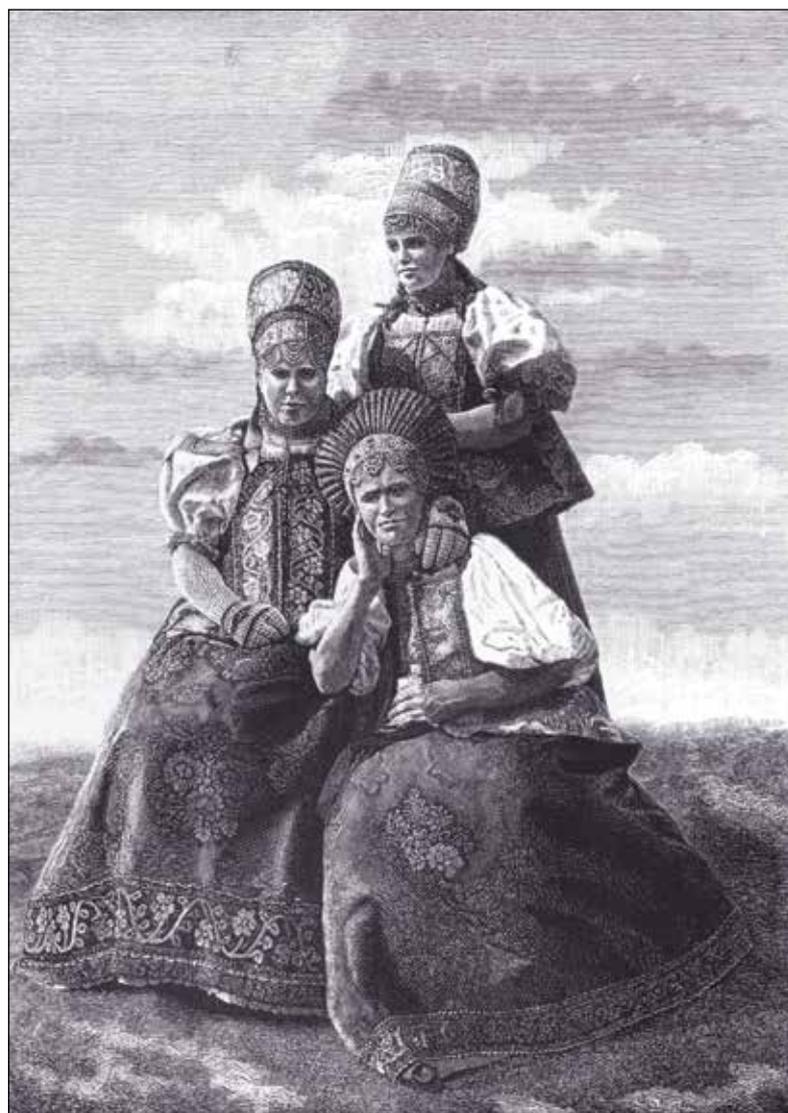
«Под церковью Успения Богородицы <...> в 1887 году была устроена небольшая церковь во имя Боголюбской Богоматери. <...> Зданий, назначенных для братии и разного

рода служб, в Никольском монастыре немного. В 1674 году выстроен каменный одноэтажный корпус для братии; в нем помещалась также братская столовая, пекарня, квасная, сушильня и др. <...> В 1852 году над названным корпусом надстроен второй этаж, деревянный. В верхнем этаже находится помещение и для настоятелей монастыря. В первый раз монастырь был обнесен деревянной оградой с шестью башнями в 1691–1692 гг.; существующая же в настоящее время (1902 год. — Н. В.) устроена около двадцати лет назад»³⁰.

На рубеже XVIII–XIX веков Николо-Корельский монастырь уже считался бедным. «Бедность и скудость средств, а также и уединенность, и пустынность были <...> причиной того, что в монастыре в настоящее время (1902 год. — Н. В.) нет училища и больницы, <...> хотя грамотой <...> 1714 г., <...> а также и указом 1809 г. повелевалось учредить училище и в Никольском монастыре». Однако в Архангельске у обители имелось подворье — «два каменных корпуса; в одном из них, смежном с церковью, помещается братия, трапеза с кухней, кладовые и т. д., а в другом, устроенном в 1895 году, находятся помещения и кладовые, сдаваемые в аренду. К монастырю принадлежит и Николаевский скит на острове Новая Земля. <...> Скит находится в становище Малые Кармакулы и устроен с целью просветить евангельским учением <...> самоедов и удовлетворить религиозной потребности промышленников, приезжающих туда на лето». Небезынтересно, что идея об организации здесь

Нёнокса.
Фотография И. Бармина

Девушки из посада Нёнокса.
Из книги: Суслов В.В. Путевые заметки о севере России и Норвегии. СПб., 1888

скита *«восходит еще к XVII веку, когда грамотой патриарха Иоасафа II 1 января 1672 г. <...> предписывалось послать на Новую Землю священника с псаломщиком»*. Но лишь в 1878 году командированный в залив Моллера на Южный остров Новой Земли для *«устройства приюта и для наблюдений»* поручик корпуса флотских штурманов Евстафий Алексеевич Тягин из здания деревянной «караулки» соорудил для самоедов часовню во имя святителя Николая. В 1887-м часовня была обращена в церковь, а в 1889-м *«с разрешения Св. Синода на Новой Земле учрежден монашеский скит, приписанный к Никольскому монастырю»*³¹.

В 1921 году монастырь национализировали, в нем некоторое время располагалась колония для малолетних преступников, а в 1929-м образовалась сельхозкоммуна «Искра». В 1936-м здесь началось строительство поселка, всего через несколько лет превратившегося в город Молотовск (современный Северодвинск). Градообразующее предприятие — завод оборонного комплекса «Севмаш» — вскоре поглотило монастырские здания, приспособив их для своих нужд. В 1990-х годах часть зданий, в том числе Никольский собор, были возвращены Русской Православной Церкви.

* * *

В нескольких десятках километрах к западу находится старинная деревня Нёнокса, расположенная на левом берегу одноименной речки. *«В лето 1397 дались двиняне к великому князю Василию*

*Дмитриевичу Московскому, сыну великого князя Дмитрия Ивановича Донского, и князь великий разверже мир с новгородцы»*³². Василий Дмитриевич ответил *«давшимся»* к нему двинянам Уставной грамотой, где среди селений Двинского Понизовья и беломорских побережий названа Нёнокса (Нонакса). В XVI веке это — крупный посад. Основным занятием нёнокшан — государственных крестьян — издревле являлась добыча соли. Кроме крестьян, в Нёноксе жили и работники пяти северных монастырей — Николо-Корельского, Сийского, Соловецкого, Кирилло-Белозерского и архангельского Михайловского, имевших там соляные варницы. Свой *«исконный промысел добывания соли из соляных источников»* Нёнокса сохраняла вплоть до конца XIX века. *«Ныне (1898 год. — Н. В.) жители посада, 600 чел., составляют утвержденное правительством Общество солепромышленников Нёнокского посада Архангельской губернии и участвуют в солеварении по душевым и наследственным паям. <...> Вываренная соль складывается в общественные амбары по четырем сортам выварки и продается за общественный счет в Архангельске, куда перевозится на особых строящихся в посаде судах — клиперах и карбасах. <...> Такие суда поднимают соли от 800 до 1000 пудов. Вываривается соли ежегодно 60—90 тыс. пудов»*³³.

В Нёноксе находился один из самых старых православных приходов в Поморье.

«Нёнокский приход состоит из Нёнокского посада, известного своими соляными

варницами. <...> О времени образования прихода точных сведений не имеется. Но несомненно, что он весьма древний: он существовал еще до 1420 г., когда священником, может быть, первым, был Иоанн Вепрев. Известно также, что в Нёноксе находились вотчины монастырей Кирилло-Белозерского, Сийского, Архангельского и Николаевского Корельского; вероятно, что первые древнейшие церкви устроились на средства этих монастырей. Ныне (1894 год. — Н. В.) в приходе четыре деревянные церкви: две приходские, кладбищенская и приписная. Из приходских одна — Троицкая — построена на средства прихожан в 1729 г.³⁴ В ней три престола: главный — в честь св. Троицы, придельный южный — в честь свв. апостолов Петра и Павла и северный — Успения Божией Матери. Церковь эта одноэтажная, звездообразная, пятиглавая, на каменном фундаменте, устроенном в 1870 г., обшита тесом. Другая церковь построена в 1763 г. в честь св. Николая Чудотворца. В ней, кроме Никольского храма, имеется в трапезе придельный — во имя св. великомученицы Параскевы. Церковь эта имеет вид корабля, двуглавая, также на каменном фундаменте и обита тесом. При этих двух церквях имеется деревянная колокольня, построенная в 1834 г. <...> В полуверсте от Нёноксы находится кладбище, и на нем — церковь, построенная в 1748 г., с двумя престолами: главным во имя священномученика Климента, папы Римского, и придельным — во имя Зосимы и Савватия, соловецких чудотворцев. Церковь эта одноглавая, имеет вид корабля и обшита тесом.

Наконец, в 15 верстах от посада при реке Куртяевке на пустом месте находится однопрестольная церковь во имя св. Алексия, человека Божия, построенная на средства прихожан в 1721 г. по случаю явления образа названного угодника Божиего. При церкви — колокольня в одной связи с ней. За оградой впереди алтаря стоит часовня во имя Алексия, человека Божия, на том самом месте, где, по сказанию старожилов, явился образ его на пне. Близ церкви имеются два дома — гостиницы для богомольцев с надворными постройками. <...> В одной версте от церкви находится “талец”, или колодезь, вода которого ключевая — бежит из-под горы. <...> Все церкви Нёнокского прихода содержатся главным образом на арендную плату с сенокосных лугов <...> на Ягорском острове (остров Ягор. — Н. В.) и в Кудемской Петровской даче, также с 6 морских и 5 озерных тоней.

<...> Прихожан к 1 янв. 1894 г. состояло 642 м. п. и 732 ж. п.; почти все они принадлежат к мещанскому сословию и проживают в посаде близ приходских церквей»³⁵.

При всем однообразии поморских селений Нёнокса тем не менее выделялась на общем фоне. «Нёнокский посад вследствие какой-то случайности разбит на правильные участки с широкими прямыми улицами, самые дома его глядят как-то весело своими двумя этажами. В нем две церкви, из-за которых синее узкая полоса моря, удаленного от посада прямым путем на шесть верст. По улицам бродит пропасть коров, овец, лошадей, попадаетея, против ожидания, много мужиков — и не в рваных лохмотьях, как

в Солзе. Видимо, живут они зажиточно и живут большею частью дома, не имея нужды отходить от него»³⁶.

В настоящее время Нёнокса — центр одноименного административного округа.

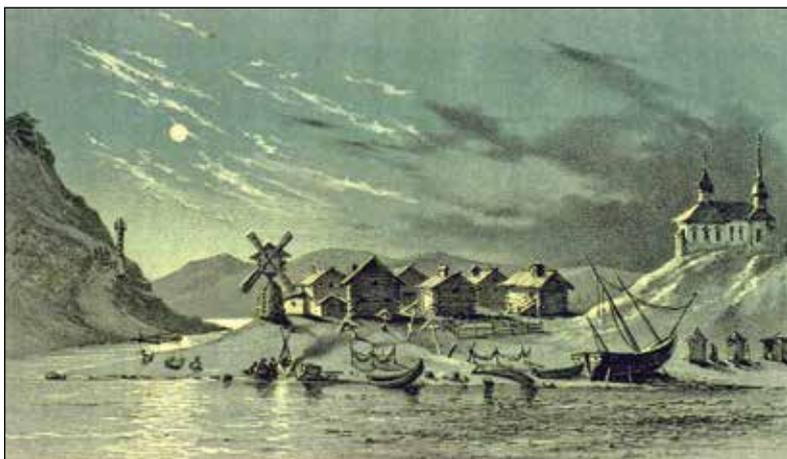
* * *

«В 86 верстах от гор. Архангельска и в 13 верстах от Нёнокского посада»³⁷ находится деревня Сюзьма. «Дорога из Нёноксы в Сюзьму идет по берегу моря, поросшему лесом с тем особенно разительным признаком, что обращенные на север ветви совершенно обнажены от листьев и хвои. <...> Дорога гориста. <...> Красивое село Сюзьма расположено на левом песчаном берегу реки того же имени, через которую переправа на пароме»³⁸.

Это одно из первых русских поселений в Поморье «существует давно, и в прежнее время составляло вотчину Сийского монастыря, как значится в Двинских писцовых книгах XVII века. Монастырю принадлежали дикие леса, треть реки Сюзьмы с ловлями красной рыбы (семги) и сена сто копен. Покосы простирались за сорок верст вверх по Сюзьме. Грамотой великих государей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, данной 1693 года февраля 28-го дня, <...> подтверждено о владении Сийскому архимандриту Никодиму с братией по Сюзьме реке в третью часть рыбными ловлями. <...> По той Сюзьме реке, говорится в грамоте, рыбные ловли и сенные покосы, и на устье Сюзьмы реки соленой промысл-варницы, и двор монастырский, и крестьянские дворы, <...> и к варницам пристань.

Следы варниц видны и теперь (1860-е годы. — Н. В.) на берегу моря; но монастырский двор, имевший, по рассказам жителей, сорок дверей, где жили старец, приказчик монастыря с рабочими, снят и частью употреблен в постройку крестьянских дворов. С соленого промысла и красной рыбы платил монастырь в казну десятую часть. По описям, учиненным в 1764 году всем монастырским имениям губернии, деревня Сюзьма заключала тогда только 25 душ. Промысел красной рыбы ведется донныне; он обыкновенно начинается в сентябре, по уборке жатвы и сена; бывает велик или мал, смотря по ходу рыбы; улов вывозится в Архангельск для продажи. Наваги, корюшка, сельди, камбалы, сиги, морские окуни, вьюны, щуки, треска, <...> редко и не в большом количестве кумжа и семга ловятся в мережи, расставленные по всему морскому берегу. Кроме этого, в весеннее время с марта месяца производится неводами лов белуг и нерпы, которых обыкновенно колют и, вырезав сало, по растопке продают. Для этой ловли ходят на карбасах по береговым припайкам и носятся по морю около льдин, бывая ночь и день на открытом воздухе.

В густо растущих здесь лесах, состоящих из сосняка, ельника, березняка, осинника и ольхи (лиственницы нет), водятся медведи, волки, лисицы, куницы, белки, горностаи, зайцы, выдры, олени; из птиц: гуси, лебеди, орлы, журавли, совы, чухари, рябчики и утки разного рода. Из пресмыкающихся: небольшие змеи. Из растений лекарственных: ромашка, верески, богородская трава, полынь,

Вид Сюзьмы.
Гравюра на камне П. Бореля

мать-мачеха; из приносящих ягоды: рябина, черемуха, малина, вкусная морошка, земляника, костяника, клюква, брусника, черника, смородина черная и красная, а также грибы разных видов.

Есть примечание, что в реках, наполненных камнями, или где, по выражению крестьян, каменные переборы, водится жемчуг; в речках Онежского и Кольского уездов это открыто, и там ловят — или по крайней мере прежде ловили — жемчуг. Руководствуясь этим примечанием, я следил реку Сюзьму, она мелка и везде наполнена камнями так, что в ма-

лую воду трудно проплыть в лодке, не дотрагиваясь до них; камни при спадении воды торчат и высовываются повсеместно, но закрыты во время прилива. И здесь найдены жемчужные раковины, темно-желтые, овальные; они водятся от устья Сюзьмы верст за 8. Жители местные знают это, но к ловле нет между ними охотников. Один только крестьянин занимался назад тому лет 10 ловлей раковин, но старался иметь этот промысел в секрете. Зерна добываются синеватые или красные с просинью, следовательно, незрелые, и в малом количестве. Наши

архангельские ловцы жемчуга относительно ловли его мало имеют познания»³⁹.

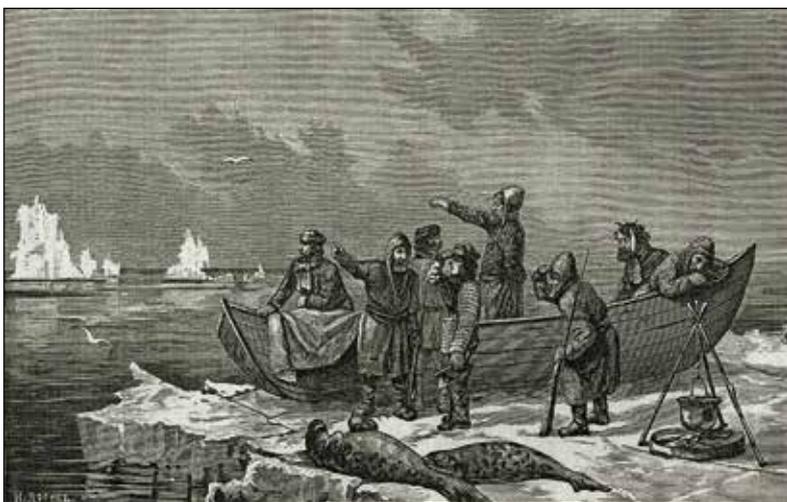
До 1856 года простояла первая в этом селении церковь — «во имя преподобного Антония Сийского, устроенная, вероятно, еще в давние времена на средства Сийского монастыря». Во время рейда по Белому морю англо-французской эскадры церковь подверглась разрушению; вместо нее на «высочайше пожалованную сумму в 1861 г. построена нынешняя (1894 год. — Н. В.) во имя того же святого»⁴⁰. Храм был деревянным, крытый железом, одноглавый и однопрестольный.

Сюзьма приобрела популярность в крае с 1830-х годов «как место морских купаний. Зажиточные жители Архангельска приезжают сюда в июле и нанимают помещения в крестьянских домах, в которых устроены ванны для морской воды, нагреваемой довольно первобытным способом — посредством раскаленных камней. <...> Сюзьма в своих обрядах, обычаях и женских нарядах хранит еще много любопытных остатков старины»⁴¹.

Ныне поселение так и пребывает в статусе деревни.

* * *

Далее на северо-запад по Летнему берегу стоит деревня Красная Гора. Из записок путешественника (конец XIX века): «Проехав полями, засеянными рожью и ячменем, путник въезжает в лес. Дорога идет по берегу шумящей в порогах р. Сюзьмы; во второй половине перегона дорога снова выходит к морскому берегу и приводит к деревне Красной Горе»⁴².

Беломорские промышленники.
Рисунок Н. Лосева. Гравюра по дереву А. Шлипера

Согласно бытующей легенде, название деревне дал в 1694 году проходивший мимо на боте Петр I, которому местные женщины, высыпав на гору, махали в знак приветствия красными платками.

* * *

В 10 верстах от Сюзьмы располагается интереснейший природно-географический объект — Унская губа. *«Не доезжая нескольких верст до Уны (см. ниже. — Н. В.), с крайней и последней к морю горы можно (с трудом, впрочем) усмотреть небольшой край дальней губы»*⁴³. Это — «довольно большой залив, ковш, около 35 верст в длину и местами до 10 верст ширины; с южной стороны ковша вдается к юго-западу узкий рукав длиной до 12 верст. При устье от обоих краев Унского залива тянутся в море две длинные мели, усеянные камнями, <...> между ними проходит узкий пролив, имеющий длину на север около 5 верст, ширину до 3 верст, соединяющий Унский залив с морем (с Двинским заливом). Внешнее устье этого пролива ограничено мысами: Красногорским, или Красным рогом, с восточной стороны и Яренгским рогом с северо-западной стороны. Унский залив — одно из красивейших мест на побережье Белого моря, берега его живописны, сама губа представляет большой фиорд»⁴⁴.

Унская губа «славится обильным ловом зимой в прорубях крупной наваги. <...> Поднявшись на Красногорский рог, путник видит перед собой бедный и забытый, обнесенный вместо ограды палисадником Пертоминский монастырь»⁴⁵.

**Пертоминский
Спасо-Преображенский монастырь.**
Фотография 1886 года

История Пертоминского Спасо-Преображенского монастыря такова. «Основание пустыни положено было <...> в XVI столетии, со времени обретения и прославления мощей преподобных Вассиана и Ионы, пертоминских чудотворцев. Вассиан и Иона были иноками Соловецкой обители, <...> посланы в Архангельск для приобретения нужных для монастыря запасов. На обратном пути из Архангельска их застигла страшная буря на Белом море, вследствие которой одна из плывущих лодок, на которой находились иноки Вассиан и Иона и пять мирян, была залита волнами, и все находившиеся на ней люди погибли. Это случилось в 1566 году. Тела их были принесены волнами в Унскую губу <...> и выброшены на берег, где в настоящее время находится Пертоминская обитель». Местные жители, крестьяне деревни Луды (см. ниже. — Н. В.), «решили перевезти тела в свое село и там предать погребению с почестью, по христианскому обряду — около церкви. <...>

Во время ночи преподобные, явившись ловцам во сне, заповедали им не возить их тела в село, а похоронить тут же, под большой сосной. <...> Над мощами их первоначально поставлен был один крест. В 1599 году, когда разнеслась по окрестностям весть о явлении преподобных, некоторым старцем Мамантом <...> июня 12 дня над мощами их поставлена была первая часовня, при которой, однако, населения и обитания людей не было. В 1617 году, в 25 день марта благоизволением Божиим некий старец, придя в Лудское селение, узнает от лудских жителей о преподобных Вассиане и Ионе и о месте их погребения. По совету лудских жителей поселиться там, <...> устроил келью и поселился в пустыне один. По некотором времени к нему старцу присоединяются другие старцы: Савватий, Дионисий и священноинок Ефрем, и мирских людей двое — Козьма со своим сыном. Эти первые поселенцы и положили начало и основание Пертоминскому пу-

**Территория
Пертоминского монастыря сегодня.**
Фотография И. Бармина

стынножительству. В не-
продолжительном времени
поименованные пустынники
решили воздвигнуть Господу
храм, и 29 мая 1618 г. при-
ступили <...> к рубке леса
и доставлению его на вы-
бранное место». Все про-
плывавшие мимо оказыва-
ли работающим посильную
помощь. «Построив храм,
священноинок Ефрем за бла-
гословлением освятить оный
<...> должен был предпри-
нять неблизкий и нелегкий
путь в Москву. Испросив бла-
гословления у митрополита
и получив аттиминс, книги
и пр., он отправился обратно
в пустыню, но на пути был
ограблен и убит литовцами.
В то же время были убиты
литовцами в Каргополь-
ском уезде собиравшие [ми-
лостыню] на монастырское
строение вышеупомянутый
мирянин Козьма с сыном.
Оставшиеся иноки пустыни
отчасти по скудости к про-
питанию, а более от страха
нашествия литовцев разо-
шлись; оставался в пусты-
не один только инок Савва-
тий. Новопостроенный храм
в продолжение пяти лет

оставался неосвященным.
Через недолгое время к ино-
ку Савватию пришел в пу-
стыню с Поноя⁴⁶ священник
Иаков, который и решился
отправиться в Вологду с хо-
датайством к архиепископу
об освящении новосозданно-
го храма. Окончив с помо-
щью Божией благополучно
свое путешествие, Иаков
24 сентября 1623 г. освятил
новый храм в честь и славу
Преображения Господня⁴⁷.
В 1637 году насельники мо-
настыря исходатайствова-
ли разрешение «построить
в обители другую церковь —
в честь Успения Божией Ма-
тери, с приделом св. Алексия,
человека Божиего. Разре-
шение <...> было дано в гра-
моте от 5 марта 1637 г.»
В 1679-м монастырь хло-
почет о дозволении начать
возведение «нового деревян-
ного Преображенского храма
с приделом великомученика
Феодора Стратилата на ме-
сте первого, обветшавшего.
<...> Построение нового хра-
ма окончено было в 1684 г.,
и 28 сентября <...> соверше-
но было его освящение. <...>
В 1861 г. храм <...> был по-

новлен, покрыт досками, об-
шит тесом и окрашен охрой,
а в 1892 г. покрыт железом.
5 февраля 1683 г. дана была
грамота от царей Иоанна
и Петра Алексеевичей на по-
строение каменной церкви
в честь Успения Божией Ма-
тери. <...> На построение
этой церкви доставлялся ка-
зенный материал, монасты-
рю от великих государей даро-
ваны были многие льготы⁴⁸.
Продолжалось строитель-
ство каменных церквей вза-
мен деревянных⁴⁹. В 1807 го-
ду на месте «часовни, где
почивают мощи свв. Вассиана
и Ионы, пришедшей в совер-
шенную ветхость», начали
возводить «небольшую камен-
ную церковь». Работы завер-
шились в 1814-м; «церковь
была освящена во имя препо-
добных Зосимы и Савватия,
Соловецких чудотворцев, <...>
26 июня. <...> В этой церкви
была поставлена и гробница,
в которой почивают мощи
преподобных отцов Вассиана
и Ионы, <...> при стене с юж-
ной стороны»⁵⁰.

«В голодный 1837 г. мона-
стырь помогал поморам, ко-
торые приходили сюда (да-
же за 35 верст, из Сюзьмы),
чтобы принять ломоть хлеба
и отнести его к страдаю-
щей семье. Монахи с наня-
тыми рабочими сеют ячмень
и рожь <...> и сажают овощи
(даже огурцы в парниках).
В монахах все больше люди
дряхлые, ни к какой работе
не способные, и в бесплатных
рабочих — обетные»⁵¹.

В 1694 году у Летнего бе-
рега потерпел крушение
бот, на котором после посе-
щения Архангельска Петр I
плыл к Соловецким остро-
вам. 30 мая «яхта, отойдя от
Архангельска 120 верст, по-
пала в такой страшный ура-
ган, какого не помнили самые

* * *

бывалые мореходы. Яхта была уже повреждена, надежда на спасение казалась напрасной. Все приготовились к смерти, сам Петр принял причастие, <...> но продолжал одобрять упавших духом и управлять яхтой. <...> Лоцман Антипа Тимофеевич Панов решил для избегания гибели направить яхту через опасные Унские рога в Унскую губу. Опытный глаз и верная рука не изменили Антипе, и яхта, пройдя между рядами камней, в полдень 2 июля стала на якорь в виду Пертоминского монастыря». Под монастырским кровом царь, переживая бурю, провел три дня, оказав обителю многие милости⁵². «На месте своего выхода на берег Государь своими руками сделал и поставил сосновый двухсаженный крест, находящийся ныне (1898 год. — Н. В.) в соборе в г. Архангельске. В 1894 г. на месте этого креста <...> поставлена небольшая церковь Животворящему Кресту, и в ней помещены точная копия сооруженного Петром Великим креста, его портрет и крест, поставленный на сем месте путешественником конца XVIII столетия секунд-майором Петром Ивановичем Челищевым. На этом кресте вполне ясно сохранилась надпись: <...> «На сем месте водружен крест Петром Великим, деланный им, а обновлен его подданным и почитателем Петром Челищевым. 1891. VII»»⁵³.

В 1920 году монастырь закрыли, позже (1929) разместив в нем детскую трудовую колонию⁵⁴. Все церкви снесли, прочие постройки сильно искажили. Сейчас на месте обители находится небольшой поселок Пертоминск.

Среди других селений Летнего берега — две старинные деревни Уна и Луда, расположенные на взморье Унской губы при одноименных реках. Селения разделяет всего четыре километра, и они очень схожи между собой.

Современная деревня Уна лежит несколькими километрами выше устья впадающей в Унскую губу реки Уны. Впервые упоминается в Уставной грамоте 1398 года, пожалованной Великим князем Московским Василием I боярам, сотскому и всем «черным людям Двинской земли». Этот документ относится ко времени первой попытки Московского княжества отнять Поморье у Великого Новгорода. В «Отказной новгородской грамоте на Двинские земли» (1471) Уна, называемая Унским Усолем, значит уже в числе великокняжеских владений, а наличие в названии слова «Усолъе» свидетельствует, что уже тогда в Уне (как и в Луде) зани-

мались солеварением. В начале XVII века Уна — посад, имевший собственную торгово-ремесленную часть⁵⁵.

«Унский приход состоит из Унского посада, в котором находятся две приходские церкви, и из деревни Красногорской с приписной церковью. Несомненно, что это один из древнейших приходов; образование его, вероятно, совпадает с устройством на Уне первой церкви в 1501 г., существующей по настоящее время (1894 год. — Н. В.) и при всем том весьма прочной. Первоначально она была однопрестольной — во имя священномученика Климента⁵⁶; но в 1871 г. пристроены два придела: Иоанно-Богословский с северной стороны и Николаевский с южной, вследствие чего она имеет в настоящее время вид креста. Вторая церковь — однопрестольная во имя Св. Троицы — устроена в 1848 г. и имеет вид корабля. При них отдельно стоящая колокольня, обнесенная вместе с церквями оградой. <...>

Уна. Климентовская церковь сегодня.
Фотография из фондов
Северодвинского краеведческого музея

В приходе имеются церковноприходская школа в Унском посаде, открытая 7 янв. 1891 г., и школа грамоты в Красногорской деревне с 22 дек. 1893 г. Первая помещается в доме священника, состоящего и законоучителем ее безвозмездно; учительницей же состоит его жена. Учащихся к 1 янв. 1894 г. было 24 мальчика. Школа грамоты помещается в Красногорской приписной церкви. <...> Прихожан <...> в Унском посаде при приходских церквях к 1 янв. 1894 г. было 438 м. п. и 509 ж. п.; в Красногорской

деревне при приписной церкви в 1890 г. числилось 118 душ м. п. и 152 ж. п. Приписная церковь в Красногорской деревне устроена в 1893 г. вместо прежде бывшей часовни на средства московского купца Ивана Федоровича Логинова. В ней один престол во имя святителя и чудотворца Николая»⁵⁷.

В 1940–1943 годах Уна являлась административным центром Беломорского района Архангельской области. Ныне Уна и Луда — сельские населенные пункты в составе Пертоминского сельского поселения.

* * *

«Следующие по Летнему берегу селения Яренга и Лапшенга⁵⁸ выстроены на песчаном берегу, и оба имеют по одной церкви, около 50 домов и по сто обывателей (здесь и далее приводимые в цитате сведения относятся к середине XX века. — Н. В.). <...> С севера от Лапшенги берег к деревне Дураковой⁵⁹ значительно возвышается. Выступают из-за прибрежьев лесистые холмы, известные под названием Летних гор, поднявшихся над морем от 30 до 50 сажен. Однако общий вид берега безотраден: тускло горят во всегдашней мрачности воздуха беломорских прибрежьев сельские кресты и главы, хотя солнце и благоприятствует лучшему явлению. Серенькими кучками кажутся из морской дали дома деревень этих. За ними мрачно чернеет лес, раскинутый по горам, и страшно глядят зубья и щели прибрежного гранита, за который цепляется весь этот сосняк и ельник. За маленькой бедной деревней Дураковой <...> берег становится до того каменист, что кажется целой огромной поленицей набросанных один на другой кругляков. К тем из них, которые подмываются водой, прицепилось несметное множество маленьких белого цвета раковин, в которых от действия солнечных лучей и приливов воды развиваются морские улитки»⁶⁰.

Яреньга (см. прим. 58) известна «уже с XVI в. под именем Яренгского погоста, в котором была деревянная церковь во имя святителя и чудотворца Николая, устроенная, вероятно, на средства Соловецкого монастыря, имевшего многочисленные

Церковь Священномученика Климента в посаде Уна.
Реконструкция западного фасада.
Рисунок В.В. Сулова

угодья по всему побережью Белого моря. При ней было несколько человек братии, как это видно из записок, отысканных в давние времена у яренгских крестьян, в которых, между прочим, говорится: «У моря на берегу погост Яренга, а на погосте церковь Николая Чудотворца деревянная с трапезой да часовня; а в церкви образа святые, иконостас и колокола». <...> Поэтому Яренгский погост назывался даже Яренгским монастырем»⁶¹.

В 1635 году погост передали Соловецкому монастырю «со всем строением и с живущими в оном же оброчными, бобыльскими и казачьими людьми с дворами и со всеми угодьями. Погост этот стал известен особенно после явления почивающих в нынешнем Зосимо-Саввативском Яренгском приходском храме мощей свв. Иоанна и Логгина, бывших послушниками Соловецкого монастыря, <...> утонувших в 1561–1563 гг. вместе с другими тружениками соловецкими, плывущими на 15 судах с известью. <...> Найденные вскоре после потопления [их тела] были преданы земле — Иоанна на берегу р. Сярты в 7 верс. на запад от Яренги <...> и Логгина на берегу р. Сосновки в 8 верс. на восток от Яренги. <...> Затем спустя 25 лет честные мощи угодников Божиих по особым чудесным указаниям были перенесены к храму Свят. Николая и положены — св. Иоанна под южной и св. Логгина под северной стеной часовни, нарочито перед этим построенной в честь угодников. <...> Яренгский погост, или монастырь, обращен в приходскую церковь, вероятно, во время повсеместного распоряжения

Деревня Яренга (Яреньга).
Фотографии С. Нечаева

правительства об отбирании от монастырей большей части вотчин. <...> В настоящее время (1894 год. — Н. В.) в Яренгском приходе две церкви: одна каменная однопрестольная во имя свят. и чудотв. Николая, устроенная в 1812 г. и освященная в 1813 г. вместо прежней деревянной, устроенной в XVI в. и сгоревшей в 1811 г. Другая также однопрестольная — во имя Зосимы и Савватия Соловецких, устроенная <...> в 1632 г. на средства Соловецкого монастыря, в коей почивают мощи святых и праведных Иоанна и Логгина, яренгских чудотворцев. Церковь эта деревянная, довольно высокая и прочная. <...> В приходе в 1884 г. была открыта церковноприходская школа, переименованная затем в школу грамотности, помещающуюся в доме священника, который состоит законоучителем и учителем безвозмездно. <...> Приходжан к 1 января 1894 г. состояло 189 душ м. п. и 183 ж. п., проживающих близ приходских церквей в одном Яренгском селении, в коем 64 двора. В приходе имеются три ча-

совни: одна на берегу Белого моря у реки Сярты, в 7 верстах на запад от Яренги — на месте обретения мощей праведного Иоанна, другая на берегу Белого моря у р. Сосновки в 8 верст. на восток от Яренги на месте обретения мощей прав. Логгина и третья близ приходских церквей над могилами св. Иоанна и Логгина, почивавших своими нетленными телесами под стенами ее пятьдесят лет до перенесения их в Зосимо-Савватиевскую церковь»⁶².

Два других селения западной части Летнего берега — Лопшеньга (см. прим. 58) и Летний Наволок (Дураково) — мало чем примечательны, но каждое из них в старину являлось центром прихода.

«Лопшенгский приход существовал еще в прошлом (XVIII. — Н. В.) столетии, <...> затем на время он был закрыт, а в 1858 г. снова открыт. В нем одна деревянная церковь о трех престолах: во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы и препод. Кирилла Белозерского в летней холодной части и свят. Филиппа в зимней теплой;

последний устроен в 1865 г. здание самой церкви обшито и окрашено»⁶³.

«Дураковский приход состоит из одного села того же имени, расположенного на северном берегу носа (мыса. — Н. В.), отделяющего Двинскую губу от Онежской. <...> В приходе одна деревянная церковь, устроенная в 1842 г., крытая тесом и наполовину обшита; возле нее стоит колокольня; оба здания обнесены оградой»⁶⁴.

Умыса Летний Наволок.
Фотография И. Бармина

* * *

Мыс Летний Наволок, помимо того что здесь находится одноименное с ним крайнее западное селение Летнего берега, примечателен тем, что в пятнадцати километрах от него лежит небольшой остров Жижгин, на котором до сих пор сохранился один из самых старых на Белом море маяков.

«С каменистого мыса Ухт-Наволока виднелся в дали моря по направлению к северо-востоку остров Жожгин, или

Жегжизня⁶⁵, как будто весь затянутый в туман, обитаемый только служителями при маяке, освещаемом с 1842 года»⁶⁶.

Изначально маяк был деревянным. Построил его в 1760 году обосновавшийся на Онеге английский лесопромышленник Вильям Гом. Однако в 1780-х годах с прекращением деятельности В. Гома оказался заброшенным и маяк. А в 1838 году на его месте началось сооружение нового, каменного, по проекту выдающегося гидрографа адмирала российского флота Михаила Францевича Рейнеке. В 1841-м здесь поднялась капитальная 20-метровая маячная башня.

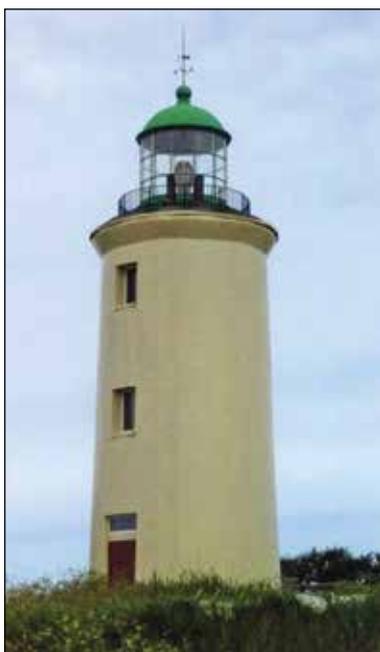
Позже (1843) при маяке была учреждена гидрометеорологическая станция. Первыми в документах станции упоминаются унтер-офицер Порывкин и коллежский регистратор Исаковский. В 1890 году к наблюдениям приступил смотритель маяка Ефим Иванович Ратманов. Более сорока лет он, а затем четверо его сыновей и двое дочерей

несли на станции круглогодичную вахту.

Неподалеку от метеостанции в конце 1910-х годов появился пункт по добыче морских водорослей для открывшегося в январе 1918 года в Архангельске йодного производства (в настоящее время — ОАО «Архангельский опытный водорослевый комбинат»).

* * *

В заключение скажем несколько слов о быте, занятиях и хозяйственном укладе обитателей Летнего берега в XIX — начале XX века. Картина предстает довольно однообразная. Вот что по этому поводу заметил писатель С.В. Максимов, путешествовавший по Северу в начале 1860-х годов: «Те же задымленные старые солеваренные сараи <...> попадают за Сюзьмой, в Красной Горе и в Унском посаде; те же слышатся рассказы о том, что и здесь ловят по осеням в переметы семгу, что в неводы охотно попадает и навага, что также у берега выстает

Действующий маяк
на острове Жижгин

белуги⁶⁷, но что не ловят их за неимением неводов, которые дорого стоят, <...> что во всех этих местах по осени идет и сельдь, но в весьма незначительном количестве сравнительно с камским поморьем. Те же двухэтажные дома, те же деревянные церкви или вместо них такие же часовни мелькают в каждом селении; тем же безлюдьем поражают побережья моря. <...> Разницы в способах ведения промыслов между всеми этими селениями нет никакой, кроме, может быть, того только, что в Уне (посаде) обыватели ходят также в лес за лесной птицей по примеру следующих деревень к городу Онеге, на значительное уже расстояние удаленных от моря, каковы: Нижнеозеро, Кянда, Тамица, Покровское и другие. На 20, на 30 верст удалены селения одно от другого, и только по две, много по три часто пустых промысловых избышки напоминают на всех этих перегонках между приморскими деревнями о близости жизни, труда и разумных существ. Чем-то необычайно приятным, как будто какою-то наградой за долгие мучения, кажется после каждого переезда любое из селений, в которое везут наконец с великим трудом передвигающие ноги почтовые лошаденки. То же испытывается и в следующих за Сюзьмой селениях — в деревне Красной Горе и в посаде Унском»⁶⁸.

Примерно в одно время с Максимовым побывал на Летнем берегу и другой известный знаток Севера — князь Л.А. Ухтомский. Его впечатления: «Рассматривая домашний быт жителей Сюзьмы, их нельзя назвать зажиточными, но во всяком

Веками на Онежском полуострове существовали дороги, идущие сквозь тайгу к Северной Двине и Архангельску.

Фотографии С. Нечаева

случае они имеют больше достатков, чем крестьяне внутренних губерний. Начать с того, что близость Архангельска дает поморам возможность иметь много заработков поденщиной. По берегу Сюзьмы разбросано немало плавнику и всякого лесу, который выбрасывается морем, так что, по-видимому, дров не приходится покупать. С весны жители питаются морской рыбой, и каждый домохозяин имеет свою лодку и свои снасти. Ловится камбала, селедка, навага и мелкая треска. Из морских рыб не едят только вьюна. <...> Часть пойманной рыбы вялят в запас. После страды в августе месяце промышляют семгу и охотятся на лесную дичь. С 1 октября промышляют нерп, а зимою охотятся на морского зверя. К сожалению, все эти заработки — случайные: выдаются года, когда бурные погоды отгоняют от берега рыбу и морского зверя; случается тоже, что и птиц бывает мало в лесах; а так как хлеб родится в Поморье не

достаточно для пропитания местных жителей, то поморы нередко терпят нужду, входят в долги, и потому для поддержания благосостояния жителей необходимо поднять другие отрасли домашнего хозяйства: огородничество и скотоводство»⁶⁹.

На протяжении веков основной «валютой» поморов Летнего, да и всех остальных берегов, оставалась семга. По наблюдениям, сделанным в 1910 году, «на всем берегу нет такого места, где бы семга совсем не ловилась: тони без перерыва следуют одна за другой. Весь Летний берег можно себе представить уставленным тайниками (промысловыми снарядами. — Н. В.)»⁷⁰.

Лов семги производился «броднями, поездами, тайниками, заборами, заколами и прочими [способами]»⁷¹, но главным образом ставными неводами, когда необходимо было «сторожить» рыбу. С.В. Максимов: «На море торчали в несметном множестве над водою колья, подле которых качался карбас, стоящий на якоре; в этом

карбасе сидел сторож. Как только рыба попадает в сети, поплавки начинают дергаться, и это замечает сторож. Он начинал сильно кричать, чтобы его услышали на берегу и вытащили сети»⁷².

Процветал и заборный лов⁷³ семги. Самый известный забор на Летнем берегу существовал около Солзы, находясь в общинном владении. Община еще зимой запасалась лесом и другим материалом. Весной около сотни человек выходили на работу и в три дня устраивали забор. Когда начинался лов, двое очередных ежедневно отправлялись к забору, осматривали его и кротили⁷⁴ попавшуюся рыбу. Кто по тем или иным причинам не ходил, платил штраф 25 копеек за каждый пропущенный день. Рыбу

солили сообща и отвозили на продажу в Архангельск, а вырученные деньги делили подушно.

Исследователь Севера Л.В. Костиков в 1910 году писал: «Посетил деревни Таборскую, Солзу, Нёнокский посад, Сюзьму, Красную Гору и Пертоминский монастырь. <...> Все эти деревни на один лад, живут одним общим укладом»⁷⁶. То же отмечали в XIX — начале XX века многие другие путешественники.

Сельским хозяйством поморы всерьез не занимались. «Скотоводство здесь в самом плохом состоянии, не представляет предметов дохода, а существует только для домашнего хозяйства. Упомянув о скотоводстве, нужно сказать, что здесь лошади мелки и слабы. Скот тоже

мелок и мясо его без вкуса по причине плохого корма и недостатка лугов. Овцы мелки и шерсть у них грубая. Зимой сеном кормят только овец, а рогатый скот кормят мхом (ягелем). По словам поморов, ягель, выбранный в одном месте, вырастает через 6 лет. Из огородных овощей в Сюзьме сажают только картофель»⁷⁶. Хлебопашество было «незначительно по бесплодию почвы и суровости полярного климата»⁷⁷. В начале XX века «земледелием по всему Летнему берегу занимались женщины; мужское население летом — на рыбных промыслах. <...> Помимо земледелия, женщины издавна составляли основную рабочую силу на сенокосе, разводили и содержали скот, <...> вели домашнее хозяйство»⁷⁹.

¹Автор имеет в виду другие области Поморья — Терский, Кандалакшский, Корельский (Карельский) и Поморский берега.

²Жилинский А.А. Крайний Север Европейской России. Архангельская губерния (Ледовый океан и Белое море. Мурман. Лапландия. Карелия. Поморье. Кемь. Онега. Северная Двина. Архангельск. Холмогоры. Пинега. Шенкурск. Мезень. Канин. Печора. Новая Земля. Карское море). Пг., 1919. С. 49.

³Этот термин характерен в основном для Русского Севера, и за пределами Архангельской губернии почти не встречается. Означает «луг, покос, выгон, пустошь».

⁴Елизаровский И.А. Язык беломорских актов XVI—XVII вв. Грамматика. Архангельск, 1958. С. 8.

⁵Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). Вологда, 1981. С. 95—135.

⁶Горский А.Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960. С. 39—40.

⁷Early voyages and travels to Russia and Persia, by Anthony Jenkinson and other Englishmens. Vol. I. London, 1886. P. CXXI, CXLVIII.

⁸Списки населенных мест Российской империи. 1. Архангельская губерния. СПб., 1861. С. 118.

⁹Видимо, от искаженного исторического названия «каянские немцы» — так в старину именовали живущих в пограничных с Карелией районах Швеции финляндских шведов.

¹⁰Ефименко П.С. Заволоцкая чудь. Архангельск, 1869. С. 98.

¹¹Шмигельский Л.Г. Переключка времен // Северодвинск. Испытание на прочность. Очерки, воспоминания, исследования. Северодвинск, 1998. С. 26.

¹²Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. I. Уезды Архангельский и Холмогорский. Архангельск, 1894. С. 213—214.

¹³Ченслер (Ченслор) Ричард (?—1556) — английский мореплаватель, первым установивший торговые отношения между Россией и Англией.

¹⁴Григоревский М. Николаевский Корельский третьеклассный монастырь // Краткое историческое описание монастырей Архангельской епархии. Архангельск, 1902. С. 281.

¹⁵Там же. С. 281—282.

- ¹⁶Огородников С.О. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890. С. 16.
- ¹⁷Григорьевский М. Указ. соч. С. 282.
- ¹⁸Титов А.А. Летопись Двинская. М., 1899. С. 7.
- ¹⁹Янин В.Л. Новгородские акты XII—XV вв. М., 1991. С. 318.
- ²⁰Григорьевский М. Указ. соч. С. 285.
- ²¹Там же. С. 287.
- ²²Там же. С. 288.
- ²³Деревни Уна, Нёнокса и Солза находятся на Летнем берегу, а Варзуга — на побережье Кольского полуострова, в той его части, что называется Терским берегом.
- ²⁴Григорьевский М. Указ. соч. С. 289—290.
- ²⁵Там же. С. 292.
- ²⁶Там же. С. 293.
- ²⁷Там же. С. 300.
- ²⁸Там же. С. 306.
- ²⁹Там же. С. 308, 311.
- ³⁰Там же. С. 313—314.
- ³¹Там же. С. 318—319.
- ³²Титов А.А. Указ. соч. С. 4—5.
- ³³Островский Д.Н. Путеводитель по Северу России. Архангельск, Белое море, Соловецкий монастырь, Мурманский берег, Новая Земля, Печора. СПб., 1898. С. 49—50.
- ³⁴Троицкая церковь в Нёноксе — единственный в России деревянный пятишатровый храм, сохранившийся до настоящего времени.
- ³⁵Краткое историческое описание... С. 214—216.
- ³⁶Максимов С.В. Год на Севере. СПб., 1864. С. 41.
- ³⁷Там же. С. 217.
- ³⁸Островский Д.Н. Указ. соч. С. 50.
- ³⁹Архангельский сборник. Ч. 1. Кн. 1. Архангельск, 1863. С. 229—236.
- ⁴⁰Краткое историческое описание... С. 217.
- ⁴¹Островский Д.Н. Указ. соч. С. 50.
- ⁴²Там же.
- ⁴³Максимов С.В. Указ. соч. С. 43—44.
- ⁴⁴Жилинский А.А. Указ. соч. С. 47.
- ⁴⁵Островский Д.Н. Указ. соч. С. 150.
- ⁴⁶Поной — река в восточной части Кольского полуострова.
- ⁴⁷Добровольский И. Пертоминский монастырь // Краткое историческое описание... С. 409—411.
- ⁴⁸Там же. С. 409—415.
- ⁴⁹Там же. С. 417.
- ⁵⁰Там же. С. 418—420.
- ⁵¹Максимов С.В. Указ. соч. С. 44—45.
- ⁵²Голубцов А. Крест Петра Великого в Архангельском кафедральном соборе // Петр Великий на Севере. Архангельск, 1909. С. 27.
- ⁵³Островский Д.Н. Указ. соч. С. 52.
- ⁵⁴О Пертоминской детской колонии // Известия Архангельского губернского Ревкома и Архгубкома Р.К.П. 1920. 10 июля.
- ⁵⁵Шмигельский Л.Г. Указ. соч. С. 21.
- ⁵⁶Известный архитектор В.В. Суслов, обследовавший храм в конце 1880-х гг., относил эту постройку к XVII в. (см.: Академик архитектуры Владимир Васильевич Суслов. 1857—1921. Каталог выставки. Чертежи акварели, проекты реставрации, архитектурные фантазии. Л., 1971).
- ⁵⁷Краткое историческое описание... С. 218—219.
- ⁵⁸В современной транскрипции — Яренъга и Лопшеньга.
- ⁵⁹Современное название — Летний Наволок.
- ⁶⁰Максимов С.В. Указ. соч. С. 45.
- ⁶¹Краткое историческое описание... С. 220.
- ⁶²Там же. С. 220—223.
- ⁶³Там же. С. 224.
- ⁶⁴Там же. С. 44.
- ⁶⁵Старые названия.
- ⁶⁶Максимов С.В. Указ. соч. С. 48.
- ⁶⁷Белугами в старину и поморы, и остальное население Севера называли белух (вид зубатых китов из семейства нарваловых). «Выстают» — поднимаются на поверхность, чтобы набрать воздуха.
- ⁶⁸Максимов С.В. Указ. соч. С. 42—43.
- ⁶⁹Ухтомский Л. Сюзьма. Этнографический очерк. СПб., 1876. С. 1—2.
- ⁷⁰Алеев В.Р. Поездка на Летний и Онежский берега Белого моря в 1910 году и описание морских рыболовных угодий // Материалы к познанию русского рыболовства. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1913. С. 81—82.
- ⁷¹Костиков Л.В. Отчет о поездке в Архангельскую губернию летом 1910 г. (Архив Российского этнографического музея. Ф. 1. Оп. 2. Д. 349. Л. 40).
- ⁷²Максимов С.В. Указ. соч. С. 37.
- ⁷³Забор — конструкция из бревен и прутьев, полностью или частично перегораживающая русло реки во время нереста рыбы (род ловушки).
- ⁷⁴Глушили.
- ⁷⁵Костиков Л.В. Указ. соч. Л. 48, 91.
- ⁷⁶Ухтомский Л. Указ. соч. С. 2.
- ⁷⁷Максимов С.В. Указ. соч. С. 41.
- ⁷⁸Костиков Л.В. Указ. соч. Л. 51, 91.

ПО РОССИИ

*Преподобные Вассиан и Иона Пертоминские.
Икона второй половины XIX века.
Архангельский музей изобразительных искусств*

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**К 250-летию
со дня рождения
Николая Михайловича
Карамзина (1766–1826).**

**Публикация никогда
не переиздававшейся
со времени выхода (1916)
работы об авторе
«Истории государства
Российского»
филолога, палеографа,
исследователя
древнерусского искусства
Ильи Александровича
Шляпкина (1858–1918)**

**Об исчезнувшей старинной усадьбе Кулеватово
(Тамбовская область) и ее владельцах —
помещиках Давыдовых**